

*200-летию
Казанского государственного университета
посвящается*

И. Г. Ясавеев

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004**

УДК 316.7
ББК 60.56
Я 80

*Издание осуществлено в рамках программы «Специализированные социологические курсы для Поволжско-Уральского региона»
(грант Фонда-Форда 1010-1810-1)*

Рецензент
доктор политических наук
М. М. Назаров

Ясавеев И. Г.

Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 200 с.

ISBN 5-7464-0527-2

В книге рассматриваются процессы конструирования социальных проблем средствами массовой коммуникации. Особое внимание уделяется конкуренции между социальными проблемами за место в “повестке дня”, устанавливаемой средствами массовой коммуникации, конструированию социальных проблем преступности и ВИЧ/СПИДа российскими и региональными телекомпаниями и газетами, а также непреднамеренным последствиям медиа-конструирования социальных проблем, таким, как “эмоциональное выгорание” аудитории. Вводная часть книги посвящена подробному рассмотрению основных социологических подходов к социальным проблемам: направлений социальной патологии, социальной дезорганизации, функционалистского подхода, критического, интеракционистского и конструкционистского.

Для студентов, преподавателей и исследователей в области социальных и политических наук, журналистов и специалистов по управлению коммуникацией (PR).

ISBN 5-7464-0527-2

© И. Г. Ясавеев, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Социологические подходы к социальным проблемам	8
Глава 1. Традиционные социологические подходы к социальным проблемам	8
1.1. Возникновение понятия “социальная проблема”.....	9
1.2. Подход к социальным проблемам как к социальной патологии.....	11
1.3. Подход социальной дезорганизации.....	17
1.4. Функционалистский подход к социальным проблемам.....	21
1.5. Критический (марксистский) подход к социальным проблемам.....	27
1.6. Критика традиционных подходов.....	33
Глава 2. Интеракционистский подход: социальные проблемы как следствия общественной реакции	37
2.1. Идея “определения ситуации” и теория “наклеивания ярлыков”.....	37
2.2. Численность и условия содержания заключенных как фактор криминализации российского общества.....	39
2.3. “Борьба” с наркотиками в России: “решение” проблемы или поддержание ее существования?.....	47
Глава 3. Конструкционистский подход к социальным проблемам	52
3.1. Понятие социальной проблемы с конструкционистской точки зрения.....	52
3.2. Стадии социальной проблемы с конструкционистской точки зрения.....	56
3.3. Некоторые результаты и перспективы конструкционистского анализа социальных проблем.....	60
3.4. Конструкционизм как технология конструирования социальных проблем.....	64
Часть II. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы	73
Глава 4. Пропускная способность средств массовой коммуникации и конкуренция между социальными проблемами	73

4.1. Концепция публичных арен С.Хилгартнера и Ч.Боска.....	73
4.2. Конкуренция между социальными проблемами в современном российском обществе.....	79
Глава 5. Средства массовой коммуникации и социальная проблема преступности.....	90
5.1. Представление ситуации с преступностью в местных телевизионных новостях.....	91
5.2. Представление ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации в западных обществах: обзор результатов криминологических и социологических исследований.....	100
5.3. Представление ситуации с побегами из частей российской армии региональной прессой.....	118
Глава 6. ВИЧ/СПИД и средства массовой коммуникации: порочный круг отсутствующих событийности и проблематичности.....	126
6.1. Распространение ВИЧ/СПИДа в России.....	126
6.2. ВИЧ/СПИД как социальная проблема.....	130
6.3. Представление ситуации с распространением ВИЧ/СПИДа средствами массовой коммуникации.....	132
6.4. ВИЧ/СПИД и “повестка дня” российских политиков.....	142
Глава 7. Непреднамеренные эффекты представления социальных проблем средствами массовой коммуникации.....	146
7.1. Понятие наркотизирующей дисфункции средств массовой коммуникации.....	147
7.2. Концепция “усталости сострадать”.....	149
7.3. Эмоциональное выгорание российской общественности и перспективы конструирования социальных проблем.....	153
Литература.....	161
Приложение. Статьи о ВИЧ/СПИДе, опубликованные в советских/российских газетах с 1986 по 2003 гг. (по «Летописи газетных статей»).....	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему в российском обществе отсутствует значительная обеспокоенность такими явлениями, как жестокое обращение с детьми и женщинами в семье, широкое распространение ВИЧ, повсеместные нарушения прав военнослужащих в российской армии?

Почему люди гораздо больше боятся стать жертвой насильственного преступления, нежели пострадать в результате дорожно-транспортного происшествия, хотя вероятность последнего в большом городе гораздо выше?

Почему большинство людей считает, что убийства составляют от десятой части до трети всех совершаемых преступлений, тогда как в действительности они составляют менее 1%?

Почему так распространен образ наркозависимых людей как реальных или потенциальных преступников, хотя доля преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, более чем в сто раз превышает долю преступлений, совершаемых наркозависимыми или под воздействием наркотических веществ?

Почему употребление алкоголя в России, значительно превышающее все пороги, установленные экспертами, не вызывает общественного беспокойства?

Почему в ежедневных новостях, сообщаемых общероссийскими и региональными телекомпаниями и газетами, значительное внимание уделяется терроризму и преступности, и в то же время курение, в результате которого погибает несравненно большее число людей, не является сколько-нибудь значимой темой для средств массовой коммуникации?

Чем объясняется избирательность внимания политиков, журналистов и общественности в целом?

Попыткой предложить один из вариантов ответа на эти вопросы и является предлагаемая вашему вниманию работа. Как отмечает Пол Рок, устройство мира не отвечает целям его освещения¹. Способствовать осознанию этого и пониманию некоторых аспектов

¹ Rock, P. 'News as Eternal Recurrence', in S. Cohen and J. Young (eds.), *The Manufacture of News*. Beverly Hills, 1981, p. 65.

конструирования реальности средствами массовой коммуникации – основная задача этой книги.

Первая часть включает в себя рассмотрение существующих социологических подходов к социальным проблемам, таких, как подходы социальной патологии и социальной дезорганизации, функционалистский, критический, интеракционистский и конструкционистский подходы. Сразу следует признать, что методологическим основанием работы является “мягкая” версия конструкционистского подхода к социальным проблемам, так называемый контекстуальный конструкционизм. С этой точки зрения, социальные проблемы – это конструкции, создаваемые индивидами и группами, выражающими недовольство относительно тех или иных предполагаемых ситуаций и выдвигающими требования изменить их. В то же время контекстуальные конструкционисты признают возможность, а в некоторых случаях и необходимость обращения к социальному контексту конструирования социальных проблем, то есть к тем ситуациям, относительно которых выдвигаются требования изменения. Конструкционистский подход вызывает множество споров, как среди российских социологов, так и среди иностранных. Именно поэтому представляется необходимым подробное рассмотрение и сопоставление существующих направлений в социологии социальных проблем.

Вторая часть книги посвящена анализу конкуренции между социальными проблемами в российском обществе за место в “повестке дня”, устанавливаемой средствами массовой коммуникации. Особое внимание уделяется проблемам преступности и ВИЧ/СПИДа. Первая представляет собой пример успешной конкуренции с другими проблемами за место в телевизионных новостях и на страницах газет, а вторая – пример проблемы, изначально проигрывающей другим социальным проблемам. Анализ конструирования социальной проблемы преступности средствами массовой коммуникации отчасти основывается на результатах исследования местных телевизионных новостей и региональной прессы, а в ходе исследования проблемы ВИЧ/СПИДа отслеживалось представление ситуации с эпидемией советскими и российскими

газетами с 1986 по 2003 гг. Заключительная глава посвящена одному из наиболее малоизученных и перспективных направлений исследования – “наркотизирующему” эффекту средств массовой коммуникации и эмоциональному выгоранию аудитории в результате представления социальных проблем.

Мне хотелось бы выразить искреннюю признательность Сергею Ерофееву и Михаилу Руденко за организационную помощь и поддержку при подготовке данной книги, Фонду Форда и Организации преподавателей социальных наук за финансовое обеспечение проекта, Александру Ерофееву, с которым мы еще несколько лет назад обсуждали некоторые идеи этой книги, моим студентам и слушателям курса «Социология социальных проблем» в 2002–2004 гг. в Центре социологии культуры Казанского государственного университета за их внимание, вопросы и критические замечания, а также всем моим близким за их понимание, терпение и помощь.

Искэндэр Ясавеев

ЧАСТЬ I. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

В российской социологической науке понятие “социальная проблема” превратилось в своего рода клише, часто встречающееся в названиях и тексте статей, монографий и сборников (“социальные проблемы образования”, “социальные проблемы межнациональных отношений” и т. д.). В сети Интернет, если задать поиск по ключевым словам “социальная проблема”, в настоящее время можно обнаружить более шести тысяч ссылок. Во многих случаях происходит смешение понятий “социальная проблема” и “социологическая проблема”¹: исследователи часто говорят о социальных проблемах, имея в виду прежде всего изучаемые ими вопросы. Между тем, понятие социальной проблемы имеет свою историю в социологии, оно по-разному определяется в рамках различных направлений и при строгом использовании может быть весьма полезным аналитическим средством. Различным подходам к его определению и в целом к исследованию социальных проблем и посвящен настоящий раздел.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

К традиционным в социологии социальных проблем относят прежде всего подходы *социальной патологии*, *социальной дезорганизации* и *функционалистский*. Они считаются традиционными не только в силу относительной давности их возникновения, но и по причине длительного господства в социологии социальных проблем. В настоящее время характер многих социологических исследований, в том числе и отечественных, соответствует этим направлениям. К числу традиционных подходов мы отнесли также *критический (марксистский)* подход к социальным проблемам как социальным

¹ Наиболее отчетливо различие между социальными проблемами и социологическими было проведено Питером Бергером: Бергер П. Л. Приглашение в социологию. М., 1996. С. 40-42.

противоречиям, имея в виду, главным образом, отечественную традицию изучения социальных проблем. Основной чертой этих подходов является *объективизм* – понимание социальных проблем как “объективно существующих” патологических или дезорганизованных состояний, дисфункций или противоречий.

1.1. Возникновение понятия “социальная проблема”

Понятие социальной проблемы стало использоваться в западноевропейских обществах лишь в первой половине XIX в. По мнению Арнольда Грина, осознание существования социальных проблем – общая тенденция видеть и осуждать условия несчастий, случающихся с *незнакомыми, неблизкими* людьми, и решимость изменить эти условия – не могло появиться до возникновения в Западной Европе конца XVIII в. своеобразного комплекса четырех идей: старой идеи равенства и новых идей природного совершенства человека, изменяемости социальных условий и гуманизма¹. Наиболее значимую роль в признании существования социальных проблем в западном обществе эпохи модерна сыграли: (1) светский рационализм, сущность которого заключалась в концептуальном переводе проблем и условий из древнего теологического контекста добра и зла в рационалистский контекст аналитического понимания и контроля, и (2) гуманизм как постепенное расширение и институционализация чувства *сострадания*².

Впервые термины “проблема” (*die Frage*) и “социальный” в виде единого словосочетания стали использовать немецкие авторы, представители литературного движения “Молодая Германия”³. Около 1835 г. Карл Гуцков, Генрих Гейне, Теодор Мундт и Георг Бюхнер стали употреблять выражение “*die soziale Frage*” в значении “социальная проблема”, а не “социальный вопрос”. В этом же году Бундестаг запретил сочинения писателей “Молодой Германии”. Часть участников этого движения активно участвовала в Революции

¹ Green, A. W. *Social Problems: Arena of Conflict*. N. Y., 1975, pp. 31-32.

² Merton, R. K., Nisbet, R. (eds.), *Contemporary Social Problems*. N. Y., 1966, p. 7.

³ Schwartz, H. ‘On the Origin of the Phrase “Social Problems”’, in *Social Problems*, Vol. 44 (2), May 1997, p. 278.

1848 г., в первые месяцы которой во Франции одним из наиболее часто встречающихся политических выражений было “le probleme social”. В английском языке словосочетание “social problem” впервые использовал в начале 1850-х гг. Джон Стюарт Милль.

Первоначально понятие “*социальная проблема*” использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства. Понятие *социальной проблемы как нежелательной ситуации, которую можно и необходимо изменить*, несколько позже используется в западных обществах при попытках осмыслить социальные последствия промышленной революции. В США понятие социальной проблемы стало использоваться в конце Гражданской войны 1861-1865 гг., вызвавшей резкое ухудшение жизненных условий большей части населения. В Британии значительную роль в осознании существования социальных проблем сыграли данные статистических обследований конца XIX в. Описания бедности некоторых социальных слоев поразили британскую общественность. По данным Чарльза Бута, представленным в его знаменитом труде «Жизнь и труд населения Лондона»¹, значительная часть жителей Лондона жила в ужасающей нищете: среди них было 387 тысяч бедных, 220 тысяч недоедавших и 300 тысяч голодавших, тогда как общее число лондонцев в 1881 г. составляло 3815544 человека². По данным Сибома Раунтри, треть рабочего населения Йорка находилась в состоянии физической или абсолютной бедности.

В русском языке понятие “социальная проблема” не получило широкого распространения до XX в. Например, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона нет соответствующей статьи. Данный термин не встречается также в статьях “социальная история”, “социальные движения”, “социальные науки”, “социология”, написанных Н. И. Кареевым. В то же время широко используется термин “социальный вопрос” как «вопрос преобразования общественного строя в интересах тех классов, которые принимают главное участие в создании национального

¹ Booth, C. Life and Labour of the People in London. London, 1889–1891.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 34. С. 951.

богатства»¹. Н. И. Кареев употреблял этот термин и во множественном числе, указывая на “социальные вопросы”, которые обособились в XIX в. и стали осознаваться не только как самостоятельные, но и как «имеющие первенствующее значение в жизни общества».

1.2. Подход к социальным проблемам как к социальной патологии

Исторически первым подходом, который использовали социальные реформаторы и исследователи социальных проблем, был так называемый *подход социальной патологии*. Его фундамент составляет органическая аналогия, то есть понимание структуры и функций человеческого общества по аналогии с природой живых организмов. С этой точки зрения, люди или ситуации являются социальными проблемами в той степени, в какой они препятствуют “нормальной” работе *социального организма*. Социальные проблемы таким образом рассматриваются как *болезни* или *патологии общества*. При этом различие между нормальным и патологическим, “здоровым” состоянием общества и его “болезнью” считается в рамках подхода социальной патологии само собой разумеющимся.

Один из теоретиков данного направления Самуэль Смит, автор книги «Социальная патология» (1911), выразил его сущность следующим образом: «Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной»².

Аналогия с медициной ведет не только к интерпретации социальных проблем как болезней общества и стремлению “лечить” последние после их всестороннего изучения. Основным источником социальных проблем большинство “социальных патологов” видели

¹ Кареев Н. И. Социальный вопрос и социальная политика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. 61. С. 72.

² Smith, S. ‘The Organic Analogy’, in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), The Study of Social Problems: Seven Perspectives. N. Y., 2003, p. 20.

в изначальной, “врожденной” неспособности ряда индивидов к “нормальному” поведению. Это направление, таким образом, отличает *индивидуализация оснований социальных проблем*.

Наиболее известным примером такого подхода к проблеме преступности являются работы Чезаре Ломброзо. 1876 год – время выхода в свет в Милане его книги «Преступный человек»¹ – иногда считается некой вехой, отмечающей начало “патологического” осмысления девиантности.

Интересны обстоятельства возникновения теории “врожденной преступности” Ломброзо. Будучи врачом и проводя вскрытие тела одного из преступников, известного своими разбойными нападениями, Ломброзо был поражен тем обстоятельством, что строение черепа преступника имело ярко выраженное сходство с черепом определенных видов обезьян. В частности, на нем присутствовало две затылочные ямки, *median occipital fossa*, встречающиеся у определенных видов низших приматов². Таким образом, строение черепа этого преступника представляло собой пример *атавизма* или *реверсии* – появления у организмов признаков, свойственных их далеким предкам.

У Ломброзо возникает догадка о существовании так называемого преступного типа людей – преступников от рождения. Он предположил, что этот тип людей вследствие своей атавистичности не способен следовать требованиям современной цивилизованной жизни и изначально предрасположен к совершению преступлений. Свое “открытие” Ломброзо описывает следующим образом: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, ... аналогичную тем, которые имеются у низших животных. При виде этих странных ненормальностей, – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта, – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня»³.

¹ Lombroso, C. *L'Uomo Delinquente*. Milan, 1876.

² Описание исследования Ломброзо дается по: Pfohl, S. *Images of Deviance and Social Control: A Sociological History*. N. Y., 1994, p. 104.

³ Цит. по: Гилинский Я. И. *Криминология*. СПб., 2002. С. 105.

С целью проверки своей гипотезы Ломброзо проводит серию измерений, сравнивая строение организма 400 итальянских заключенных со строением тел группы солдат. Ломброзо фиксирует наличие таких признаков, как необычные размеры головы, дефекты глаз, низкий скошенный лоб, большие уши, массивные челюсти, толстые губы, густые курчавые волосы, непропорционально длинные руки и т. д. Было обнаружено, что 43% заключенных имеют пять и более “атавистических” признаков, тогда как ни один из солдат не имел пяти признаков, и только у 11% солдат было найдено четыре признака (по некоторым источникам, до трех признаков¹). Эти данные были восприняты как доказательство того, что преступное поведение по крайней мере определенной категории людей имеет биологическую обусловленность. Фактически, основная идея Ломброзо – объяснение преступления преступником.

Теория “врожденной преступности” была чрезвычайно популярной и влиятельной в конце XIX в. Казалось, что она открывает весьма радужные перспективы в деле контроля над преступностью. Однако с течением времени данная теория была полностью опровергнута. Целый ряд более поздних исследований показал, что никаких физических различий между преступниками и людьми, не обвиняемыми в совершении преступлений, не существует. Так, в 1913 г. была опубликована работа Чарльза Горинга², офицера медицинской службы британской системы исправительных учреждений, в которой он представил результаты своего исследования. Горинг обследовал 3000 людей, неоднократно совершивших преступления, и сравнил полученные результаты с результатами обследования большой контрольной группы, в которую входили студенты университетов, пациенты больниц и солдаты. Никаких физических различий между преступниками и “непреступниками” найдено не было.

Несмотря на неоднократные попытки возродить теорию «врожденной преступности» на протяжении XX в., например, объяснять преступность особым набором хромосом, с

¹ Шур Э. Наше преступное общество. М., 1977. С. 89.

² Goring, C. The English Convict. H. M. Stationary Office, London, 1913.

социологической точки зрения очевидна вся ее несостоятельность. Преступность – это социальная конструкция, ее содержание изменчиво. То, что считается преступлением в одном обществе и в один исторический период, не считается преступлением в другом обществе или в течение другого периода. Даже убийство не всегда расценивается как преступление. Таким образом, поиск биологического объяснения этой подвижной, изменчивой социальной конструкции является заблуждением.

Важно отметить, что идеи Ломброзо и в целом подхода социальной патологии широко использовались российскими исследователями того времени при изучении преступности, проституции и других явлений¹. Так, известный русский врач Вениамин Михайлович Тарновский, основываясь на результатах своих антропометрических обследований проститутки, сделал вывод о том, что профессиональные проститутки «суть по большей части болезненные или недоразвитые существа, отягченные неблагоприятной наследственностью, представляющие несомненные физические и психические признаки вырождения»².

Подход социальной патологии довольно долгое время был единственным теоретическим основанием для исследований социальных проблем. Расцвет этого наиболее простого направления приходится на период между 1890 и 1914 гг. Современные историки социологии связывают его доминирование с тем обстоятельством, что в условиях ровного и постепенного социального изменения в большинстве западных обществ до Первой мировой войны существующее положение вещей воспринималось как «нормальное». В такой атмосфере привычным было рассмотрение девиантных индивидов как «больных», а нежелательных ситуаций – как «болезней общества»³. Начиная с

¹ Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902; Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888; Оболенский Л. Е. Что в обществах следует считать болезнями? Опыт введения в общественную патологию // Мысль. 1880. № 7. С. 57-76.

² Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм // Антология социальной работы. В 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии. М., 1995. С. 123.

³ Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N. Y., 2003, pp. 17-18.

1914 г. подход социальной патологии переживает медленный, но неуклонный упадок.

Этот упадок во многом был связан с социальными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, в условиях которых этот подход не объяснял реальность, и с критикой, которой он был вследствие этого подвергнут. Основное критическое замечание в адрес подхода социальной патологии заключалось в том, что он не свободен от оценочных суждений. Он предполагал согласие (часто подразумеваемое) относительно того, что представляет собой нормальное или “здоровое” состояние общества. Но какое общество можно считать нормальным? Что является болезнью или патологией? Любое современное общество состоит из множества социальных групп, имеющих различные представления о нормальности и патологии. Критики задавались вопросом, представления каких групп составляли основание для определения социальных проблем в рамках подхода социальной патологии? По мнению Чарльза Миллса, подход социальной патологии исходил из определенных ценностей, а именно ценностей среднего класса, жившего в небольших городках и следовавшего протестантским идеалам. Миллс критиковал исследования “социальных патологов”, определяя их как нетеоретические и крайне необъективные¹. Другой критик этого подхода отмечал: «Очевидно, у нас нет норм, реальных или воображаемых, с которыми мы [все] могли бы согласиться. Кроме того, норму невозможно установить вследствие постоянно меняющегося характера общества. Каким же образом возможно знание того, что на самом деле является патологией в обществе? Ответ может быть только один: это знание невозможно»².

Следует провести различие между подходом социальной патологии и концепцией нормальных и патологических социальных фактов Эмиля Дюркгейма, представленной в его «Метод социологии». Определение Дюркгеймом нормы и патологии не является априорным, как у большинства представителей подхода

¹ Mills, C. W. ‘The Professional Ideology of Social Pathologists’, in *American Journal of Sociology*, Vol. 60, September 1942, pp. 165-180.

² Rosenquist, C. M. ‘The Moral Premises of Social Pathology’, in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N. Y., 2003, p. 44.

социальной патологии. Дюркгейм подчеркивает относительность представлений о нормальном и патологическом. «В социологии, как и в истории, одни и те же события объявляются то благотворными, то пагубными в зависимости от личных пристрастий ученого. Так, неверующий теоретик постоянно отмечает в остатках веры, сохраняющихся среди общего потрясения религиозных воззрений, болезненное явление, тогда как для верующего великой социальной болезнью нашего времени является само неверие. Точно так же для социалиста нынешняя экономическая организация есть факт социальной патологии, тогда как для ортодоксального экономиста патологическими по преимуществу являются социалистические тенденции»¹. Тем не менее, Дюркгейм полагает, что различие нормального и патологического может быть объективным, то есть не представлять собой оценочного суждения. Критерием нормальности социального факта является, по Дюркгейму, его распространенность. «Социальный факт нормален для определенного социального типа, рассматриваемого в определенной фазе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих этому виду обществ, рассматриваемых в соответствующей фазе их эволюции»². Исходя из такого понимания нормальности и патологии, Дюркгейм развивает свою концепцию преступности как нормального социального явления.

Преступность, указывает Дюркгейм, встречается во всех обществах. «Нет такого общества, в котором не существовала бы преступность. Правда она изменяет форму; действия, квалифицируемые как преступные, не везде одни и те же, но всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекали на себя уголовное наказание»³. Вместе с тем Дюркгейм отмечает, что существование преступности само по себе нормально, но лишь тогда, когда она достигает, а не превосходит определенного для каждого социального типа уровня. Распространенность и «неизбежность» преступности Дюркгейм

¹ Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 75-76.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85-86.

связывает с тем, что она является «фактором общественного здоровья, составной частью всякого здорового общества», иными словами, выполняет ряд социальных функций: обеспечивает условия, необходимые для нормальной эволюции морали и права, а в некоторых случаях непосредственно способствует изменению общества (как в случае с преступлением Сократа).

Прежде чем перейти к рассмотрению других подходов необходимо подчеркнуть, что ни одно из ранних направлений в сфере изучения социальных проблем не исчезло окончательно. Так, до сих пор предпринимаются попытки применить подход социальной патологии для объяснения коррупции. В частности, сторонники так называемого моралистического подхода видят причины этого явления в несовершенстве человеческой природы, низких моральных качествах носителей коррумпированных политических отношений¹.

1.3. Подход социальной дезорганизации

Подход социальной дезорганизации возникает, с одной стороны, в контексте обострения социальных проблем, вызванного ускорением темпов миграции, урбанизации и индустриализации после Первой мировой войны, а с другой – в контексте становления социологии как научной дисциплины со своим предметом и понятийным аппаратом². С данной точки зрения, *социальные проблемы являются следствиями социальной дезорганизации*. Исторически первую концепцию социальной дезорганизации предложил Чарльз Кули в 1909 г. в работе «Социальная организация». Согласно Кули, состояние дезорганизации в обществе характеризуется отсутствием общего порядка и дисциплины. «Хотя могут встречаться достойные похвалы личности и виды деятельности, обществу в целом недостает единства и рациональности, подобно картине, которая хороша в деталях, но не является хорошей композицией. Индивиды и отдельные группы

¹ О моралистическом подходе к коррупции см.: Шабалин В. А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С. 47.

² Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), The Study of Social Problems: Seven Perspectives. N. Y., 2003, p. 47-48.

действуют в значительно расходящихся направлениях; наблюдается «обоюдоострая борьба разнонаправленных сил», однако «гармония универсума» не возникает»¹. Дезорганизация, утверждает Кули, проявляется в индивиде в виде образа мыслей без убежденной и постоянной преданности целому и без принципов поведения, вытекающих из такой преданности. «Лучшая сторона этого состоит в том, что отсутствие опоры может побудить человека к большей активности и независимости, а худшая – в том, что отсутствие социальных стандартов снижает планку достижений индивида и отбрасывает его назад, к чувственности и другим примитивным импульсам»².

Концепцию социальной и индивидуальной дезорганизации развивают Уильям Томас и Флориан Знанецкий в четвертом томе своего фундаментального труда «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918-1920).

Социальную дезорганизацию Томас и Знанецкий определяют как *«уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы»*³. Они проводят различие между социальной дезорганизацией и индивидуальной, понимаемой как «снижение способности индивида организовывать всю свою жизнь для эффективной, прогрессивной и продолжительной реализации своих фундаментальных интересов»⁴.

Сравнение понятия социальной дезорганизации в том виде, в каком его предлагают Томас и Знанецкий, и понятия аномии Эмиля Дюркгейма показывает, что они за исключением некоторых аспектов являются весьма сходными. Об этом свидетельствует, в частности, дюркгеймовское описание аномического самоубийства, в рамках которого он использует термины «аномия» и «социальная дезорганизация» в качестве синонимов: «В момент общественной дезорганизации – будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком

¹ Cooley, C. H. Social Organization: A Study of the Larger Mind. N. Y., 1962, p. 347.

² Ibid., p. 347-348.

³ Томас У. , Знанецкий Ф. Понятие социальной дезорганизации // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 135.

⁴ Там же. С. 135.

внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно не способным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение тех резких повышений кривой самоубийств, которые мы установили выше»¹.

Согласно Томасу и Знанецкому, одной из причин процесса дезорганизации является расширение связи и контактов между определенной общностью и внешним миром (данное положение может использоваться при объяснении социальных проблем российского общества). У членов этой общности, отмечают Томас и Знанецкий, развиваются новые установки, которые не могут адекватно контролироваться старой социальной организацией, поскольку не имеют адекватного выражения в старых первично-групповых институтах. Общность пытается защитить себя от дезорганизации методами, сознательно направленными на усиление влияния традиционных правил поведения. Однако эти попытки – часто эффективные, пока внешние контакты ограничиваются некоторой отдельной областью интересов – становятся все менее и менее действенными, когда эти контакты продолжают развиваться и постепенно распространяются на все сферы социальной деятельности. Проблема в таком случае состоит не в том, как подавить новые установки, позволив им оставаться в том положении, при котором они выражают себя в индивидуальном бунте и социальной революции, а в том, как найти для них институциональное выражение, использовать их для социально продуктивных целей. Эта ситуация, согласно Томасу и Знанецкому, является общей для всех обществ в периоды быстрого изменения². По мнению Тамоцу Шибутани, мысль Томаса и Знанецкого о том, что социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть процесса социального изменения, является одной из наиболее ценных идей в социологии³.

Томас и Знанецкий используют также понятие социальной реорганизации или социальной реконструкции, определяемое как производство новых схем поведения и новых институтов, лучше

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. С. 237.

² Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. С. 134.

³ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 468.

адаптированных к изменившимся требованиям группы. При этом они отмечают следующее: «Социальная реконструкция возможна только вследствие того, что в период социальной дезорганизации по крайней мере часть членов группы не стала индивидуально дезорганизованной, а, напротив, работала в направлении новой и более эффективной личной жизненной организации. То есть, по крайней мере часть конструктивных тенденций, предполагаемых индивидуальной деятельностью членов группы, выразилась в усилении по созданию новых социальных институтов»¹.

Подход социальной дезорганизации стал основой работы целой плеяды чикагских социологов (Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Маккензи, Р. Кейвена, К. Шоу, Г. Маккея и др.). Рассматривая социальные проблемы как следствия социальной дезорганизации, они исследовали подростковую делинквентность, самоубийство, умственные заболевания, проституцию, бездомность и др. В большинстве этих исследований использовалась идея различных уровней социальной дезорганизации, во-первых, в сельской и городской местности, во-вторых, в различных частях города. Последнее положение было сформулировано в известной теории концентрических зон, разработанной Эрнстом Берджессом. Наиболее высокий уровень социальной дезорганизации характерен для *зоны перехода*, то есть зоны, непосредственно примыкающей к центру города. Именно в этой зоне, как правило, наблюдается наиболее высокий уровень преступности и других видов девиантности, а в некоторых крупных западноевропейских городах в ней находятся улицы «красных фонарей».

Подход социальной дезорганизации так же, как и подход социальной патологии, был подвергнут серьезной критике. Критические замечания сводились к следующему². Во-первых, дезорганизация – это субъективное и оценочное понятие, замаскированное под объективные концептуальные рамки. Во-вторых, социальная дезорганизация предполагает разрушение

¹ Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. С. 136-137.

² Clinard, M. B., Meier, R. F. *Sociology of Deviant Behavior*. N. Y., 1979, pp. 66-67; см. также: Мартиндейл Д. Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 386-416.

предшествующей организации, которое часто невозможно установить. С социальной дезорганизацией смешивается социальное изменение без объяснения, почему одни социальные изменения являются “дезорганизующими”, а другие “организуемыми”. В-третьих, социальная дезорганизация обычно считается чем-то “плохим”, что является оценочным суждением наблюдателя. В-четвертых, то, что представляется дезорганизацией, на самом деле может быть высокоорганизованной системой конкурирующих норм. Многие девиантные культуры, такие, как подростковые шайки, организованная преступность, гомосексуальные сообщества, проституция, “беловоротничковая преступность”, включая политическую коррупцию, являются высокоорганизованными. Это убедительно показал Уильям Уайт в своей работе «Общество на углу улицы»¹, написанной по результатам четырехлетнего включенного наблюдения. Его основной вывод заключался в том, что итальянский квартал в Бостоне, представлявшийся «благополучным» жителям этого города перенаселенными, хаотическими, «дезорганизованными» трущобами с высоким уровнем преступности, в действительности являлся высокоорганизованной общностью со своим набором ценностей, норм и образцов поведения.

Подобного рода критика привела к попыткам найти иное, четкое и ценностно-нейтральное определение социальной дезорганизации. Например, Альберт Коэн предложил понимать социальную дезорганизацию как нарушение “конститутивного порядка событий”².

1.4. Функционалистский подход к социальным проблемам

В середине XX в. доминирующим направлением в социологии социальных проблем становится функционализм. Главные представители функционалистского подхода к социальным

¹ Whyte, W. F. Street Corner Society: The Social Structure of Italian Slum. Chicago, 1943.

² См.: Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 537-550.

проблемам – Роберт Мертон и Роберт Нисбет. Одно из основных положений этого подхода, сформулированное Нисбетом и Мертоном, заключается в том, что между периодически возникающими социальными проблемами и ценностями и институтами культуры существует тесная и предсказуемая связь. «Социальные проблемы... часто связаны функциональными отношениями с институтами и ценностями»¹. Например, социальная проблема алкоголизма, указывает Нисбет, во многом неотделима от социальной функции, выполняемой алкоголем во множестве значимых контекстов коммуникации – от семейного предобеденного коктейля через религиозные церемонии до обязательного дипломатического приема. Вследствие этого исследование социальных проблем дает возможность глубокого проникновения в природу общества: его социальную структуру, систему нормативной регуляции, процессы организации и дезорганизации, образцы конформности и девиантности.

Функционалистский подход к социальным проблемам заключается в выявлении *условий или видов поведения, которые мешают реализации целей общества, препятствуют его ровному функционированию или приводят общество в неустойчивое, неравновесное состояние*. Центральное место в ряду концептуальных средств этого подхода занимает, таким образом, понятие *дисфункций* как последствий какой-либо социальной деятельности, идущих вразрез с функциональными требованиями социальной системы и разрушающих институциональные связи. Определив дисфункциональные условия или виды поведения как социальные проблемы, функционалисты стремятся исследовать и объяснять их происхождение.

По аналогии с различием явных и латентных функций Р. Мертон проводит различие между *явными* и *латентными (скрытыми) социальными проблемами*. Социолог, с этой точки зрения, выступает экспертом, одна из задач которого заключается в обнаружении и изучении латентных социальных проблем.

¹ Merton, R., Nisbet, R. (eds.), Contemporary Social Problems. N. Y., 1966, p. 3.

Мертон различает также два широких класса социальных проблем, один из которых обозначается им как “социальная дезорганизация”, а другой как “девиантное поведение”. Первый тип социальных проблем возникает не в результате неспособности людей жить согласно требованиям их социальных статусов, как в случае с девиантным поведением, а в результате несовершенной организации этих статусов в социальную систему. Дезорганизация означает, что даже когда люди подчиняются своим ролям в системе, то есть конформны, они действуют наперекор друг другу, в результате чего получается нечто существенно отличное от их коллективных намерений и ожиданий. К социальным проблемам этого класса Мертон и Нисбет относят демографический кризис, расовые и этнические конфликты, дезорганизацию семьи и общины и другие социальные явления.

Девиантное поведение, определяемое Мертоном, как поведение, значительно отклоняющееся от норм, установленных для людей в рамках их социальных статусов, представляет другой класс социальных проблем. К этому типу Мертон и Нисбет относят преступность, подростковую делинквентность, психические расстройства, употребление наркотиков, самоубийство, проституцию.

Мертон уточняет, что понятия социальной дезорганизации и девиантного поведения являются аналитическими, а не описательными; абстрактными, а не конкретными. Они не описывают классы событий во всей их сложности, а относятся лишь к некоторым аспектам. Поэтому в каждой конкретной социальной проблеме, например, дезорганизации семьи, криминальном поведении и конфликте в общине, могут быть обнаружены проявления как социальной дезорганизации, так и девиантного поведения, хотя и в неравном соотношении. Тем не менее, отмечает Мертон, в каждой социальной проблеме можно различить (и это различие является полезным) компоненты и аспекты, относящиеся к дезорганизации, и компоненты и аспекты, относящиеся к девиантному поведению, признавая, что они взаимодействуют и при определенных условиях имеют тенденцию усиливать друг друга.

Вклад Мертона в развитие функционалистского подхода к социальным проблемам связан также с его широко известной теорией девиантного поведения как симптома *рассогласованности между целями, предписываемыми культурой, и предоставляемыми социальной структурой средствами их достижения*¹.

Мертон указывает, что в американском обществе одной из доминирующих целей, предписываемых культурой, является денежный успех. При этом данная цель является универсальной – культура оказывает давление в направлении принятия данной цели на членов всех социальных слоев. Между тем, законные средства достижения денежного успеха, такие, как хорошее образование, позволяющее заниматься высокооплачиваемой работой, карьерный рост и т. д., распределены неравномерно. Гораздо большим доступом к этим средствам обладают члены верхних слоев среднего класса и члены высшего класса. В нижней части системы социальной стратификации возникает противоречие между предписываемой культурой целью и отсутствующими законными средствами ее достижения. В результате индивиды вынуждены так или иначе приспособливаться к этой ситуации, нередко посредством девиантности. «Когда система культурных ценностей, фактически ни с чем не считаясь, перевозносит определенные, общие для всего населения, цели успеха, и при этом социальная структура строго ограничивает или полностью закрывает доступ к одобряемым способам достижения этих целей для значительной части того же самого населения, – это приводит к увеличению масштабов отклоняющегося поведения»².

Мертон разработал типологию приспособления к целям и институциональным средствам индивидов, занимающих различное положение в социальной структуре:

¹ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // СоцИс. 1992. № 2-4.

² Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // СоцИс. 1992. № 3. С. 108.

Типы индивидуального приспособления

Тип	Определяемые культурой цели	Институционализированные средства
1. Конформизм	+	+
2. Инновация	+	–
3. Ритуализм	–	+
4. Ретретизм	–	–
5. Мятёж	–/+	–/+

Примечание: “+” означает “принятие”, “–” – “отвержение”, а “–/+” – “отвержение господствующих ценностей и замена их новыми”.

Конформизм – тип приспособления, при котором индивид принимает цель, предписываемую культурой, в данном случае стремится к денежному успеху, и использует при этом легитимные средства. *Инновация* – стремление к достижению денежного успеха незаконными средствами вследствие отсутствия доступа к законным. Этот тип приспособления является, по Мертону, широко распространенным в американском обществе вследствие чрезмерного акцентирования важности денежного успеха в ущерб значимости использования легитимных средств. *Ритуализм* – использование институциональных средств в форме ритуала, когда цель в конечном счете становится незначимой. «Непрекращающаяся конкурентная борьба вызывает острое беспокойство индивидов по поводу своего статуса. Один из способов уменьшения этого беспокойства – постоянное снижение уровня притязаний»¹. Внутренняя философия ритуалистов выражается в таких высказываниях, как «Я стараюсь не высовываться», «Я играю осторожно», «Я всем доволен», «Не ставьте высоких целей – не будет и разочарований». Примером такого типа приспособления, по Мертону, являются действия рабочих, опасющихся увольнения и замораживающих производительность на определенном, не уменьшающемся и не увеличивающемся уровне, а также бюрократа, старающегося сохранить свое место. Важную роль в формировании

¹ Там же. С. 111.

ритуалистского, а также ретретистского приспособления играют практики строгого воспитания, приводящие к возникновению внутреннего морального запрета на использование неразрешенных средств достижения цели-успеха. Мертон отмечает, что ритуализм «должен иметь место преимущественно среди американцев нижнего среднего класса, ... [в котором] родители обычно оказывают продолжительное давление на своих детей в сторону прочного усвоения ими моральных наказов общества»¹. *Ретретизм* – это своего рода бегство из общества, отказ от достижения цели и от использования институциональных средств в результате «постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами и неспособности прибегнуть к незаконным способам вследствие внутреннего запрета»². Пример ретретистского приспособления, используемый Мертоном, – поведение маленького бродяги в фильмах Чарли Чаплина. Наконец, *мятеж* – это революционный тип приспособления, направленный на изменение как целей культуры, так и системы институциональных средств.

Итак, по Мертону, некоторые слои населения отличаются более высоким уровнем тех или иных видов девиантности вследствие того, что значение такой цели, как денежный успех, подчеркивается для всего общества, но далеко не каждый его член имеет доступ к законным средствам ее достижения.

Данная теория объясняет возникновение целого ряда явных и латентных социальных проблем: инновационным типом приспособления объясняется часть преступности, включая экономическую, и проституция; ритуализмом – бюрократизм; ретретизмом – употребление наркотиков, алкоголизм, часть самоубийств, бездомность; мятежом – идеологический терроризм, деятельность экстремистских групп. Мертон уточняет, что ритуалистское приспособление в общем не является социальной проблемой, поскольку в сущности это внутреннее решение, а внешнее его проявление, хотя и не является предпочтительным в культуре, все же институционально разрешено.

¹ Там же. С. 111.

² Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // СоцИс. 1992. № 4. С. 92.

Важно то, что различные виды девиантного поведения рассматриваются Мертоном как следствие нормального реагирования людей на социальную ситуацию, в которой они оказываются. Будучи социологом, он отказывается от поиска каких-либо особенных биологических или психологических предрасположенностей к девиантному поведению. «Наша главная задача, – пишет Мертон, – состоит в том, чтобы понять, каким образом *социальная структура* побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению»¹.

1.5. Критический (марксистский) подход к социальным проблемам

Особое место среди традиционных подходов занимает так называемый критический подход к социальным проблемам как необходимым следствиям капиталистического общественного устройства. Такая трактовка социальных проблем характерна прежде всего для представителей марксистской социологии, хотя сам Маркс к термину “социальная проблема” относился критически, считая его не имеющим смысла модным словечком. В одной из своих статей, опубликованных в 1849 г., он утверждал: «Не может быть и речи о “социальном вопросе” [социальной проблеме], как таковом, ... каждый класс имеет свой *собственный* социальный вопрос»².

К основным представителям критического подхода к социальным проблемам следует отнести Чарльза Миллса с его концепцией личных трудностей и общественных проблем. По Миллсу, одно из наиболее важных достоинств социологического воображения заключается в том, что оно дает возможность различить понятия “личные трудности” (personal troubles) и “общественные проблемы” (public issues).

«Личные трудности определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его “я” и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично

¹ Мертон Р. К. Указ. соч. // СоцИс. 1992. № 2. С. 118. Курсив мой – И. Я.

² Маркс К. “Kolnische Zeitung” о выборах // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 228.

знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходят за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступно его сознательному воздействию. Трудности – это частное дело: они возникают, когда индивид чувствует что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой.

Общественные проблемы обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни... – на уровень институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее на более широкую структуру социально-исторической общности, которая, как целое, складывается из многообразного переплетения и взаимопроникновения индивидуальных сред жизнедеятельности и общественно-исторической макроструктуры. Общественные проблемы называются общественными потому, что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. Часто спорят о том, что же на самом деле представляют собой эти ценности и что именно им угрожает. Нередко спор оказывается беспредметным только потому, что, отличаясь по своей природе даже от самых распространенных личностных трудностей, общественные проблемы плохо поддаются определению в терминах непосредственного повседневного окружения простых людей. В действительности общественные проблемы часто связаны с кризисом институционального порядка, а также с тем, что марксисты называют “противоречиями” или “антагонизмами”.

Рассмотрим с этой точки зрения безработицу. Когда в городе со стотысячным населением только один человек не имеет работы – это его личная проблема, для решения которой следует обратить внимание на характер, способности и непосредственные возможности данной личности. Но когда нация, обладающая пятидесятиmillionным трудоспособным населением, насчитывает пятнадцать миллионов безработных – это уже общественная проблема, и в этом случае мы не можем надеяться на ее решение в сфере возможностей, доступных каждому безработному в отдельности. Нарушена сама структура возможностей. Чтобы правильно сформулировать проблему и определить уровень ее возможных решений, надо принимать во внимание экономические и

политические институты общества, а не только личные ситуации и особенности характера отдельно взятых индивидов»¹.

В 1970-е гг. критический подход развивался в рамках британской и американской криминологии. Основания этого нового подхода к социальной проблеме преступности были заложены в работах трех британских криминологов – Иана Тейлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология»² и «Критическая криминология»³. Вопросы, сформулированные в «Новой криминологии», на которые должна, по мнению авторов, ответить новая теория, свидетельствуют о марксистском подходе к преступности. Тейлор, Уолтон и Янг выступают за такой анализ преступности, который был бы одновременно материалистическим – направленным на исследование материального контекста возникновения преступных действий, и историческим – пытающимся соотнести преступность и общественную реакцию на нее с историческим развитием капитализма как способа производства.

В американской криминологии главными представителями критического подхода считаются Ричард Куинни и Уильям Чемблисс.

Основные идеи Р. Куинни, представленные в его работе «Класс, государство и преступность» (1977), заключаются в следующем. В капиталистических обществах государство служит интересам капиталистического класса. Право в целом и уголовное право в частности формируются государством с целью сохранения существующих социальных отношений неравенства. Это подтверждается тем, что капиталистический класс фактически безнаказанно совершает (1) преступления экономического господства – преступления, совершаемые корпорациями и отдельными предпринимателями с целью накопления капитала, – от фиксирования цен до загрязнения окружающей среды; (2) правительственные преступления, совершаемые выбранными и

¹ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 1998. С. 17-18. На английском языке эта работа впервые была опубликована в 1959 году.

² Taylor, I., Walton, P., and Young, J. The New Criminology: For a social theory of deviance. London, 1973.

³ Taylor, I., Walton, P., and Young, J. (eds), Critical Criminology. London, 1975.

назначенными должностными лицами капиталистического государства; (3) преступления контроля – преступления правоохранительных органов «во имя закона», обычно совершаемые против тех, кто обвиняется в его нарушении (насилие и жестокость по отношению к представителям низших социальных слоев – признанный атрибут полиции).

Рабочий класс угнетается с использованием правовых средств. В ходе приспособления к условиям капитализма и сопротивления этим условиям члены рабочего класса совершают (1) паразитические преступления (квартирные и карманные кражи, грабежи, наркобизнес и т. д.); (2) преступления против личности, обычно направленные против членов своего же класса (убийства, насилие) и совершаемые вследствие ожесточения, вызванного условиями капитализма; (3) преступления сопротивления, совершаемые в ходе борьбы с капиталистическим классом. «Почти все преступления, совершаемые членами рабочего класса в капиталистическом обществе, – это средство выживания, попытка существовать в обществе, в котором выживание не обеспечивается другими, коллективными средствами. Преступность неизбежна при капиталистических условиях»¹.

Идеи Куинни перекликаются с положениями Уильяма Чемблисса, сформулированными в его статье «К политэкономии преступности» (1975). Чемблисс показывает, что члены господствующего класса могут нарушать законы уголовного права несколько не реже, чем члены рабочего класса, однако наказываются в гораздо меньшей степени вследствие своего господства над правовой системой. Классовые различия в криминальной активности связаны не с уровнем преступности, а с типами криминальных действий. «Преступность – это не то, что свойственно одним людям и несвойственно другим; преступление – это не то, что одни люди совершают, а другие нет. Сущность вопроса заключается в том, кто на кого может наклеить ярлык, и основанием этого социально-политического процесса является структура общественных отношений, детерминируемая

¹ Quinney, R. 'Crime and Development of Capitalism', in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N. Y., 2003, p. 231.

политической экономией»¹. Преступные действия, которые служат интересам господствующего класса, не подвергаются санкциям, в отличие от действий, которые не служат этим интересам.

Чемблисс доказывает также, что система правоохранительных органов в капиталистических обществах организуется не с целью сокращения масштабов преступности, а с целью управления преступностью посредством сотрудничества с наиболее крупными криминальными группировками.

Впоследствии исследователи отклоняющегося поведения отмечали, что критический подход внес важный вклад в изучение социальных проблем вследствие сосредоточения на роли, которую играет политическая, экономическая и социальная структура в процессе определения девиантности. По мнению Маршалла Клинарда и Роберта Мейера, представители критического подхода выявляют основные проблемы и противоречия современного капитализма, указывая, что значительная часть преступности является отражением общественных ценностей, а не простым их нарушением².

Однако данный подход, согласно Клинарду и Мейеру, сопряжен с рядом теоретических и методологических проблем. Во-первых, существует гораздо большее число источников преступности. К ним относятся не только классовая принадлежность и экономические интересы, но и конфликты по поводу власти, основанные на религиозной, гендерной, возрастной, профессиональной, расовой и этнической принадлежности. Во-вторых, правовая система служит интересам не только господствующего класса, но и всех остальных классов. Законы против убийств, грабежей, краж и насилия выгодны всем членам общества независимо от их экономической позиции. В-третьих, группы, обладающие властью, диктуют содержание уголовного законодательства не только в капиталистической, но и в любой другой социальной системе. В-четвертых, эмпирические данные, используемые для подтверждения положений критического подхода, отличаются фрагментарностью и неопределенностью.

¹ Chambliss, W. J. 'Toward a Political Economy of Crime', in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N. Y., 2003, p. 241.

² Clinard, M. B., Meier, R. F. *Sociology of Deviant Behavior*. N. Y., 1979, p. 84.

Данный подход включает в себя, главным образом, общие положения, при этом существенные с точки зрения объективного научного доказательства эмпирические данные часто отсутствуют. Игнорируются также факты, опровергающие эти положения. В-пятых, более, чем всякий другой подход к девиантности, критический подход основывается на идеологии. Другие социологические подходы также несвободны от идеологии, но акцент критического подхода на соединении теории с практикой на социалистической основе делает гораздо более очевидным политический подтекст этой объяснительной схемы¹.

К марксистскому подходу следует отнести и работы ряда *советских и российских обществоведов*. В целом развитие понимания социальных проблем не характерно для советской науки. Один из немногочисленных обществоведов, занимавшихся этой проблематикой, В. И. Куценко, отмечал, что среди многочисленных трудов, посвященных исследованию категорий исторического материализма, нет ни одной монографии или брошюры, специально анализирующих понятие общественной проблемы².

В своих работах В. И. Куценко последовательно отстаивает «идею объективной природы возникающей в недрах жизни общественной проблемы»³. Общественная проблема, по его мнению, «это регулятивный фактор общественной жизни, который выражает 1) развитие противоречий между назревшей исторической необходимостью и наличными условиями ее осуществления, 2) недостаточность имеющихся средств этого осуществления, 3) нарастание неизбежности (при использовании только этих средств в их нынешнем состоянии) дезорганизующих процессов в системе, 4) необходимость поиска и создания новых средств, способов преодоления противоречий, выявления и реализации новых возможностей разрешения этих противоречий»⁴.

¹ Ibid., pp. 85-87.

² Куценко В. И. *Общественная проблема: генезис и решение* (Методологический анализ). Киев, 1984. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Куценко В. И. *Общественная проблема и ее характеристики // Методологические проблемы общественных наук*. М., 1979. С. 133-134.

Осознание объективно существующих проблем, по Куценко, это прерогатива тех, кто занимается их практическим разрешением.

Такое понимание социальных проблем как социальных противоречий характерно и для значительной части российских социологов. Так, в «Энциклопедическом социологическом словаре» социальная проблема определяется как «объективно возникающее в процессе функционирования и развития общества противоречие; задача, требующая решения средствами социального управления»¹. Подобным образом социальные проблемы рассматривает и В. Н. Минина:

«Материалистическое понимание истории дает нам основание заключить, что социальная проблема – это объективное противоречие, находящееся на такой стадии своего развития, когда нарушаются пропорции социальной динамики (складывается социальная структура, подрывающая основы целостности данной системы) и на этой основе возникает дисбаланс коренных общественных, коллективных и личных интересов, что влечет за собой разрушение сложившихся социальных ценностей и, как следствие, изменение существенных свойств социума и возникновение «угрозы» его привычной, устоявшейся (и в этом смысле нормальной) жизнедеятельности. Поэтому изучение социального положения различных групп людей, их интересов и конкретных действий в контексте объективно обусловленных социальных изменений должно являться, по нашему мнению, основой моделирования социальных проблем»².

1.6. Критика традиционных подходов

Итак, традиционно под социальными проблемами понимались и понимаются некоторые “объективные” социальные условия – нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе “социально здорового”, “нормально” функционирующего общества. На социологическом жаргоне это проявления социальной

¹ Здравомыслова О. М. Проблема социальная // Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 584.

² Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. С. 89.

патологии, социальной дезорганизации, дисфункции, социальные противоречия, структурные напряжения и т. д. Задача социолога с традиционной точки зрения заключается в том, чтобы *выявить* это вредное условие, *проанализировать* его, *установить* те *социальные силы*, которые способствовали его возникновению, и, возможно, *предложить* определенные *меры по исправлению ситуации*. Традиционные подходы, таким образом, являются *объективистскими*, трактующими социальные проблемы как социальные условия. Такое отношение настолько сильно укоренилось в сознании обществоведов, что без определенного мысленного усилия представлять социальные проблемы, например, преступность, безработицу, употребление наркотиков, ВИЧ/СПИД, загрязнение окружающей среды, иначе как социальные условия, характеризующиеся такими показателями, как уровень преступности, темпы ее роста, численность безработных, людей, употребляющих наркотические вещества, людей с ВИЧ и т. д., подчас бывает довольно трудно.

Объективистские подходы к социальным проблемам были подвергнуты в последней трети XX в. серьезной критике, лейтмотив которой заключался в том, что объективистская трактовка не способствует пониманию процессов, связанных с возникновением и существованием социальных проблем, и развитию такой области исследования, как *социология социальных проблем*. Суть критических замечаний сводится к следующему. Во-первых, социологи, как указывает Герберт Блумер, сами по себе не способны выявить, идентифицировать социальную проблему. Социологи распознают и начинают анализировать те или иные социальные проблемы только после того, как общество признает, что эти проблемы существуют. «Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере общественного признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем»¹. Действительно, если мы обратимся, в частности, к российским научным журналам, монографиям и сборникам, мы заметим, что в большинстве случаев социологи,

¹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 150-151.

выбирая предмет исследования, следуют определенной конъюнктуре. Предметом изучения, как правило, становятся ситуации, уже имеющие статус серьезных социальных проблем в обществе (преступность, бедность, безработица, употребление наркотиков, терроризм и т. д.). В то же время существует очень немного социологических работ, например, о социальных аспектах ВИЧ/СПИДа. Определенное влияние на выбор предмета исследования оказывают научные фонды, обозначающие приоритетные для них темы.

Во-вторых, объективистская теория, считающая социальные проблемы простыми отражениями объективных условий, «не может объяснить, почему одни условия определяются как проблемы, привлекая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения»¹. Почему, несмотря на то, что ежегодно в России, по крайней мере, 14 тысяч женщин погибают в результате домашнего насилия², это не является предметом общественного внимания и беспокойства? Или почему повсеместное нарушение прав военнослужащих в российской армии, включая издевательства, оскорбления и избиения, является проблемой только для родителей солдат и призывников и для правозащитников, хотя краткосрочные и долгосрочные социальные последствия насилия в армии огромны? И таких вопросов множество.

В-третьих, объективистские подходы срывают попытки создать такую область анализа, как социология социальных проблем, очертить ее предмет, разработать общую теорию социальных проблем, поскольку ведут к анализу социальных условий, связанных друг с другом лишь тем, что они оцениваются как нежелательные. Сами по себе эти условия имеют между собой мало общего, поэтому понимание какого-либо одного условия почти не

¹ Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 18.

² В России каждые 40 минут от домашнего насилия погибает женщина. <http://www.newsru.com/crime/07mar2003/nasilije.html> (06. 03. 2004); От рук

способствует пониманию других¹. Для того, чтобы убедиться в обоснованности последнего замечания, зададимся вопросом: что общего, например, между такими социальными условиями в России, как преступность, бедственное положение людей с ограниченными физическими возможностями, безработица, загрязнение окружающей среды, употребление наркотиков, распространение туберкулеза и ВИЧ, коррупция, бездомность? Очевидно, что знание преступности ничем не поможет нам при анализе ситуации с загрязнением окружающей среды или распространением ВИЧ. Таким образом, использование объективистских подходов ведет к тому, что социология социальных проблем “рассыпается” на ряд отдельных направлений – исследование социальной проблемы бедности, исследование проблемы преступности, изучение бездомности и т. д.

мужей и родственников ежегодно погибают 14 тысяч россиянок. <http://www.newsru.com/crime/28jun2002/nasilije.html> (06. 03. 2004)

¹ Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 9.

ГЛАВА 2. ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК СЛЕДСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАКЦИИ

2.1. Идея “определения ситуации” и теория “наклеивания ярлыков”

В 1960-1970-е гг. возникают и развиваются альтернативные подходы к социальным проблемам, принципиально отличные от рассмотренных выше. Одним из них является *интеракционистский подход*. Основание данного подхода составляет идея “определения ситуации”, предложенная Уильямом Томасом в 1928 г. (теорема Томаса): *«если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации реальны по своим последствиям»*. С этой точки зрения, если некоторое меньшинство считается “угрозой обществу”, то это ведет к значительным объективным последствиям – исключению, угрозам, остракизму – даже в том случае, если данная группа людей не представляет реальной угрозы социальному порядку¹. Примером может быть ситуация, которая сложилась в Чеченской Республике в последние годы. Если республика определяется как «очаг терроризма и преступности», то последствия такого определения ситуации абсолютно реальны – против чеченцев ведутся боевые действия, гибнет, подвергается насилию и испытывает огромные лишения и страдания мирное население, и мы имеем в итоге террористические акты в России, совершаемые женщинами-чеченками, потерявшими своих близких.

Социальные проблемы в рамках интеракционистского подхода рассматриваются как следствия общественной реакции на некоторые действия индивидов или групп, в частности, как следствия осуществления по отношению к ним социального контроля.

Первоначально данный подход развивался в социологии девиантности, где это направление получило название теории “наклеивания ярлыков” или стигматизации. Ее основные положения

¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2000. С. 200.

были разработаны Говардом Беккером и Эдвином Лемертом¹. Г. Беккер формулирует эту теорию следующим образом: «Девиантность создается обществом... Социальные группы создают девиантность, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров. С этой точки зрения, девиантность – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами правил и санкций к “нарушителю”. Девиант – это тот, на кого удалось наклеить этот ярлык; девиантное поведение – это поведение, на которое люди наклеили ярлык девиантного... Девиантность – это качество взаимодействия между индивидом, который совершает акт, и теми, кто реагирует на него»².

Основное положение теории “наклеивания ярлыков” заключается в следующем: *определение тех или иных индивидов в качестве девиантов, то есть наклеивание на них ярлыка девианта порождает или усиливает отклонение.* «Клеймение индивида в качестве девианта имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и представления этого индивида о самом себе. Наиболее важным следствием является радикальное изменение его публичной идентичности. Совершение осуждаемого действия, о чем стало известно окружающим, придает этому индивиду новый статус. Выясняется, что он является не тем, за кого его принимали. На него наклеивается ярлык “гомосексуал”, “наркоман”, “псих” или “сумасшедший”, и с ним начинают обращаться соответствующим образом»³. После того, как на индивида наклеен ярлык “преступник” или “наркоман”, “алкоголик” и т. д., большая часть окружающих его людей ожидает от него продолжения нарушения норм общепринятого поведения. Это ограничивает жизненные шансы индивида и ведет его к принятию и развитию девиантной роли.

¹ Becker, H. S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. N.Y., 1963; Becker, H. S. (ed.), *Social Problems: A Modern Approach*. N Y. 1966; Lemert, E. *Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior*. N.Y., 1951.

² Беккер Г. Девиантность как следствие “наклеивания ярлыков” // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 145-148.

³ Беккер Г. Указ. соч. С. 148.

Иными словами, ответ индивида на такую общественную реакцию часто заключается во *вторичном отклонении* (термин, предложенный Э. Лемертом¹). Таким образом, общество своей подчас чрезмерно жесткой реакцией на первичное отклонение – первичное нарушение правила поведения – реакцией, которая заключается в наклеивании ярлыка девианта и соответствующих стереотипных ролевых ожиданиях, способствует усилению девиантности.

В качестве примера “вторичного отклонения” Э. Лемерт описывает поведение “трудного подростка”: «По той или иной причине (скажем, излишней энергии) школьник участвует в какой-то шалости в классе, за что наказывается учителем. Спустя некоторое время он опять нечаянно нарушает порядок и опять получает выговор. Затем, как это иногда случается, мальчик обвиняется в том, чего он не делал. Когда учитель употребляет по отношению к нему такие “ярлыки”, как “бестолочь”, “хулиган” или другие обидные выражения, это вызывает у школьника враждебность и возмущение, и он может почувствовать, что он зажат в тисках ожидаемой от него роли. Затем может возникнуть сильный соблазн принять свою роль в классе в том виде, в каком она определяется учителем, тем более, что школьник обнаруживает, что такая роль наряду с наказаниями может приносить определенные выгоды»².

Наклеивание ярлыка “сумасшедший” также может быть важной стадией в развитии психического заболевания³.

2.2. Численность и условия содержания заключенных как фактор криминализации российского общества

Применение теории «наклеивания ярлыков» к анализу ситуации в российском обществе позволяет сделать на первый взгляд парадоксальный вывод: причиной высокого уровня преступности в России отчасти является репрессивная система уголовного правосудия. Значительная часть преступлений в России

¹ Лемерт Э. Первичное и вторичное отклонения // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 142-145.

² Лемерт Э. Указ. соч. С. 144.

³ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2000. С. 178.

представляет собой вторичные отклонения, то есть совершается бывшими заключенными, которые сталкиваются с огромными трудностями по возвращении из мест лишения свободы: при устройстве на работу, получении жилья, восстановлении отношений с близкими, элементарном обеспечении минимумом средств к существованию.

О масштабах наклеивания таких ярлыков, как “преступник”, “уголовник”, “отсидевший”, свидетельствуют данные о численности заключенных в России на 100 тысяч населения. В России в начале 2004 г. на 100 тысяч населения было около 580 заключенных¹. Между тем, в подавляющем большинстве западноевропейских стран это число не превышает 100 (за исключением Португалии и Великобритании, где число заключенных на 100 тысяч населения больше 100, но меньше 150). Иная ситуация в странах Восточной Европы, но и здесь Россия лидирует вместе с Казахстаном и Беларусью. Наряду с этими тремя странами к числу “тюремных сверхдержав”, в которых число заключенных в расчете на 100 тысяч населения превышает 500, относятся США, где в 2003 г. было 710 заключенных (первое место в мире по этому показателю)².

По оценкам правозащитников, в результате высокой численности заключенных каждый четвертый взрослый мужчина в России – бывший заключенный³. Причиной столь большого числа заключенных в России является традиционно репрессивная практика правосудия по уголовным делам. Об этом свидетельствует тот факт, что доля оправдательных приговоров российских судов по уголовным делам составила в 2002 г. всего 0,8% от общего числа приговоров, в предыдущие годы этот показатель был еще меньше – менее 0,5%⁴. В середине 1990-х гг. более 50% осужденных российскими судами к лишению свободы ранее не были судимы, в 1997 г. лишь к 2,5% осужденных *несовершеннолетних* суды применили виды наказаний, альтернативные ограничению или лишению свободы, такие, как

¹ <<http://www.prison.org/penal/stat/index.htm>> (9.02.2004)

² Абрамкин В. Тюремное население России и других стран. Проблемы и тенденции. М., 2003.

³ Досье на цензуру. 1999. № 7-8. С. 19.

⁴ Новый кодекс разгрузил камеры // Российская газета. 2003. 7 марта.

штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы¹. По мнению Дидерика Лохмана, «не только в законодательстве, – в головах людей презумпции невиновности нет. Раз «попал», значит уже виноват... В России господствует такое отношение: преступника надо наказать и отправить в заключение, а о его будущем можно и не думать. Преступник наказан, и человека больше нет. Конечно, это общество себя обманывает. Большинство осужденных людей через некоторое время снова будут частью свободного общества»².

О распространенности репрессивных установок в российском обществе свидетельствуют данные обследований об *отношении к смертной казни*. В 2002 г. в ходе общероссийского мониторинга общественного мнения, который проводит ВЦИОМ, отвечая на вопрос «Как вы считаете, следует ли отменить смертную казнь или расширить ее применение?», лишь 5% выбрали вариант ответа «немедленно отменить». Вариант «постепенно идти к ее отмене» был выбран 15% опрошенных. В то же время 44% респондентов выбрали позицию «оставить ее применение в нынешних рамках», а 29% – «расширить ее применение». 7% затруднились с ответом³. Таким образом, более 70% россиян выступают за сохранение или даже расширение применения смертной казни, и это несмотря на то, что данные криминологических исследований показывают отсутствие какой-либо связи между применением смертной казни и уровнем преступности, а также несмотря на отсутствие в России независимой судебной власти и частое вынесение ошибочных судебных решений.

Судьба людей после освобождения усугубляется крайне тяжелыми условиями содержания в местах лишения свободы, способствующими распространению туберкулеза, ВИЧ и других заболеваний. По данным на 1 января 2003 г., туберкулез обнаружен у 86,1 тысяч, то есть у 10% российских заключенных⁴. К 1 января

¹ Досье на цензуру. 1999. № 7-8. С. 21.

² Лохман Д. В головах людей нет презумпции невиновности // Досье на цензуру. 1999. № 7-8. С. 25.

³ Общественное мнение – 2002. М., 2002. С. 150.

⁴ Сведения об учреждениях ГУИН МЮ РФ на начало 2003 г. <<http://www.prison.org/penal/stat/doc011.htm>> (9.02.2004).

2004 г. ВИЧ выявлен у 4,3% заключенных (36 тысяч человек)¹. Таким образом, распространенность туберкулеза и ВИЧ в СИЗО и колониях значительно выше, чем среди населения в целом.

Общепризнанным является отсутствие в России действенной системы социальной и психологической реабилитации людей, освобождающихся после отбывания наказания. Они оказываются на свободе, часто будучи больными туберкулезом и другими заболеваниями, утратив трудовые навыки и квалификацию, постоянно сталкиваясь с подозрительностью и жестоким отношением со стороны окружающих, включая сотрудников правоохранительных органов, без денег и жилья. О многом говорит тот факт, что 60% всех самоубийств в местах лишения свободы совершаются в течение первых трех месяцев заключения и в последние месяцы перед освобождением².

Согласно одному из положений статьи 60 Жилищного кодекса РФ, осужденные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев теряли право на жилое помещение. В 1995 г. это положение было отменено, но фактически бывшим заключенным по-прежнему часто некуда возвращаться – ярлык человека, имеющего судимость, нередко разрушает прежние социальные связи и перекрывает возможности восходящей социальной мобильности. Многие из них совершают повторные преступления и вновь попадают в колонии или становятся бездомными. По данным социологов, 60-70% бездомных в середине 1990-х гг. составляли бывшие заключенные, которые не смогли после освобождения найти жилье³. Общее число бездомных в России в это время, согласно экспертным оценкам, – около 4 миллионов человек⁴. Таким образом, еще одной

¹ Количество ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в учреждениях УИС РФ, 1994-2003 (данные ГУИН Министерства юстиции РФ) <<http://www.afew.org>> (16.03.2004)

² Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 312.

³ Сидоренко С. А. Московские бездомные – первые шаги в изучении проблемы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. №4. С. 46.

⁴ Там же. С. 46. См. также: Стивенсон С. А. О феномене бездомности // СоцИс. 1996. № 8. С. 26-33; Журавлев В. История жизни бомжа // Судьбы людей: Россия XX век (биографии семей как объект социологического исследования). М., 1996. С. 179-206.

распространенной формой вторичного отклонения в России является бездомность.

С позиций интеракционистского подхода очевидно, что *“борьба с преступностью”, основанная на общем ужесточении наказаний, увеличении сроков лишения свободы, приведет не к снижению уровня преступности, а к ее росту, поскольку гораздо большее число людей в этой ситуации подвергнется наклеиванию ярлыка преступника, следствием чего станет рост числа вторичных отклонений.*

Как отмечает норвежский криминолог Нильс Кристи, *«в современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития»*¹.

Важно отметить, что в последнее время в России происходят серьезные сдвиги в направлении гуманизации системы уголовных наказаний. 1 июля 2002 г. вступил в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс, в соответствии с которым санкцию на арест выдает не прокурор, а суд, в результате чего во второй половине 2002 г. численность людей, находящихся в следственных изоляторах, сократилась на 20%². А одним из наиболее значимых событий 2003 г. в России было принятие закона о поправках в Уголовный кодекс, смягчающих наказания за целый ряд правонарушений. Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» вступил в силу 16 декабря 2003 г., а его статьи, касающиеся действий с наркотическими средствами и психотропными веществами, – 16 марта 2004 г.

Данный закон был внесен в Государственную Думу РФ администрацией Президента РФ, значительную роль в его разработке и принятии сыграли Александр Баранников, депутат Государственной Думы, Павел Крашенинников, руководитель Комитета Думы по законодательству, и Дмитрий Козак, заместитель администрации Президента РФ. Специалисты объясняют этот шаг президентской администрации удачной командой экспертов,

¹ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 16.

² Новый кодекс разгрузил камеры // Российская газета. 2003. 7 марта.

непосильно высокой ценой наказания в бюджетном измерении и тем, что Европейский суд признал условия содержания в российских СИЗО пыточными¹.

Сущность поправок, внесенных в уголовный кодекс, заключается в следующем:

- декриминализируется целый ряд деяний, таких, как уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере по неосторожности, заведомо ложная реклама, обман потребителей, причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности;
- по ряду статей, касающихся прежде всего преступлений по неосторожности, сокращается срок лишения свободы;
- из ряда статей исключается нижний предел санкций в виде лишения свободы;
- сокращается с шести месяцев до двух минимальный срок лишения свободы;
- многие статьи, по которым сохранено лишение свободы, дополнены альтернативными наказаниями;
- расширяется применение штрафа как вида наказания, альтернативного лишению свободы;
- упраздняются исправительные колонии строгого режима для осужденных женщин;
- существенно смягчаются наказания в отношении несовершеннолетних (лишение свободы не назначается несовершеннолетнему, впервые совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести, а также всем несовершеннолетним за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые; совершившим преступления в возрасте до 16 лет не может быть назначено более 6 лет лишения свободы, за исключением особо тяжкого преступления);
- отменяется принудительное лечение от алкоголизма и наркомании по приговору суда;
- из Уголовного кодекса полностью исключается институт неоднократности;
- расширяется понятие необходимой обороны;

¹ Левинсон Л. Новая редакция УК: антинаркотические статьи. http://www.prison.org/law/pfz/text2_lev4.htm (09.02.2004)

- исключается конфискация имущества.

Особо следует отметить поправки в статьи Уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за действия с наркотиками. Так, в первой части статьи 228, предусматривающей ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере, сохраняется санкция до трех лет лишения свободы, но теперь в нее включена и альтернатива – штраф в размере до сорока тысяч рублей, либо исправительные работы на срок до двух лет.

Очень важно то, что поправки изменяют критерии определения крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ. До последнего времени крупный и особо крупный размеры устанавливался специальной таблицей в граммах и долях грамма. При этом, например, крупным размером высушенной марихуаны, при обнаружении которой предусматривалась уголовная ответственность, считалась доза от 0,1 грамма, а любая доза героина относилась к крупному или особо крупному размерам. В настоящее время после внесения поправок крупным размером признается количество наркотического средства, психотропного вещества или их аналога, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в десять и более раз, а особо крупным размером – в пятьдесят и более раз. Очевидно, что это изменение помимо всего прочего сократило возможности сотрудников правоохранительных органов оказывать давление на задержанных, подбрасывая им дозы наркотиков.

Прогнозируемое сокращение численности заключенных в связи с принятием данных поправок в Уголовный кодекс – 150 тысяч человек¹.

Между тем, сотрудники правоохранительных органов в целом негативно оценивают новый Уголовно-процессуальный кодекс и внесенные поправки в Уголовный кодекс, утверждая, что они препятствуют “эффективной” работе органов внутренних дел. Показателен в этом отношении следующий отрывок из отчета Министерства внутренних дел Республики Татарстан о работе

¹ Левинсон Л. Сотни тысяч человек помянут третью Думу добром. http://www.prison.org/law/pfz/text2_lev6.htm (09.02.2004)

ведомства в 2003 г., свидетельствующий о неизменности характерных для этих структур репрессивных установок:

«За последние годы законодательство претерпело ряд изменений, которые направлены на либерализацию и декриминализацию в основном превентивных составов преступлений, что существенно ослабило профилактические меры воздействия органов внутренних дел на правонарушителей. Вследствие изменения законодательства, только за вторую половину декабря было прекращено уголовное преследование в отношении более 170 обвиняемых. Если прогнозировать ситуацию на 2004 год, то речь идет о том, что в отношении более 4 тысяч правонарушителей, которые должны были быть привлечены к уголовной ответственности, органы внутренних дел будут вынуждены ограничиться мерами административного принуждения, имеющими гораздо более низкую степень превентивного воздействия. Поскольку речь идет в основном о хулиганских проявлениях, хранении наркотических средств и т. п., то МВД надлежит выработать новую тактику применения предупредительных мер, в том числе предусмотренных административным законодательством. В связи с этим потребуются существенное расширение мощностей изоляторов для содержания административно задержанных и арестованных, что невозможно без поддержки органов государственной власти республики. С точки зрения уголовной статистики изменения в законодательстве вылились с одной стороны в уменьшение числа регистрируемых преступлений (более, чем на 19 процентов с 2001 года), а с другой стороны – в реальное увеличение преступных посягательств, о чем свидетельствует стабильный рост числа поступивших в милицию сообщений о происшествиях, а также преступлений корыстно-насильственного характера, в первую очередь краж (по России и округу также грабежей и разбоев)»¹.

Фактическое отсутствие в России независимой судебной власти означает, что потенциальное гуманизирующее воздействие изменений в законодательстве будет ослаблено в результате совместных усилий МВД, судов и прокуратуры.

¹ <http://www.mvdr.ru/index.asp?id=251> (26.02.2004)

2.3. “Борьба” с наркотиками в России: “решение” проблемы или поддержание ее существования?

С 15 апреля 1998 г. в России действует Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», согласно которому «в Российской Федерации запрещается потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача» (статья 40). Запрещается также «хранение наркотических средств и психотропных веществ в любых количествах в целях, не предусмотренных настоящим Федеральным законом» (статья 20, пункт 2). Кроме того, данный закон предусматривает назначение принудительных мер медицинского характера «больным наркоманией, находящимся под медицинским наблюдением и продолжающим потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющимся от лечения, а также лицам, осужденным за совершение преступлений и нуждающимся в лечении от наркомании» (статья 54, пункт 3).

Уголовный кодекс РФ в настоящее время включает в себя соответствующие статьи, определяющие наказания за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку, производство, сбыт и пересылку наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (статьи 228, 228-1).

Между тем, из основных положений интеракционистского подхода следует, что *жесткое, силовое решение проблемы употребления наркотиков, как и проблемы преступности, в современных условиях ведет лишь к усугублению ситуации.*

В обществе, в котором существует жесткий запрет на употребление наркотических веществ, предусматривающий уголовные наказания за их незаконное приобретение, хранение, перевозку, производство и сбыт, занятие этими видами деятельности является рискованным. Высокие риски ведут к тому, что растет стоимость наркотических веществ. Именно этим объясняется значительная разница между стоимостью, например, героина в Афганистане, Таджикистане и России. В результате производство, перевозка и сбыт наркотических веществ становятся сверхприбыльным бизнесом. Возникают и развиваются структуры

незаконного оборота наркотиков, заинтересованные в увеличении числа их потребителей. Наркосреда становится агрессивной, втягивающей в себя все новых и новых членов, потенциальных покупателей наркотиков. Кроме того, сверхвысокий уровень дохода в результате сбыта наркотических веществ делает возможным направление части средств на подкуп сотрудников правоохранительных органов, что увеличивает их коррумпированность. В целом, существование жесткого законодательства выгодно структурам, занимающимся незаконным оборотом наркотиков, и коррумпированным сотрудникам правоохранительных органов.

Подобная ситуация существует и в ряде других обществ, использующих силовые варианты решения проблемы употребления наркотиков. Так, по мнению ряда экспертов, проблема наркотиков в США создана скорее реакцией на наркозависимых со стороны правоохранительных органов, нежели специфическим действием наркотических веществ. «Наркозависимые совершают кражи и занимаются другими видами преступной деятельности главным образом потому, что найти необходимые им наркотики они могут только на “черном рынке”, по цене, которая гораздо выше той, что была бы, если бы доступ к наркотикам был легализован. Проблема наркотиков... создана *определением* ее в качестве проблемы»¹.

Кто в действительности заинтересован в существенном улучшении ситуации с употреблением наркотиков в России? Можно ли утверждать, что такими заинтересованными сторонами являются правоохранительные органы и медицинские работники? Как это ни парадоксально, правоохранительные и медицинские структуры в целом заинтересованы в противоположном. Можно утверждать, что социальная проблема употребления наркотиков была “приватизирована” этими структурами, отстаивающими свое монопольное право на контроль за определенными аспектами данной ситуации и использующими ее в своих интересах.

Идея “приватизации” социальных проблем является одной из важнейших идей интеракционистского подхода, разработанных Г. Беккером. Для того, чтобы социальная проблема получила

¹ Becker, H. S. (ed.), *Social Problems: A Modern Approach*. N.Y., 1966, p. 10.

возможность длительного существования, – указывает Беккер, – беспокойство общественности по поводу того или иного социального условия должно быть воплощено в виде института или организации. Ответственность за решение проблемы может взять на себя уже существующая организация или может быть создана новая. Одна из интересных черт этой стадии в развитии социальной проблемы заключается в том, что персонал такой организации склонен выстраивать свою жизнь и карьеру вокруг ее продолжающегося существования. Он становится крепко связанным со “своей” проблемой, и все, что угрожает ее существованию или значению, в свою очередь является угрозой для него. В результате сотрудники таких организаций сталкиваются с двойной проблемой в стремлении оправдать свое существование. С одной стороны, они должны демонстрировать, что “их” проблема по-прежнему существует и является очень серьезной (особенно если организации необходимо финансирование). С другой, они должны показывать, что их усилия эффективны и имеют смысл, и проблема, которой они занимаются, приближается к своему решению¹.

Правоохранительные органы демонстрируют эффективность своих усилий в отношении проблемы наркотиков главным образом посредством сообщений о количестве задержанных наркотических веществ. Однако, по словам сотрудников российских правоохранительных структур, они перехватывают не более 10% всех наркотиков, поступающих на нелегальный рынок. Более того, как указывают эксперты, отечественные силовые органы изымают за год 50-60 тонн различных наркотических средств, а только по одному Памирскому тракту (Хорог – Ош) в страну ежегодно поступает до 1500 тонн наркотиков, то есть в 25 раз больше изымаемого².

Идею приватизации, но уже применительно к проблеме наркотиков, используют и Л. Кесельман и М. Мацкевич:

¹ Ibid., pp. 12-13.

² Цит. по: Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Слепое противостояние наркотикам неэффективно // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №4. С. 101.

«Не может быть объективно заинтересована в существенном снижении, тем более в полной ликвидации наркотизма и наркомании значительная, постоянно растущая группа административных работников, приставленных к решению этой проблемы. Непрерывно увеличивающийся объем социальных ресурсов (среди них далеко не одни лишь финансовые), которые регулирует эта социальная группа, достаточно убедительно поддерживает их объективный интерес не только к сохранению, но и к возможно большему росту этого объема. При наших традициях организации и обоснования затратной экономики снижение уровня наркотизма не рассматривается в качестве аргумента для сохранения достигнутого уровня финансирования, не говоря уже об его увеличении... Даже будучи субъективно мотивированным к достижению позитивных результатов на вверенном ему участке антинаркотического фронта, администратор, приставленный к регулированию потока финансовых и других социальных ресурсов, объективно не заинтересован в общем уменьшении и тем более полной ликвидации причины, порождающей этот поток.

Не заинтересованы в этом и работники специализированных подразделений правоохранительных органов, благополучие и само существование которых может быть оправдано только опасным уровнем распространения наркотиков в обществе. Не заинтересованы и остальные работники правоохранительных органов, наделенные значительными административными и правовыми ресурсами, которые они под видом преследования мелких торговцев и потребителей наркотиков могут и нередко используют для решения своих личных проблем.

Объективно не заинтересованы в значительном снижении наркотизма и наркомании профессиональные работники специальных медицинских учреждений, чье благополучие также, в конечном счете, зависит от спроса на их услуги и особенно от наличия платежеспособных пациентов. Речь не о субъективных интересах и намерениях конкретных представителей этих социальных групп, а об объективной заинтересованности этих групп в существовании их функциональной сферы деятельности»¹.

По мнению Л. Кесельмана и М. Мацкевич, «практически единственной социальной группой, объективно, но пока далеко не всегда субъективно заинтересованной в защите общества от

¹ Там же. С. 104-105.

наркотиков, являются родители детей, над головами которых нависает эта угроза»¹.

Существование жесткого, запретительного закона ведет, помимо поддержания и расширения наркосреды, к высокой смертности от передозировки наркотиков, поскольку близкие и знакомые избегают вызывать экстренные службы медицинской помощи, так как знают, что в этом случае факт употребления наркотиков станет известным правоохранительным органам. По этой же причине люди, употребляющие наркотики внутривенно, опасаются тестирования на ВИЧ, даже если подозревают, что они инфицированы. «Когда закон карает за проституцию, употребление наркотиков или добровольные сексуальные отношения между взрослыми мужчинами, эти явления в обществе не исчезают, зато возрастает риск заражения людей, для которых забота о своем здоровье отступает на задний план перед угрозой наказания и необходимостью скрываться. Одновременно с этим сокращается возможность профилактической работы среди тех, кто рискует заразиться, и оказания им квалифицированной помощи. Запретительная политика обрекает тысячи людей на заражение ВИЧ-инфекцией, позволяя власти и обществу делать вид, что “нежелательные элементы” взяты под контроль и перекрыты, а “порядочным людям” и их близким вирус не угрожает»².

Наконец, действующий в России закон о наркотических средствах и психотропных веществах, является основанием для «наклеивания ярлыков» на наркозависимых и, таким образом, порождает вторичные отклонения. Улучшение ситуации с наркотиками возможно только при отношении к наркозависимым как к людям, нуждающимся в помощи, а не как к преступникам, и перенаправлении финансовых средств, затрачиваемых на силовые, запретительные меры, на осуществление эффективных программ профилактики в отношении определенных возрастных групп.

¹ Там же. С. 106.

² Савельева И. Если вы пишете о СПИДе... М., 1999. С. 20.

ГЛАВА 3. КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

3.1. Понятие социальной проблемы с конструкционистской точки зрения

Первые очертания конструкционизма можно обнаружить в работах Ричарда Фуллера и Ричарда Майерса, заложивших в конце 1930-х – начале 1940-х гг. основы так называемого *подхода ценностного конфликта*¹. «Каждая социальная проблема, – отмечают Фуллер и Майерс, – состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами»². Эти исследователи первыми столь ясно показали значение субъективного элемента социальных проблем, признавая все же, что другим важным элементом являются объективные условия. Фуллер и Майерс утверждают, что ценности, конфликт между ними – основная причина любой социальной проблемы. Они разработали также концепцию стадий социальной проблемы, которая заключается в том, что социальные проблемы не возникают сразу как нечто окончательное, созревшее, пользующееся вниманием общественности и вызывающее адекватную политику их решения. Напротив, проблемы постоянно находятся в процессе развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии, такие, как: (1) стадия осознания, (2) стадия определения политики и (3) стадия реформы.

Конструкционистский подход к социальным проблемам представляет собой наиболее последовательную и строгую “антиобъективистскую” позицию. Основные идеи этого подхода

¹ См.: Fuller, R. C., Myers, R. R. ‘Some Aspects of a Theory of Social Problems’, American Sociological Review, 1941, Vol. 6, February, pp. 24-32; Fuller, R. C., Myers, R. R. ‘The Natural History of a Social Problem’, American Sociological Review, 1941, Vol. 6, June, pp. 320-328.

² Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 139.

были сформулированы Малькольмом Спектором и Джоном Китсьюзом в 1970-е гг.¹ Сущность этих положений заключается прежде всего в полном отказе от объективного социального условия как составляющей социальной проблемы. «Всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: “социальные проблемы – это те условия...”, ведет в концептуальный и методологический тупик»². Конструкционисты предлагают отказаться от идеи социальных проблем как вида *условий* в пользу понимания социальных проблем как *риторики*. Спектор и Китсьюз определяют социальные проблемы как *деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвигению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий*. Социальные проблемы, с этой точки зрения, конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступающими с требованием их изменения.

Ключевыми в данном определении социальных проблем являются понятия “выдвижение утверждений-требований” (claims-making) и “предполагаемые условия”. *Выдвижение утверждений-требований*, то есть риторика требовательного характера, включает в себя, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследовании общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, “проблематизирующие” сообщения средств массовой коммуникации, проведение митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок и т. д.

Социальные проблемы могут конструироваться и социологами, в том случае, если их выступления и публикации, представляющие

¹ См.: Spector, M., Kitsuse, J. I., *Constructing Social Problems*. Menlo Park, 1977. Этой работе предшествовал ряд статей: ‘Social Problems: A reformulation’, *Social Problems*, Vol. 20, 1973, pp. 145-159; ‘Toward a Sociology of Social Problems: Social conditions, value judgments, and social problems’, *Social Problems*, Vol. 20, 1973, pp. 407-419.

² Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // *Контексты современности – II*. Казань, 2001. С. 161.

результаты исследований и интерпретацию этих данных, способствуют росту обеспокоенности общественности относительно какой-либо ситуации. Следует признать, впрочем, соглашаясь с Г. Блумером, что в подавляющем большинстве случаев, напротив, обеспокоенность общественности заставляет социологов сосредоточиваться на исследовании тех или иных явлений.

Слово “*предполагаемый*” используется Спектором и Китсьюзом для того, чтобы подчеркнуть, что любое утверждение требовательного характера выдвигается относительно условия, *предположительно* существующего. Сосредоточиваясь на анализе риторики требовательного характера, конструкционисты оставляют в стороне вопрос о том, являются выдвигаемые утверждения-требования верными или ошибочными, существует в действительности условие, относительно которого они выдвигаются, или нет. Для того, чтобы уберечься от тенденции “соскользнуть назад” к анализу условия, конструкционисты говорят о том, что даже существование самого условия, относительно которого выдвигаются утверждения-требования, не имеет значения для конструкционистского анализа: «Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие»¹. Такую строгую конструкционистскую позицию иногда называют *феноменологической версией конструкционизма*.

Менее строгой версией является так называемый *контекстуальный конструкционизм*, допускающий возможность рассмотрения социальных условий и ситуаций, относительно которых выдвигаются требования изменения, то есть обращения к социальному контексту конструирования социальных проблем. Различие между строгим и контекстуальным конструкционизмом было проведено Джоелом Бестом, одним из ведущих теоретиков-конструкционистов:

«Предположим, мы исследуем кампанию против “растущей уличной преступности”. Чем могут объясняться эти утверждения-требования? Строгий конструкционист может отметить, что те, кто выдвигает

¹ Спектор М., Китсьюз Дж. Указ. соч. С. 162.

утверждения-требования, ссылаются на более высокий уровень преступности или растущее чувство страха. Однако он будет рассматривать эти ссылки как часть утверждений-требований, не делая каких-либо допущений о том, что уровень преступности или страх перед преступностью действительно возросли. Контекстуальный конструкционист, напротив, может принять во внимание данные официальной статистики или обследований, измеряющих страх перед преступностью, даже если те, кто выдвигал утверждения-требования, никогда не обращались к статистике или обследованиям. Предположим, например, что те, кто выдвигает утверждения-требования, начинают кампанию против растущей преступности тогда, когда уровень преступности не повышается. Контекстуальный конструкционист может отметить это расхождение между утверждениями-требованиями и другой информацией о социальных условиях. В этом заключается ключевое различие между строгими и контекстуальными конструкционистами»¹.

Конструкционизм предполагает принципиально иной набор вопросов для исследователя социальных проблем. Например, как указывает Джоел Бест, с позиций традиционного объективистского подхода к бездомности важными являются вопросы о численности бездомных, о том, почему люди становятся бездомными и т. д. Конструкциониста же интересует, представляет ли бездомность социальную проблему, то есть является ли она предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности, чьи утверждения-требования делают бездомность предметом общественного внимания, как эти утверждения представляют бездомных, что делается для того, чтобы эти утверждения выглядели убедительными, как общественность и политики реагируют на эти утверждения-требования, как изменяются с течением времени эти утверждения, иными словами, какова их судьба, а, следовательно, и судьба социальной проблемы бездомности². Такое исследование социальной проблемы бездомности в России предполагает, в частности, анализ

¹ Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 169.

² Там же. С. 166.

деятельности организаций «Врачи без границ», «Ночлежка»¹ и некоторых других, своими действиями прямо или косвенно привлекающих внимание общественности к положению бездомных в России и, таким образом, конструирующих данную проблему.

Другим примером могут быть исследовательские вопросы относительно массового употребления алкоголя в том или ином обществе:

Исследовательские вопросы	
Традиционный подход	Конструкционизм
Каков масштаб данной социальной проблемы? – Каковы масштабы потребления алкоголя в обществе? Каковы социальные последствия массового потребления алкоголя в значительном количестве? Каковы причины и факторы, способствующие возникновению данной проблемы? Каковы социальные функции употребления спиртного? Что могло бы способствовать сокращению потребления алкоголя?	Представляет ли массовое потребление алкоголя социальную проблему? – Является ли широко распространенное употребление алкоголя предметом общественного внимания и беспокойства? Кто конструирует социальную проблему массового потребления алкоголя? Каким образом конструируется данная проблема? В какой степени в конструировании данной проблемы участвуют средства массовой коммуникации? Насколько успешными являются попытки сконструировать проблему? – Как общественность и политики реагируют на утверждения о необходимости действовать с целью изменения ситуации?

3.2. Стадии социальной проблемы с конструкционистской точки зрения

Важное место в рамках конструкционистского подхода занимают модели *стадий социальной проблемы* Г. Блумера и М. Спектора и Дж. Китсьюза, более сложные по сравнению с моделью Р. Фуллера и Р. Майерса, описанной вкратце в начале этой главы.

¹ См., например web-сайт, созданный по инициативе организации «Ночлежка»: <http://www.nadne.ru>

Герберт Блумер описывает пять стадий социальной проблемы: (1) возникновение социальной проблемы, (2) легитимация проблемы, (3) мобилизация действия в отношении проблемы, (4) формирование официального плана действия и (5) трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления¹.

Спектор и Китсьюз указывают, что недостаток модели Фуллера и Майерса, как и модели Блумера, заключается в следующем: они не объясняют, что происходит с социальной проблемой после появления официальной реакции. Данные модели предполагают, что деятельность официальных структур составляет заключительную стадию социальной проблемы. Модель Спектора и Китсьюза включает в себя четыре стадии, при этом стадия 2 соответствует последней стадии моделей Блумера, Фуллера и Майерса, а стадии 3 и 4 описывают то, что происходит с социальной проблемой после определения и осуществления официальной политики. Как указывают Спектор и Китсьюз, данные стадии – это своего рода “второе поколение” социальной проблемы, когда решения предшествующих проблем (реакции на предшествующие требования) становятся основой для новых утверждений и требований:

«Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предаёт эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает это условие предметом общественного и политического внимания.

Стадия 2. Признание легитимности этой группы некоторой официальной организацией или институтом. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформ, созданию организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования.

Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований первоначальной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с

¹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 153-158. Концепцию социальных проблем Г.Блумера развивает Реми Ленуар: Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.; СПб., 2001. С. 77-144.

утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям.

Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от деятельности официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов»¹.

Поясняя эту схему, Ник Мэннинг подчеркивает, что официальные органы часто реагируют на выдвижение утверждений-требований рутинным или неэффективным образом (стадия 2). В политической практике этой стадии соответствует создание специальных государственных комиссий. Последние, как правило, состоят из представителей правящей элиты и занимаются тем, что рассматривают факты, выслушивают мнения заинтересованных сторон и дают некоторые рекомендации. Эта процедура может продолжаться длительное время, в течение которого начальное условие или событие может измениться само собой. Правительство может отреагировать позитивно на эти рекомендации, но в целом, не будучи связано ими, часто не предпринимает каких-либо действий. Третья стадия предполагает два возможных варианта развития событий: либо происходит возврат ко второй стадии, при этом требование группы может завязнуть в этой “петле” и исчезнуть, либо происходит переход к четвертой стадии, когда группа решает, что необходимо создать альтернативу стадии второй. Группа может решиться на самостоятельные действия с целью исправления ситуации или сосредоточиться на неспособности официальных структур удовлетворить их интересы и попытаться изменить их более или менее решительным образом².

Действенность этой модели для объяснения происходящего более очевидна в случае с социальными проблемами, возникшими относительно недавно. В случае с такой проблемой, как нарушение

¹ Спектор М., Китсьюз Дж. Указ. соч. С. 163.

² Manning, N. ‘Constructing Social Problems’, Manning, N. (ed.), *Social Problems and Welfare Ideology*. Aldershot, 1985, pp. 10-11.

прав человека в советской/российской армии, конструирование которой началось во второй половине 1980-х гг., создание независимых организаций солдатских матерей – новых структур, неподконтрольных военкоматам и другим армейским структурам, – представляет собой четвертую стадию данной социальной проблемы.

Лидер Санкт-Петербургской правозащитной организации «Солдатские матери» Э. Полякова в интервью, проведенном в рамках исследования Е. А. Здравомысловой, утверждает: «Если сама армия не может справиться с данными задачами (задачами ее реформирования) и до определенной степени провоцирует правонарушения, то общество должно взять на себя эту задачу путем создания соответствующих добровольных организаций»¹. Е. А. Здравомыслова указывает на следующие формы деятельности этого движения в защиту прав военнослужащих: «пикетирование зданий, занимаемых армейскими структурами, обращение с требованиями в СМИ, органы власти, консультации и совместные конференции с общероссийскими и международными организациями по защите прав человека, работа в общественной палате, участие в избирательных кампаниях, судебные разбирательства с органами военной прокуратуры и представителями военного округа, марши мира и демонстрации»². В данном исследовании подчеркивается также роль средств массовой коммуникации в конструировании социальной проблемы нарушения прав человека в армии.

Стоит уточнить, что модель Спектора и Китсьюза, как и модели Блумера и Фуллера и Майерса, не предполагает строгой последовательности указанных стадий. Более верным, по мнению конструкционистов, является взгляд на процесс социальной проблемы как на пересекающиеся, накладывающиеся друг на друга, одновременные взаимодействия.

¹ Здравомыслова Е. А. От социальной проблемы к коллективному действию: правозащитная организация «Солдатские матери» // *Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию*. М., 1999. С. 59.

² Там же. С. 61.

3.3. Некоторые результаты и перспективы конструкционистского анализа социальных проблем

Достоинства конструкционистского подхода заключаются в следующем. Во-первых, он предлагает четкое и последовательное определение социальных проблем как риторики, деятельности по выдвижению утверждений требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий. Это определение положило начало эмпирически плодотворной традиции изучения социальных проблем¹. При этом данная традиция уже не является исключительно американской².

Во-вторых, конструкционизм позволяет проникнуть в природу крайне изменчивого общественного признания тех или иных ситуаций социальными проблемами. Конструкционисты утверждают, что это признание, в большинстве случаев определяющее признание социальных проблем социологами, зависит от степени успешности попыток сконструировать проблему.

В-третьих, конструкционистский подход является основой для развития новых теорий – об утверждениях-требованиях, о тех, кто их выдвигает, процессе выдвижения утверждений-требований, конкуренции между утверждениями-требованиями, их аудитории.

Одной из наиболее важных концепций, разработанных в рамках конструкционистского подхода, является концепция публичных арен

¹ Примерами конструкционистских исследований социальных проблем распространения ВИЧ-инфекции и загрязнения окружающей среды являются следующие работы: Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 115-138; Сконфельд А. К., Мейер Р. Ф., Гриффин Р. Дж. Конструирование социальной проблемы: пресса и инвайронментализм // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. С. 139-184. О других конструкционистских исследованиях см.: Best, J. (ed.), Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems. N.Y., 1995; Miller, G., Holstein, J.A. (eds.), Social Problems in Everyday Life: Studies of Social Problems Work. Greenwich, Connecticut and London, 1997.

² См., например: Ленуар Р. Указ. соч. С. 77-144.

Стивена Хилгартнера и Чарльза Боска¹. Эти исследователи в дополнение к основным конструкционистским положениям выдвинули идею конкуренции между социальными проблемами за обладание такими ограниченными ресурсами, какими являются общественное внимание и пропускная способность средств массовой коммуникации и других арен публичного дискурса. В силу ограниченности этих ресурсов рост одной социальной проблемы как правило сопровождается упадком одной или нескольких других. Подробно данная концепция рассматривается в следующей главе.

Одна из сильных сторон конструкционизма заключается также в том, что этот подход, отказываясь от понимания социальных проблем как статичных условий, предлагает рассматривать их в качестве последовательности определенных стадий деятельности по выдвиганию утверждений-требований. Такая трактовка в гораздо большей степени соответствует процессуальной природе социальной реальности. Вследствие этого контекстуальная версия конструкционизма позволяет рассматривать социальные проблемы в контексте трансформирующегося общества. С этой точки зрения социальные проблемы в российском обществе последних двух десятилетий возникли в результате определенных трансформационных сдвигов, таких, как открытие каналов взаимодействия, посредством которых возможно выдвигание утверждений-требований относительно тех или иных условий. Имеется в виду либерализация средств массовой коммуникации, появление конституционных гарантий права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, а также свободы деятельности общественных объединений и права на мирные собрания, митинги и демонстрации; развитие служб изучения общественного мнения и др. Важное значение в рамках конструкционистского анализа социальных проблем трансформирующегося общества имеют понятия *“деконструирования”, блокирования или дедраматизации*

¹ Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 18-53.

социальных проблем, которые обозначают деятельность, препятствующую выдвижению утверждений требовательного характера относительно тех или иных социальных условий. Стоит отметить, что деконструирование социальных проблем было в социалистических обществах одной из основных функций служб государственной безопасности. Стратегии деконструирования или дедраматизации рассматриваются в четвертой главе.

В последнее десятилетие конструкционистский подход все чаще используется российскими социологами¹. В то же время его применимость вызывает ожесточенные споры. Нередко конструкционистские идеи подвергаются жесткой критике, которую не всегда можно признать обоснованной. Примером последнего является статья В. Н. Мининой «Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций»². Обзор подходов к социальным проблемам, предлагаемый в этой работе, грешит явными искажениями сути некоторых концепций и непоследовательностью в их оценке. Так, критикуя объективистский функционалистский подход к социальным проблемам, автор опирается на идеи конструкционистов М. Спектора и Дж. Китсьюза и делает вывод об уязвимости функционализма³. Впоследствии объектом критического рассмотрения становится уже конструкционизм. Однако при внимательном прочтении соответствующего раздела работы В. Н. Мининой обнаруживается, что критика конструкционистского подхода подменяется всего лишь

¹ Примером конструкционистских исследований являются работы Г. В. Еремичевой и Ю. Симпуры: Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. 1995. № 2. С. 179-189; От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. 1997. № 2. С. 163-182; Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4. С. 145-159; Социальные проблемы повседневной жизни и восприятие их петербуржцами // Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб., 1999. С. 224-247. См. также: Богданова Е. Конструирование проблемы защиты прав потребителей // Рубеж. 2003. № 18. С. 162-172.

² Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. С. 74-90.

³ Там же. С. 79.

описанием сущности критикуемого ранее противоположного объективистского подхода к социальным проблемам. Предлагаемое понимание социальных проблем – как объективно возникающих противоречий между сущим и должным – вызывает следующие вопросы. Каким образом возможно определение того, что есть «должное»? Выполнима ли эта задача в рамках социологической науки, стремящейся к ценностной нейтральности? Очень спорным представляется и отнесение конструкционизма и марксизма к одной традиции понимания социальных проблем¹. В целом, В. Н. Минина следует традиционной отечественной трактовке социальных проблем как социальных противоречий. Однако в конце работы под социальными проблемами автор предлагает понимать также отклонения и нарушения нормального функционирования и развития социального объекта², то есть вновь возвращается к функционалистской позиции. Если В. Н. Минина придерживается объективистского – марксистского или функционалистского – подхода к социальным проблемам, то совершенно непонятно, почему на протяжении всей статьи делаются ссылки на конструкционистов и даже используется их терминология («процесс конструирования социальных проблем»³). Все это позволяет сделать вывод о противоречивой позиции автора.

Группа саратовских исследователей, не отрицая достоинств конструкционистского подхода, в особенности его контекстуальной версии, выступает за мультипарадигмальный подход к анализу социальных проблем⁴. Однако традиционный (функционалистский) и конструкционистский подходы к социальным проблемам в принципе несовместимы. Спорным представляется также утверждение саратовских авторов, согласно которому одним из преимуществ традиционного позитивистского подхода к социальным проблемам является то, что «в его рамках предлагаются наиболее ясные объяснения социальных явлений как

¹ Там же. С. 84-85.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 83.

⁴ Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2002. С. 28-37.

проблемных, а также то, что он предлагает убедительные аргументы, способные направлять политику и убеждать публику»¹. Такого рода “преимущество”, очевидно, может иметь значение лишь за пределами научной сферы.

Признает вклад конструкционистского подхода в изучение социальных проблем и О. И. Иванов в своем «Введении в социологию социальных проблем». Он указывает, что одним из признаков социальной проблемы является «наличие оценки каким-либо общественным субъектом существа и меры негативного воздействия социальной среды или ее отдельных компонентов на жизненную ситуацию конкретной группы, общности»². «Важнейшей составляющей такой оценки является утверждение о нетерпимости положения дел и формулировка требований по их изменению»³. Тем не менее, О. И. Иванов подобно саратовским исследователям выступает за комплексный подход, совмещающий «анализ объективных условий и субъективной деятельности»⁴. Сходную промежуточную позицию между традиционными и конструкционистскими подходами занимает и А. В. Соловьев⁵.

В целом, большинство российских социологов по-прежнему осознанно или неосознанно используют традиционные (функционалистский или марксистский) подходы к социальным проблемам или пытаются совместить объективистские и конструкционистские идеи.

3.4. Конструкционизм как технология конструирования социальных проблем

В области политики, включая социальную политику, и в сфере управления коммуникацией (PR) конструкционизм может быть весьма полезным в качестве практического руководства по выдвигению утверждений-требований, своего рода технологии

¹ Там же. С. 34.

² Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем. СПб., 2003. С. 15.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Соловьев А. В. О природе социальных проблем // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 324-328.

конструирования социальных проблем. По словам Джоела Беста, конструкционистские исследования могут преподать ценные уроки тем, кто нацелен на конструирование социальных проблем. Выдвигающие утверждения-требования сталкиваются с различными препятствиями: они должны привлечь внимание, заручиться поддержкой и сформировать политику. Конструкционистские исследования показывают, как преодолевались эти препятствия теми, кто конструировал те или иные социальные проблемы в прошлом. Изучение результатов социологического анализа успешного и безуспешного выдвижения утверждений-требований может помочь тем, кто конструирует социальные проблемы, спланировать их собственные кампании¹.

В рамках конструкционистского подхода предпринимались попытки обобщить опыт конструирования различных проблем и выработать некоторые общие стратегии выдвижения утверждений требовательного характера. В частности, Донилин Лазик² указывает, что успешными, как правило, являются следующие стратегии конструирования социальных проблем.

(1) *Конструирование отличного в рамках знакомого.* Конструирование нового, отличающегося от других вопроса имеет важное значение, поскольку именно новое и необычное привлекает внимание аудитории, которая склонна испытывать скуку и апатию в отношении привычных социальных проблем. В то же время важно, чтобы это новое не было абсолютно новым. Аудитория любит новизну, но не любит, когда четкости и ясности ее мировоззрения угрожает что-то непонятное. «Совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяющими понять их»³.

Данная стратегия может быть реализована двумя путями: во-первых, путем конструирования новой проблемы как примера уже существующей проблемы, как это было в случае с конструированием проблемы равных прав женщин, геев и людей с

¹ См.: Бест Дж. Указ. соч. С. 172.

² Loseke, D. R. Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. N.Y., 1999, p. 81-93.

³ Ibid., p. 82.

ограниченными возможностями в США, которое соотносилось с конструированием проблемы равных прав афро-американцев. В данном случае «создаются новые типы проблем с новыми типами жертв и виновников, которые являются вариациями старых, уже привычных типов проблем и людей»¹. Второй путь осуществления данной стратегии – это расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему. Примером является распространение категории “рабство” на такие явления, как “рабский” труд незаконных иммигрантов, вывоз девушек из страны и принуждение к занятию проституцией и т. д. Эти два варианта конструирования отличного в рамках знакомого позволяют достичь новизны, используя в то же время преимущества более раннего успешного выдвижения утверждений-требований.

(2) *Конструирование индивидуальных причин проблемы.* Аудитории в целом интереснее информация об индивидах, чем о социальных причинах какого-либо условия.

(3) *Конструирование широко распространенного условия.* «В игре в социальные проблемы действует закон больших чисел: чем больше число жертв, порождаемых тем или иным условием, тем вероятнее, что аудитория будет оценивать данное условие как социальную проблему»². Так, более успешной стратегией конструирования социальной проблемы наркотиков является стратегия представления в качестве жертв не только наркозависимых, но и их близких, а также всех “налогоплательщиков” и все общество в связи с экономическим бременем расходов на контроль за ситуацией и возможной угрозой преступности. Подчеркивание масштаба условия и числа жертв имеет важное значение, поскольку оно способствует не только оценке условия в качестве социальной проблемы, но и убеждению аудитории в том, что данная социальная проблема не так уж далека от нее. «Когда число людей, затронутых проблемой, огромно, это способствует осознанию членами аудитории того, что

¹ Ibid., p. 82.

² Ibid., p. 84.

пострадать могут и они или их близкие»¹. Такой стратегии соответствуют, например, и утверждения о том, что ВИЧ неразборчив в выборе своих жертв, или что каждый из нас может стать бездомным из-за тех или иных поворотов судьбы. Данная стратегия, указывает Д. Лазик, может обеспечить широкую поддержку кампании по конструированию социальной проблемы.

(4) *Конструирование жертв, принадлежащих к среднему классу*, который обладает значительными экономическими и социальными ресурсами. Например, утверждения-требования, указывающие на членов среднего класса, которые становятся жертвами преступности, скорее всего будут более успешными, чем утверждения-требования, касающиеся бедного населения или меньшинств.

(5) *Конструирование “страшных” последствий*, представление проблемы как “кризиса”, “эпидемии”, “катастрофы”. Например, эффективное конструирование проблемы «вождения автомобиля в нетрезвом состоянии» предполагает акцентирование наиболее серьезных последствий, таких, как смерть людей в результате дорожно-транспортных происшествий. Именно эта стратегия используется людьми, выдвигающими утверждения-требования, когда они начинают свои выступления, книги и пр. с одного-двух шокирующих примеров, а затем переходят к анализу условия в целом. «Общее правило: чем больше страдают жертвы, тем эффективнее утверждение-требование»².

(6) *Персонализация проблемы*. «Аудитория в целом хочет знать, какое количество людей затрагивает условие, конструируемое как социальная проблема, но этого недостаточно: мы хотим также знать *подробности* того, каким именно образом данное условие воздействует на людей, а такого рода подробности могут быть найдены только в историях личного характера. Если количественные данные наделяют аудиторию *логическими* аргументами о том, почему к этому условию необходимо относиться серьезно, то сообщения, персонализирующие проблему,

¹ Ibid., p. 85.

² Ibid., p. 87.

затрагивают *чувства* аудитории»¹. Эти истории могут касаться как рядовых граждан, так и знаменитостей. Например, как отмечает Эдвард Альберт², сообщения о болезни и смерти в 1985 г. Рока Хадсона, киноактера, кумира Америки, персонализировали проблему СПИДа, сделав ее элементом непосредственной реальности для широкой американской общественности.

(7) *Конструирование простоты*. «Эффективная стратегия выдвижения утверждений-требований заключается в игнорировании сложности реальной жизни и конструировании условия и людей, затрагиваемых им, в простой и удобной для понимания форме»³. Один из способов реализации данной стратегии состоит в конструировании такого образа условия, который содержит только нежелательные, «страшные» последствия. Другим способом является акцентирование «невинности» жертв данного условия, того обстоятельства, что они не несут ответственность за свое состояние. Например, как отмечает Д. Лазик, СПИД стал национальной социальной проблемой в США только тогда, когда в конструировании данной проблемы стали использоваться личные истории больных гемофилией, инфицированных ВИЧ при переливании крови, и детей, родившихся от инфицированных матерей.

(8) *Конструирование проблемы в надлежащее время*. Иногда утверждения-требования выдвигаются в неподходящее время. Д. Лазик указывает, что можно провести очень крупный и успешный марш протеста, но не получить какого-либо освещения со стороны средств массовой коммуникации, если в этот же день в какой-то части страны бушевал ураган, или какое-либо другое событие приковало к себе внимание журналистов. Данная стратегия предполагает, в частности, что зимние месяцы больше, чем летние, подходят для конструирования проблемы «бездомности». Конструирование проблемы в надлежащее время означает также,

¹ Ibid., p. 87.

² Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 124-125.

³ Loseke, D. Op. cit., p. 88.

что выдвижение утверждений-требований является более успешным в тот период, когда средства массовой коммуникации сообщают об определенных событиях. Так, события, связанные с гибелью какого-либо танкера и разливом нефти или нефтепродуктов, очевидно, повышают эффективность утверждений-требований относительно загрязнения окружающей среды.

(9) *Конструирование проблемы с учетом того, что большая часть сообщений большинства средств массовой коммуникации имеет развлекательный характер.* Использование данной стратегии фактически означает использование всех ранее перечисленных стратегий.

Д. Лазик заключает: «Если использовать все эти стратегии, мы получим образ новой проблемы, но не настолько новой, чтобы она требовала от аудитории разработки новых способов мировоззрения. Это будет проблема, подтверждающая наши индивидуалистические убеждения, обусловленные культурой (“проблемы вызваны людьми”), а также социальные правила сострадания (“жертвы не несут ответственности, они невинны”). Это будет образ невероятно распространенного условия, с невероятно серьезными последствиями, затрагивающими членов среднего класса... Это будет образ условия, которое легко понять, поскольку данные типизации не будут отражать всю сложность реального мира. Данный пакет утверждений-требований об условиях и людях будет успешным, поскольку он отражает типичный... здравый смысл, а также является эмоционально привлекательным: он способствует тому, что аудитория испытывает позитивное человеческое сострадание по отношению к жертвам и обвиняет только тех “виновников” (villains), кто совершенно очевидно является абсолютно порочным»¹.

Разумеется, конструирование как технология конструирования социальных проблем может использоваться в различных целях. Эти цели могут быть гуманистическими: для того, чтобы вызвать определенные масштабные действия, направленные на улучшение

¹ Ibid., p. 90-91.

положения тех или иных уязвимых групп (бездомных, людей с ограниченными физическими возможностями, людей с ВИЧ/СПИДом, заключенных, детей, подвергающихся жестокому обращению, и др.), необходимо прежде всего сконструировать социальную проблему – обратить внимание общественности и политиков на данную ситуацию, вызвать обеспокоенность, осознание необходимости принятия мер по изменению существующего положения.

В этом отношении интересен опыт других обществ, в частности, опыт успешного конструирования социальной проблемы значительного числа заключенных в Финляндии. Как отмечает Нильс Кристи, долгое время Финляндия была среди северных стран страной тюрем¹. В середине XX в. число заключенных в этой стране на 100 тысяч жителей в 3-5 раз превышало число заключенных в скандинавских странах. Однако в последние два десятилетия число заключенных в Финляндии резко сократилось, и в настоящее время по этому показателю финское общество занимает одно из последних мест в Европе. Патрик Торнудд объясняет это изменение тем, что благодаря упорной работе ряда экспертов большое количество заключенных в Финляндии стало восприниматься в обществе как проблема:

«Возможность осуществить значительные реформы, направленные на уменьшение уровня наказаний, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой борьбы с преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: исключительно высокий по сравнению с другими странами показатель количества заключенных в Финляндии был позором; можно значительно сократить количество приговоров к лишению свободы и сократить сроки наказания без ухудшения положения с преступностью...

Решающим фактором в Финляндии стала сформировавшаяся готовность гражданских служащих, судейского корпуса и тюремной администрации использовать все возможные средства для

¹ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. М., 2001. С. 46.

сокращения количества заключенных. Благодаря усилиям группы деятелей, занимавших ключевые позиции, стало возможным осознать высокий показатель количества заключенных в Финляндии как проблему. И эта концепция в свою очередь привела к ряду практических действий, от реформы законодательства до решения мелких повседневных проблем, которые и дали конечный результат»¹.

Вместе с тем очевидно, что опыт конструирования социальных проблем, представляемый конструкционистскими исследованиями, может использоваться и с другими целями, например, с целью победы на выборах. Одним из наиболее эффективных и часто используемых приемов предвыборной борьбы является конструирование той или иной социальной проблемы, “выгодной” для данного кандидата, то есть проблематизация той или иной ситуации, и убеждение избирателей в том, что именно данный кандидат способен эту проблему “решить” или способствовать существенному продвижению в ее решении. «Никогда заинтересованность политика в создании общественно значимых вопросов не является столь высокой, как в период выборов. Политик, который хочет быть избранным, должен создавать такие вопросы, в отношении которых он, а не его противник, занимает стратегически выгодную позицию»². Фактически, конструирование социальных проблем является одной из наиболее эффективных PR-технологий³.

Очевидным примером таких действий является избирательная кампания В. В. Путина перед выборами Президента РФ в марте 2000 г., проходившая на фоне “антитеррористической” операции в Чеченской Республике. В своем «Открытом письме к российским избирателям» Владимир Путин описывает операцию федеральных сил в этом регионе и заявляет: «Думаю, я объяснил, каким именно

¹ Цит. по: Кристи Н. Указ. соч. С. 49.

² Ross, R., Staines, G.L. ‘The Politics of Analyzing Social Problems’, Social Problems, Vol. 20, 1972, p. 23.

³ Конструирование и использование социальных проблем с политическими целями рассматривается Мурреем Эделманом в разделе “The Construction and Uses of Social Problems” его работы: Edelman, M. Constructing the Political Spectacle. Chicago, 1988, pp. 12-36.

образом можно и нужно решать другие тяжелые проблемы. Жизнь сама подсказывает: только открыто приняв вызов – можно победить»¹. В ходе избирательной кампании перед выборами Президента РФ 14 марта 2004 г. ситуация в Чеченской Республике, напротив, старательно дедраматизировалась, а любые сообщения о боевых столкновениях, жертвах среди российских военнослужащих, а тем более среди мирных жителей попросту блокировались и не попадали в “повестку дня” телевизионных выпусков новостей.

Все сказанное в отношении конструкционистского подхода не означает, что ему нет альтернативы. Разумеется, можно и нужно изучать преступность, коррупцию, употребление наркотиков, психические заболевания, бедность, безработицу, бездомность, беспризорность, положение людей с ограниченными физическими возможностями, беженцев и вынужденных переселенцев, загрязнение окружающей среды как социальные условия, не следует лишь оперировать при этом термином “социальная проблема”. Если же исследуется социальная проблема преступности, социальная проблема бездомности и т. д., то здесь приоритет, несомненно, за конструкционистским подходом. По крайней мере, с ним уже нельзя не считаться – начиная со второй половины 1980-х гг. именно конструкционизм определяет то направление, в котором развивается в настоящее время социология социальных проблем.

¹ Путин В. В. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Известия. 2000. 25 февраля.

ЧАСТЬ II. СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА 4. ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ

Один из основных вопросов в рамках конструкционистского подхода – почему одни ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и находятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а другие, не менее опасные и угрожающие, не проблематизируются? В современном обществе существует бесконечное множество ситуаций, которые потенциально могут иметь статус социальных проблем, однако лишь небольшое число в действительности достигает этого статуса. Каким образом происходит отбор социальных проблем?

Один из вариантов ответа на этот вопрос предлагает концепция публичных арен, разработанная американскими социологами Стивеном Хилгартнером и Чарльзом Боском. В этой главе мы попытаемся применить данную модель к анализу российского общества.

4.1. Концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска

Основные положения концепции публичных арен Хилгартнера и Боска, касающиеся средств массовой коммуникации, заключаются в следующем¹:

1. Социальная проблема – это *предполагаемая* ситуация, на которую «наклеивается ярлык» проблемы на *аренах* публичного

¹ Hilgartner, S., and Bosk, C. L. 'The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model', *American Journal of Sociology*, 1988, Vol. 94 (1), pp. 53-78. Перевод на русский язык: Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 18-53.

обсуждения и действия, то есть ситуация, которая определяется как вредная, опасная, угрожающая.

2. Уровень общественного внимания, уделяемого той или иной социальной проблеме, является следствием прежде всего не ее объективного характера, а процесса коллективного определения.

3. Социальные проблемы конструируются в рамках публичных арен. Успех (размер, масштаб) социальной проблемы определяется количеством внимания, уделяемого ей на этих аренах. Публичными аренами являются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, средства массовой коммуникации (телевизионные службы новостей, журналы, газеты и радио), телевизионные фильмы, кино, организации, занимающиеся проведением политических кампаний, книги, касающиеся социальных вопросов, научные сообщества, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды. Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем.

4. Средства массовой коммуникации, как и другие публичные арены, имеют определенную *пропускную способность*, ограничивающую число социальных проблем, которые они могут конструировать в течение какого-либо периода. Показателями пропускной способности радио и телевизионных новостей являются минуты эфирного времени, для газет и журналов таким показателем является площадь столбцов.

5. Пропускная способность средств массовой коммуникации слишком мала для того, чтобы они могли представлять все потенциальные социальные проблемы.

6. Вследствие этого социальным проблемам приходится конкурировать за место в информационном пространстве, формируемом средствами массовой коммуникации, то есть за место в телевизионных новостях и радиозэфире, на страницах газет и журналов и т. д. Эта конкуренция является постоянной; проблемы должны конкурировать друг с другом как за то, чтобы быть включенными в публичную *повестку дня*, так и за то, чтобы остаться в ней.

Понятие *установления повестки дня* (agenda-setting), пришедшее в сферу анализа массовой коммуникации из политической науки, занимает важное место в концепции Хилгартнера и Боска. Данное понятие в том смысле, в каком оно используется в социологии массовой коммуникации, указывает, что телевидение, радио и пресса не просто сообщают о происходящем, а формируют повестку дня; они *отбирают* определенные вопросы из множества сообщений, поступающих в информационные агентства, редакции газет и телекомпаний, и выстраивают их в определенном порядке в соответствии с их предполагаемой значимостью. Еще одно важное понятие в рамках данной концепции – *gate-keepers* (“привратники”, *контролеры*), функционеры, осуществляющие отбор вопросов и таким образом формирующие повестку дня¹.

7. Успех или неудача в конкурентной борьбе между социальными проблемами не обязательно связаны непосредственным образом с числом людей, которых затрагивает проблема, степенью вреда и т. д. Если ситуация начинает определяться как социальная проблема, это не обязательно означает, что объективные условия ухудшились. Подобным образом, если проблема исчезает из информационного пространства и сферы общественного внимания, это необязательно означает, что ситуация улучшилась. «Судьба... проблем определяется не только их объективным характером, но и процессом крайне жесткого отбора, в ходе которого они конкурируют друг с другом за общественное внимание и социетальные ресурсы»².

8. Число социальных проблем, представляемых средствами массовой коммуникации, определяется не числом вредных или опасных ситуаций, существующих в обществе, а пропускной способностью телевидения, радио, газет и т. д.

¹ Проблематика установления повестки дня средствами массовой коммуникации и “эффект привратника” подробно рассматриваются в работах Е. Г. Дьяковой и А. Д. Трахтенберг: «...И все подумали хором»: средства массовой информации и проблема установления повестки дня. Екатеринбург, 1999; Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999.

² Хилгартнер С., Боск Ч. Указ. соч. С. 23.

9. Чем меньше пропускная способность тех или иных средств массовой коммуникации, тем интенсивнее конкуренция между социальными проблемами. Так, пропускная способность телевизионных новостей гораздо меньше пропускной способности газет, что объясняет более высокую интенсивность конкуренции между проблемами за место в телевизионных информационных программах.

10. За исключением того случая, когда пропускная способность средств массовой коммуникации изменяется, рост одной социальной проблемы имеет тенденцию сопровождаться упадком одной или нескольких других. Наиболее очевидным примером такого роста является в последнее время социальная проблема терроризма.

11. Общественное внимание, которым пользуются социальные проблемы, крайне неравномерно распределено между ними:

а) очень небольшое число социальных проблем достигает чрезвычайного успеха и становится доминирующими информационными темами;

б) несколько большее число достигает умеренного успеха и пользуется некоторым вниманием журналистов, политиков и общественности;

в) огромное большинство потенциальных социальных проблем остается вне или на самом краю сферы общественного внимания.

Ключевой вопрос концепции С. Хилгартнера и Ч. Боска: *каким критериям должна соответствовать социальная проблема для того, чтобы с успехом выигрывать конкуренцию с другими проблемами?*

12. Средства массовой коммуникации, как и другие публичные арены, обладают принципами отбора, определяющими вероятность появления в формируемом ими информационном пространстве тех или иных социальных проблем.

13. *Драматичность*. – Средства массовой коммуникации отдают предпочтение драматичным ситуациям. Социальные проблемы, представленные в драматичном виде, имеют более высокие шансы успешно выдержать конкуренцию с другими проблемами.

Конкуренция между социальными проблемами – это конкуренция между различными противоборствующими группами, когда одни

группы драматизируют ту или иную ситуацию, а другие используют стратегии дедраматизации. «В ходе попыток дедраматизировать социальную проблему часто используются такие *стратегии*, как отрицание существования предполагаемой ситуации, которая считается проблемой, утверждения, что другие вопросы являются более неотложными или что наносимый вред имеет другие причины, не те, о которых говорит конкурирующая группа, выставление противоположного лагеря несведущим и нерациональным, утверждения, что данная ситуация естественна, приемлема или неизбежна и что решения данной проблемы неизвестны, неосуществимы, неприемлемы или их вообще не существует»¹.

14. *Новизна*. – Насыщение информационного пространства многочисленными утверждениями о какой-либо проблеме и соответствующими символами может дедраматизировать данную проблему. Для того, чтобы оставаться в публичной повестке дня, проблемы должны сохранять свой драматичный характер; их драматичность постоянно должна обновляться за счет новых символов или событий, в противном случае проблема будет испытывать упадок.

15. *Культурные предпочтения*. – Социальные проблемы, связанные с широко распространенными культурными предпочтениями, обладают более высокой конкурентоспособностью.

16. *Политические пристрастия*. – Большинство публичных арен, включая средства массовой коммуникации, находится под мощным влиянием господствующих политических и экономических групп. Вследствие этого определения социальных проблем, соответствующие их политическим интересам, имеют более высокие шансы на успех. В то же время элиты могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, блокируя их конструирование.

17. Проблемы, растущие в пределах одной публичной арены, имеют тенденцию распространяться и на другие. Относительно небольшое число социальных проблем, достигших чрезвычайного

¹ Там же. С. 51.

успеха, склонны занимать большую часть пространства на большинстве арен.

18. Несмотря на это, некоторым проблемам, неконкурентоспособным на большинстве арен, удается выжить, занимая определенную нишу в пределах какой-либо арены и не проявляя признаков распространения.

19. Социальные проблемы конструируются сообществами функционеров публичных арен, которые могут “приватизировать” ту или иную проблему.

Во многом критерии отбора социальных проблем функционерами средств массовой коммуникации и других публичных арен, очерченные Хилгартнером и Боском, совпадают с пятью “условиями предрасположенности” ежедневной газетной прессы к участию в конструировании той или иной социальной проблемы на *начальных* стадиях, на которые указывают А. Клей Сконфельд, Роберт Ф. Мейер и Роберт Дж. Гриффин:

«Во-первых, проблема должна, вероятно, носить такой характер, чтобы выдвигающие утверждения-требования могли обеспечить прессу постоянным потоком событий – информационных поводов, – соответствующих ценностям отделов новостей.

Во-вторых, проблема, вероятно, должна соответствовать одной из установленных стилизованных “рубрик”, обычно используемых ежедневными газетами.

В-третьих, необходимо, чтобы между инициаторами выдвижения утверждений-требований, с одной стороны, и репортерами и редакторами, с другой, наблюдалось некоторое классовое соответствие – если не в политико-экономических интересах, то хотя бы в плане способов коммуникации и простоты установления социальных и профессиональных контактов.

Четвертым неременным условием является быстрое проникновение в редакции газет журналистов, участвующих в выдвижении утверждений-требований.

Наконец, пятое условие, имеющее, пожалуй, наиболее гипотетический характер, заключается в том, что издатели не должны видеть в индивидах и группах, выдвигающих утверждения-

требования, и предлагаемых ими вариантах изменения ситуации серьезной экономической угрозы»¹.

4.2. Конкуренция между социальными проблемами в современном российском обществе

Применение концепции Хилгартнера и Боска к анализу социальных проблем российского общества позволяет прояснить ряд вопросов, касающихся причин проблематизации одних ситуаций и отсутствия проблематизации или даже “деконструирования”, дедраматизации других:

В 2003 г. в России в дорожно-транспортных происшествиях погибло 35 тысяч 602 человека, ранение получили 243 тысячи 919 человек². Число смертей в результате ДТП превышает число убийств, совершаемых в России. В 2003 г. было зарегистрировано 31 тысяча 630 убийств и покушений на убийство³. В данном случае мы можем использовать официальную статистику как достаточно точные показатели, поскольку убийства – это наименее латентный вид преступности, а смертность и ранения в результате ДТП регистрируются почти полностью. Положение с ДТП и их последствиями устойчиво ухудшается. В 2002 г. в ДТП погибло 33 тысячи 243 человека, а ранено было 215 тысяч 678 человек⁴. В 2001 году смертей было меньше по сравнению с 2002 г. на 7,5%, а раненых – почти на 15%. Почему, несмотря на столь значительный, ежегодно растущий масштаб этой ситуации, дорожно-транспортные происшествия и их последствия не являются признанной социальной проблемой в российском обществе, о них редко говорят и пишут журналисты и практически ничего не говорят политики?

¹ Сконфельд А. К., Мейер Р. Ф., Гриффин Р. Дж. Конструирование социальной проблемы: пресса и инвайронментализм // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 169.

² Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2003 г. <http://www.gibdd.ru/id4/1214.gpml> (31.01.2004)

³ Общие сведения о состоянии преступности (январь – декабрь 2003 г.) <http://www.mvdinform.ru/files/2177.pdf> (23.03.2004)

⁴ Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2002 год <http://www.gibdd.ru/id4/982.gpml> (31.01.2004)

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что эта ситуация естественна и неизбежна. Около половины всех ДТП составляют наезды на пешеходов¹, при этом одними из наиболее очевидных причин последних являются плохое освещение улиц и отсутствие достаточного числа подземных переходов и виадуков. Из 184 тысяч ДТП в 2002 г. 49 тысяч произошло из-за плохого состояния автодорог². Улучшение освещения улиц, устройство переходов, должный уход за проезжей частью – это вполне посильные и решаемые задачи. Некоторые шаги, такие, как распространение среди детей специальных светоотражающих значков, как это было сделано, например, в Мурманске, не требуют значительных финансовых затрат. Вопрос в том, почему должное внимание к обеспечению безопасности на автодорогах не является приоритетом для российских политиков, журналистов и общественности в целом?

Подобные вопросы можно задавать в отношении множества ситуаций. Так, среднее потребление алкоголя в России на душу населения, по экспертным оценкам, составляет около 14,5 литров чистого спирта в год. Всемирная организация здравоохранения признает ситуацию опасной, когда потребление алкоголя превышает 8 литров. Социальные последствия употребления алкоголя в таких количествах огромны и с трудом поддаются учету, тем более, ряд последствий имеют долгосрочный характер. В состоянии алкогольного опьянения совершается 71-78% убийств, 74-80% случаев причинения тяжкого вреда здоровью, 70-78% изнасилований, 72-75% хулиганских действий. Общая доля “пьяной” преступности в 2000 г. составляла 23,1%. В то же время доля лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического и токсического опьянения, составляет 0,2-0,9%, а наркозависимыми – в среднем 0,2%³. Почему пьянство и его последствия не имеют статуса серьезной социальной проблемы для официальных структур и средств массовой коммуникации, в отличие от употребления наркотиков?

¹ В 2002 году в ДТП на дорогах России погибли более 33 тысяч человек http://www.newsru.com/russia/28jan2003/dtp_statistic.html (28.01.2003)

² Там же.

³ Гилинский Я.И. Криминология. СПб., 2002. С. 71.

Еще один пример. По данным исследования, проведенного Советом женщин МГУ в 2002-2003 гг. в семи регионах России, половина женщин хотя бы однажды подвергались физическому насилию со стороны мужа: 41% мужей как минимум раз ударили своих жен, при этом 27% женщин мужья били неоднократно, и 3% муж избивает раз в месяц и чаще. 60% женщин допускают, что муж может их ударить. Более 70% замужних женщин испытывают при общении с мужем такие чувства, как напряжение, тревога, неуверенность в себе, бессилие, зависимость. В то же время, как отмечают авторы исследования, «в широком спектре социальных проблем, стоящих перед российским обществом, проблема насилия в отношении женщин не снискала адекватного внимания»¹.

В шестой главе подробно рассматривается аналогичная ситуация с распространением ВИЧ/СПИДа. ВИЧ не относится к числу приоритетных тем для российской общественности, хотя темпы распространения заболевания в России являются одни из самых высоких в мире, и в настоящее время уже инфицирован 1% населения.

Перечисленные ситуации не имеют статуса серьезных социальных проблем, поскольку не соответствуют принципам отбора проблем на публичных аренах, в частности в сфере массовой коммуникации. Они не обладают драматичностью и новизной, поскольку имеют место ежедневно. Например, как отмечает Л. Мишина, «тема домашнего насилия тем сложна для освещения, что она обыденна. Но если общество воспринимает это как обыденное, то и журналисты не воспринимают это как новость»². Эти ситуации, включая ДТП, не являются «событийными», порождающими так необходимые журналистам новые информационные поводы.

Иными словами, эти явления не соответствуют критериям отбора новостей. Согласно Стюарту Холлу³, новости – это (а) интересные, необычные и/или значимые (б) события, (в) происшедшие за последние 24 часа (именно поэтому журналисты

¹ Домашнее насилие в отношении женщин: масштабы, характер, представления общества. М., 2003. С. 49-50.

² Там же. С. 42.

³ Hall, S. 'A World at One with Itself', in S.Cohen and J.Young (eds.), The Manufacture of News. Beverly Hills, 1981, pp. 147-156.

предпочитают использовать слово “накануне”, а не “вчера”, хотя в сущности эти слова означают одно и то же – “в предыдущий день”). Ни ДТП, ни домашнее насилие, ни ВИЧ/СПИД, ни, тем более, социальные последствия употребления алкоголя не соответствуют этим критериям. Таким критериям не соответствуют также коррупция, ежедневное загрязнение окружающей среды, жестокое обращение с детьми, отсутствие необходимых условий для интеграции людей с ограниченными физическими возможностями в общество, крайне высокий уровень насилия в отношениях между военнослужащими в российской армии, немыслимо тяжелые условия содержания заключенных в российских СИЗО и колониях, распространение туберкулеза, бездомность и беспризорность и многое-многое другое.

Домашнее насилие, употребление алкоголя, смертность в результате ДТП, распространение ВИЧ/СПИДа не вызывают беспокойства и вследствие действия ряда культурных факторов, таких, как традиционно подчиненное положение женщины, терпимость к алкоголю, исторически репрессивное отношение к девиантам, сложившееся в XX в., наконец, невысокая значимость человеческой жизни. Кроме того, конструирование социальных проблем в данных случаях никоим образом не способствует реализации интересов российских элит.

Конструирование ряда социальных проблем “блокируется” правящими политическими группировками, контролирующими основные каналы массовой коммуникации, не говоря уже о законодательной и судебной сферах. Такими проблемами, блокируемыми или “дедраматизируемыми” элитами, являются коррупция, ввоз ядерных отходов, война на Северном Кавказе (в период после выборов 2000 г.), положение в российской армии в целом.

Так, ситуация в российской армии, характеризующаяся отсутствием порядка, коррумпированностью, хищением оружия и боеприпасов, повсеместным нарушением прав военнослужащих, широким распространением девиантности, дедраматизируется некоторыми средствами массовой коммуникации следующим образом. Сообщения о таком крайне тревожном, симптоматичном явлении, как регулярные побеги военнослужащих из воинских

частей с оружием в руках, которые часто сопровождаются убийствами и самоубийствами, средства массовой коммуникации, подконтрольные правящей политической элите, сопровождают репортажами об “успешном” реформировании российской армии, ее переводе на контрактную основу, учениях, испытаниях нового оружия и пр.

Например, 5 января 2003 г. в программе “Время” на Первом канале был показан сюжет об оставлении воинской части железнодорожных войск в поселке Мга группой военнослужащих в количестве 24 человек, обратившихся в Комитет солдатских матерей Санкт-Петербурга и заявивших об издевательствах и побоях со стороны офицеров, в результате которых два солдата попали в больницу. Следующим сюжетом данной программы был сюжет о подготовке профессиональных военных для службы по контракту в Рязанском институте ВДВ. Очевидно, репортаж из Рязани был показан для того, чтобы нейтрализовать негативный, критический по отношению к российской армии характер предыдущего сообщения.

Дедрамматизация данной ситуации еще более очевидна при анализе сообщений на Интернет-сайте Первого канала. Рассмотрим сообщения 5 января 2003 г., касающиеся оставления воинской части группой солдат. В 10.41 на сайте появляется первое сообщение, озаглавленное «Массовый побег солдат-срочников в Ленинградской области»:

«Данные о происшедшем в воинской части 01375 пока неточные. Одни сообщают о тридцати сбежавших, другие о 24-х. Солдаты, сумевшие добраться до петербургского комитета солдатских матерей, говорят, что издевательства офицеров терпели четверо суток.

Все началось в новогоднюю ночь, когда один из командиров ворвался в помещение третьей роты и начал стрелять из газового пистолета. Потом солдат выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнения «упал – отжался». Затем допросы с пристрастием.

Избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать. Сейчас они в местной больнице. С журналистами общаться отказываются, боятся появляться перед камерами, закрываясь одеялами и гимнастёрками.

Дежурный врач говорит, что уже привык принимать пострадавших из ближайших воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами.

Информация о случившемся пришла из комитета солдатских матерей. В него успели обратиться лишь несколько бежавших. Остальных перехватили – кого на станции Мга, кого – уже в Питере. Солдатские матери уже заявили, что будут добиваться распределения этих военнослужащих по другим частям»¹.

Характер этого первого сообщения драматичен и свидетельствует о негативном, осуждающем отношении к офицерам (виновники происшествия) и сочувственном к солдатам (жертвы). Солдаты “сумели добраться” до комитета солдатских матерей, но не все – остальных “перехватили”; “издевательства офицеров терпели четверо суток”; один из командиров “ворвался... и начал стрелять”; солдат “выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнение”; их “избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать”; наконец, дежурный врач говорит, что “уже привык принимать пострадавших из воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами”.

Однако уже в 12.32 на сайте появляется новое сообщение под названием «Военная прокуратура расследует причины побега солдат в Ленинградской области», тон которого уже иной:

«Заведено уголовное дело по статье «превышение должностных полномочий». Одну из частей федеральной службы железнодорожных войск накануне самовольно покинули 30 военнослужащих. Как объясняют сами беглецы, они не выдержали издевательств со стороны офицеров.

В свою очередь, командование железнодорожных войск заявляет, что перед побегом военнослужащие грубо нарушили дисциплину и оставили часть, испугавшись ответственности.

Александр Бычков, начальник Управления по воспитательной работе Федеральной службы железнодорожных войск: «В ночь с 31 декабря на 1 января группа военнослужащих пыталась празднично провести время и организовать употребление спиртных напитков. Эта попытка была пресечена офицерами, что вызвало недовольство солдат-срочников, и они допустили хулиганские действия в отношении начальника штаба части.

¹ http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50051 (06.03.2004)

Боясь ответственности и спекулируя на трудностях военной службы, 24 военнослужащих ушли в самовольную отлучку с целью обратиться в организацию «Солдатские матери» Санкт-Петербурга».

Добиться каких-либо комментариев от офицеров этой части пока невозможно. При выключенной камере они говорят, что ситуация не столь однозначна, как представляют ее бежавшие солдаты. И намекают – большинство рядовых последнего призыва люди неуравновешенные, а многие ранее судимы»¹.

В данном сообщении используются выражения “самовольно покинули” и “беглецы”; подчеркивается следующее обстоятельство: то, что солдаты не выдержали издевательств со стороны офицеров, – это их собственное объяснение ситуации (“как объясняют сами беглецы”); в сообщении доминируют объяснения происшедшего, которые дают командование железнодорожных войск и офицеры части; обращается внимание на то, что “при выключенной камере” – это выражение создает эффект достоверности – офицеры утверждают, что солдаты искажают суть происшедшего. Наконец, те же офицеры используют традиционный прием – “намекают”, что происходящие в армии негативно оцениваемые события являются следствием личных особенностей призываемых в нее людей (“неуравновешенные, а многие ранее судимы”).

Через три с половиной часа, в 15.56 на сайте появляется сообщение «Причиной побега солдат в Ленинградской области стал конфликт с офицерами части», представляющее точку зрения начальника штаба железнодорожных войск РФ:

«Вячеслав Лапшин, начальник штаба железнодорожных войск РФ: «По данному факту командующими войсками принято решение направить группу офицеров федеральной службы во главе с заместителем командующего по воспитательной работе генерал-лейтенантом Буром.

В данное время они находятся на месте и совместно с органами военной прокуратуры Ленинградского военного округа разбираются в причинах.

Предварительно, главная причина случившегося 31 декабря – нарушение воинской дисциплины, попытка употребления спиртных напитков со стороны лиц призывного состава, то есть рядовых. Данную попытку пресек начальник штаба данной воинской части.

¹ http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50061 (06.03.2004)

Какое-то недовольство со стороны военнослужащих было в этом отношении.

Поэтому 4 января 24 человека самовольно покинули часть. Более подробно, еще раз хочу напомнить, в данном случае разберется наша комиссия, которая туда вылетела, и органы военной прокуратуры»¹.

Между тем, в сообщениях о ситуации с военнослужащими, оставившими часть, совершенно не представлена позиция организации «Солдатские матери», за исключением упоминания в первом сообщении, что ее представители будут требовать перевода солдат в другие части.

Наконец, в 19.46 этого же дня на сайте Первого канала появляется сообщение «В российской армии готовятся к переходу на контрактную основу»:

«К службе в контрактной армии курсант Юрий Хромой готовит себя с первого курса. Совсем скоро, говорит, в войсках будут профессионалы, с них и спрос будет больше. Будущий офицер отлично водит боевую машину десанта и, имея при себе лишь плащ-палатку, может заночевать в лесу в любой мороз.

На полигоне проходят занятия по тактике. Курсанты отрабатывают захват укрепленного объекта. Работают быстро и небольшими группами – двойками и тройками. Это и есть так называемая “адресная спецоперация” – основа современного боя. Быстрая атака, уничтожение противника и возвращение домой.

Полковник Васин, как и большинство преподавателей института, служил в так называемых “горячих точках”. Говорит, что солдат-срочник, конечно, хороший вояка, но лучше все же работать с профессионалами. Военный должен полностью отдавать всего себя работе.

Сергей Васин, старший преподаватель кафедры тактики: «Для этого нужно создать элементарные условия жизни, быта, деятельности военнослужащего, чтобы он не думал о семье и других проблемах, а посвятил себя, всю свою жизнь непосредственно служению армии и родине».

Впрочем, о квартирах и зарплатах думают, в основном, военные постарше – нужно о семье заботиться. Молодых десантников пока волнует только учеба. Военная дипломатия и рукопашный бой. Будущие офицеры-контрактники могут уложить сразу несколько

¹ http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50076 (06.03.2004)

противников, но предпочитают без повода не показывать силу. Создание контрактной армии, конечно, сложное дело, считают в институте. Но десантники привыкли быть там, где труднее»¹.

Это сообщение совершенно не соответствует характеру новости – в данном случае нет события, то есть информационного повода, ничего не произошло, авторы сообщения даже не указали о каком подразделении идет речь, хотя в программе “Время” было сказано, что это Рязанский институт ВДВ. Тем не менее, оно появляется на сайте, и, более того, его включают, несмотря на всю интенсивность конкуренции между новостями, в главную информационную программу канала (“Время”) после сообщения об оставлении части 24 солдатами.

Стоит обратить внимание на фотографии, сопровождающие сообщения Интернет-сайта Первого канала. Если первое сообщение о массовом оставлении части военнослужащими включает в себя фотографию строя солдат с оружием, в заснеженных шинелях и касках (подпись «Солдаты-срочники»), то следующее сообщение, представляющее точку зрения командования железнодорожных войск и офицеров части, сопровождается фотографией солдата с подписью «Военнослужащий, оставивший воинскую часть». На ней солдат крупным планом со спины (голова и плечи), отвечающий на вопросы журналистов (в кадре микрофон), при этом шапка сильно сдвинута набок – на одно ухо, что производит впечатление расхлябанности и недисциплинированности. Сообщение с заявлением начальника штаба включает его фотографию с подписью «Вячеслав Лапшин, начальник штаба железнодорожных войск РФ». В кадре – В. Лапшин с серьезным, сосредоточенным выражением лица, очевидно, в своем кабинете, сидя за столом, перед ним микрофон с символикой Первого канала, сзади в углу воинское знамя. Наконец, последнее сообщение сопровождается фотографией боевых машин на марше.

Таким образом, событие, свидетельствующее о том, что происходит в частях российской армии, было дедрамотизировано с помощью таких стратегий, как утверждения, что происходящее имеет другие причины, не те, о которых говорит конкурирующая

¹ http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50091 (06.03.2004)

группа (солдаты и правозащитники), блокирование информации со стороны конкурирующей группы и использование сообщений, представляющих состояние армии в ином свете.

Другие стратегии дедрамматизации – утверждение, что ситуация естественна и неизбежна, а также заявление о том, что другие вопросы являются более важными, используются Михаилом Леонтьевым в его комментарии на радиостанции “Эхо Москвы” по поводу гибели 30 августа 2003 г. подводной лодки К-159 с девятью моряками на борту, затонувшей при буксировке на утилизацию:

«Как это ни странно говорить, но это совершенно банальный случай, абсолютно банальный, можно сказать, рабочий, рутинный случай. Непонятно только, почему действительно там было столько народу в этой лодке. Но вообще, в действительности буксировка в этих широтах и понтонах, и если это в плавучем доке делается, это всегда страшный риск, всегда. Я только недавно разговаривал с корабельщиками, которые говорили, что они всегда, когда подписывают документы по буксировке, они всегда думают, сядут они или не сядут. Потому что это всегда риск, и, в общем, ничего в этом удивительного нет, особенно в условиях шторма и так далее. Понятно, что виноватые там будут, и их искать не надо, они в штатном расписании обозначены, виноватые, к сожалению, и будут отвечать. Что хотелось бы в связи с этим сказать, вот если сейчас кто-нибудь начнет в связи с этим вспоминать «Курск» и вякать, это абсолютный повод получить по хारे, абсолютный повод, потому что вообще политическое мародерство у нас стало страшно модным, но за это надо бить, уже давно пора. Что очень жаль, что люди в действительности гибнут в прямом смысле за металл. То есть за черный вторичный металл, а не за Родину и за какие-то великие задачи. Вот наш командующий господин Куроедов, который, кстати, говорят, что он контуженный «Курском», всей этой ситуацией, он недавно объявил, что Россия больше не будет строить судов океанского класса, и вообще теперь у нас главная задача – охрана территориальных вод, каботажное плавание и так далее. Великая страна, которая не ставит перед собой амбициозных задач, я сейчас про геополитику не говорю, про какие-то там угрозы и опасности, а просто, если великая страна не ставит перед собой амбициозных задач, она не может решить никаких задач. Зря, жалко гибнуть зря»¹.

В отличие от ситуации в российской армии, ДТП и их последствий, домашнего насилия, употребления алкоголя,

¹ Леонтьев М. Гибель подлодки К-159
<http://www.echo.msk.ru/comments/archive/1045.html> (20.09.2003)

распространения ВИЧ/СПИДа, успешно выигрывают конкуренцию с другими проблемами за место в российском информационном пространстве такие социальные проблемы, как терроризм, преступность, последствия стихийных бедствий и крупных техногенных катастроф. Эти явления драматичны и “событийны”, а подчас и сенсационны, они неожиданны и всегда обладают новизной. Некоторые из них, в частности, терроризм, могут быть выгодны определенным частям правящей политической элиты, оправдывая применение жестких, силовых мер по отношению к определенным группам вплоть до военных действий.

В целом, можно утверждать, что концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска вполне применима к анализу социальных проблем в российском обществе. В России, как и в любом современном обществе, конкуренцию выигрывают драматичные социальные проблемы, постоянно порождающие информационные поводы и сенсации, соответствующие культурным предпочтениям и интересам правящих элит. Единственная поправка, очевидно, связана с тем, что политический фактор – соответствие социальных проблем интересам элит – имеет гораздо большее значение в российском обществе в силу подконтрольности правящим группировкам большей части средств массовой коммуникации, законодательной и судебной ветвей власти. Краткосрочные и долгосрочные последствия отбора социальных проблем в соответствии с указанными критериями весьма значительны. Вполне очевидно, что одним из таких последствий является расходование ресурсов общества на решение не самых значимых социальных вопросов, при том, что используемые “способы решения” в свою очередь могут порождать серьезные проблемы, как в случае с “жесткой борьбой” с преступностью. В следующей главе мы рассмотрим особенности представления ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации.

ГЛАВА 5. СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ

Одной из социальных проблем, с постоянным успехом выигрывающих конкуренцию с другими проблемами в сфере массовой коммуникации, является преступность. Сообщения о преступлениях – неизменный пункт “повестки дня”, особенно той, что устанавливается местными телевидением и газетами. Откройте любой номер местной ежедневной или еженедельной газеты, и вы обязательно встретите описания убийств, разбойных нападений и ограблений. Точно так же, если вы включите телевизор в вечернее время и начнете переключать каналы, вы непременно найдете остросюжетные художественные фильмы и телесериалы о преступности, местные и общенациональные новости на криминальную тему, документальные передачи о преступлениях и их расследовании и т. д.

Чем объясняется такое обилие информации о преступности? Почему она является неотъемлемым элементом “медиа ландшафта”? Очевидно, это связано с тем, что преступление – это всегда событие, причем событие драматичное, оно всегда обладает элементами неожиданности и новизны, его представление средствами массовой коммуникации держит в напряжении зрителей и читателей, вызывая их живую реакцию. Кроме того, такие события происходят регулярно: в крупном городе каждые сутки регистрируется несколько десятков, а иногда и сотен преступлений. Иными словами, в распоряжении журналистов находится непрерывный поток соответствующих драматичных информационных поводов.

Интерес к преступности не является порождением современной эпохи. Г. Шнайдер отмечает следующее: «На протяжении многих столетий криминальные истории привлекают особое внимание людей. В средние века бродячие актеры, переезжая с места на место, разыгрывали сцены или исполняли баллады, в которых большей частью речь шла об убийствах, ограблениях и т. д. Эти истории были похожи одна на другую, что, однако, не снижало их

занимательности и интереса к ним зрителей. Воспринимая криминальные истории, они получали как бы лишнее доказательство тому, что сами лучше преступников, поскольку смогли избежать соблазна преступления»¹.

Очевидно, что важным вопросом для социологов, криминологов и, в конечном счете, для общественности в целом является вопрос о том, *насколько точно средства массовой коммуникации представляют ситуацию с преступностью? Не является ли картина преступности, рисуемая телевидением и газетами, чрезмерно искаженной? А если это так, то что именно искажено?* Другой важный вопрос – *каким образом представление преступности средствами массовой коммуникации влияет на зрителей и читателей?*

5.1. Представление ситуации с преступностью в местных телевизионных новостях

Некоторые криминологи указывают на то, что основным «поставщиком» новостей о преступности являются местные средства массовой коммуникации – местные телевидение и газеты². Рассмотрим особенности представления преступности средствами массовой коммуникации на примере программы «Перехват», выходящей ежедневно, за исключением воскресенья, на телеканале «Эфир».

«Эфир» – казанская телекомпания, вещающая также на ряд городов Республики Татарстан. По данным исследования, проведенного кафедрой социологии Казанского государственного университета в феврале – марте 2004 г. под руководством М. Ю. Ефловой, по популярности «Эфир» в Казани уступает лишь Первому каналу. Если передачи Первого канала ежедневно смотрят 76% опрошенных, то передачи «Эфира» каждый день смотрят 65%, а несколько раз в неделю еще 22%.

¹ Шнайдер Г. Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 118-119.

² Roshier, B. 'The Selection of Crime News by the Press', in Cohen, S., and Young, J. (eds.), The Manufacture of News. Beverly Hills, 1981, p. 44.

“Перехват” является одной из наиболее популярных программ телекомпании “Эфир” (на втором месте по популярности после ежедневной информационной программы “Город”). Вариант ответа «смотрю и нравится» в отношении “Перехвата” выбрали 49% опрошенных в ходе упомянутого исследования, еще 2% выбрали вариант «смотрю и не нравится».

Впервые программа “Перехват” вышла в эфир 12 мая 1999 г. В настоящее время она выходит дважды в сутки, причем оба раза – в “прайм-тайм”: в 19.40 и 22.35. Показ программы в 22.35 является повтором выпуска в 19.40. “Перехват” сообщает о таких происшествиях в Казани и Республике Татарстан, как преступления, пожары, самоубийства и несчастные случаи, а также дорожно-транспортные происшествия. Кроме того, нередко демонстрируются фотографии пропавших и разыскиваемых людей и телефоны, по которым предлагается позвонить при наличии какой-либо информации. Как правило, каждый выпуск делится на три блока – “преступления”, “ДТП” и “пожары”. Средняя продолжительность программы (без учета рекламы в начале и конце каждого выпуска) – девять с половиной минут.

Интересно, как авторы программы представляют свой “продукт” на Интернет-сайте телекомпании: «Программа “Перехват” – для зрителей с крепкими нервами... Прямой эфир позволяет показывать самые “горячие” материалы, вести прямые репортажи с места происшествий. *Живые включения корреспондентов придают программе достоверность* (курсив мой – И. Я.). Кроме того, “Перехват” рассказывает о работе милиции, прокуратуры, о раскрытых преступлениях и расследованиях, зашедших в тупик»¹.

В течение четырех недель с 24 октября по 20 ноября 2003 г. программа “Перехват” сообщила о 57 преступлениях, совершенных в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске и других населенных пунктах Республики Татарстан. Новости о преступности заняли около 40% эфирного времени в рамках программы. Средняя продолжительность новостей о преступности – 3 минуты 35 секунд (средняя продолжительность программы в этот период составила 9 мин 25 секунд). Между тем, по данным МВД Республики Татарстан,

¹ <http://www.efirtv.ru> (18.02.2004)

в этот же период (24 октября – 20 ноября 2003 г.) в республике было зарегистрировано 3716 преступлений. В Казани ежемесячно регистрируется в среднем около полутора тысяч преступлений¹. Очевидно, таким образом, крайне высокая степень избирательности при представлении программой “Перехват” преступности в Республике Татарстан – программа сообщила о 1,5% преступлений, зарегистрированных в течение четырех недель. Такого рода избирательность совершенно неизбежна, поскольку в силу целого ряда ограничений невозможно сообщить о всех регистрируемых преступлениях. Вопрос, который нас интересует, является ли совокупность преступлений, о которых сообщила программа, репрезентативной, то есть дает ли она адекватное представление о преступности фактической? Между тем, полученные данные свидетельствуют о целом ряде смещений, характерных для структуры новостей о преступности в программе “Перехват”.

Очевидно, что статистика преступности также ненадежна, поскольку правоохранительные органы регистрируют, как правило, меньшую часть всех совершенных преступлений. Существует так называемая “темная цифра” – латентная, скрытая преступность, не учитываемая официальной статистикой. Однако латентность тех или иных видов преступности различна. Высокая латентность краж и низкая латентность убийств означают, что смещения в структуре телевизионных новостей на криминальную тему усиливают смещения, свойственные структуре зарегистрированной преступности, такие, как особенно неполный учет краж, экономических преступлений, изнасилований и, наоборот, непропорциональное представление убийств, разбойных нападений и грабежей. Иными словами, в структуре фактической преступности доля убийств меньше доли убийств в структуре зарегистрированной преступности, то есть меньше 1%, а доля краж, напротив, больше.

¹ В 2003 г. в Казани зарегистрировано 18288 преступлений. См.: Казань в 2003 году. Краткий информационно-справочный обзор экономики и социальной сферы. Казань, 2004. С. 20. В Республике Татарстан в 2003 г. зарегистрировано 58866 преступлений. <http://www.mvdr.ru/index.asp?id=251> (26.02.2004)

Доля преступлений определенного типа в статистике МВД и в совокупности сообщений в программе “Перехват” с 24 октября по 20 ноября 2003 г.

1	2	3	4	5	6
Убийства	37	0,99%	8	14%	16,8%
Разбойные нападения	41	1,1%	3	5,3%	7,2%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	93	2,5%	3	5,3%	3,8%
Грабежи	290	7,8%	9	15,8%	17,1%
Кражи	1616	43,5%	10	17,5%	17,4%
Всего зарегистрированных преступлений всех типов/сообщений о преступлениях	3716	100%	57	100%	100%
Из них раскрытых преступлений/сообщений о раскрытых преступлениях	2302	61,9%	47	82,5%	85,7%

Примечание: 1 – тип преступлений; 2 – число преступлений данного типа, зарегистрированных МВД РТ; 3 – доля преступлений данного типа в общем числе зарегистрированных преступлений; 4 – число сообщений о преступлениях данного типа в программе “Перехват”; 5 – доля сообщений о преступлениях данного типа в общем числе сообщений о преступлениях в программе “Перехват”; 6 – доля эфирного времени, отведенного для сообщений о преступлениях данного типа, относительно всего времени, посвященного преступности в рамках программы “Перехват”.

Если в статистике МВД РТ преступления, связанные с насилием, такие, как убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, грабежи и разбойные нападения, в изучаемый период составили 12,4% (461 преступление из 3716), то в программе “Перехват” таким преступлениям было посвящено 40,4% сообщений (23 сообщения из 57). Если же судить по доле эфирного времени, отведенного для сообщений о таких преступлениях, то она составила 39,1% всего времени, посвященного преступности в течение изучаемого периода.

Особенно непропорционально их доле в статистике преступности представлены убийства. Если в статистике МВД РТ в данный период убийства составили 1% (37 убийств), то в “Перехвате” этому виду преступности было посвящено 8 из 57 сообщений о преступлениях, что составляет 14%. Если судить по доле эфирного времени, то сообщения об убийствах заняли 16,8% всего времени, посвященного преступности в рамках программы “Перехват” в течение четырех недель.

В ходе другого исследования региональных средств массовой коммуникации обнаружилось, что на таком республиканском телевизионном канале, как ВГТРК “Татарстан”, по данным контент-анализа новостей, «убийства тематизируются в 35 раз чаще, чем они реально представлены в структуре преступности»¹.

Доля разбойных нападений в статистике МВД РТ – 1,1% (41 нападение), а в совокупности сообщений в программе “Перехват” – 5,3% от числа сообщений и 7,2% всего эфирного времени, отведенного под новости о преступности. Доля грабежей в статистике МВД РТ – 7,8% (290 случаев), а в совокупности сообщений в программе “Перехват” – 15,8% от числа сообщений и 17,1% всего эфирного времени новостей о преступности.

Характерно высказывание редактора и ведущей программы “Перехват” о критериях отбора материала: *«У нас работают по ночам – не секрет, что именно ночью вся нечисть вылезает, убивает, чаще случаются ДТП, пожары. Утром мы отбираем самое интересное. По картинке смотрим, где больше крови. Это цинично, но так приходится делать»*².

Наибольшее число сообщений – 12 (21%) – касалось случаев обнаружения наркотических веществ. Доля эфирного времени, отведенного под эти сообщения, составила 17,1% всего времени новостей о преступности.

В то же время, если кражи составляют в статистике преступности 43,5% (1616 случаев), то в совокупности сообщений в

¹ Комлев Ю. Ю., Толчинский Л. Г., Демидов В. Н. Средства массовой информации в коммуникативной деятельности органов внутренних дел: проблемы теории и практики. М., 2001. С. 28.

² Лаврова О. Живых переносу хуже, чем трупы // Восточный экспресс. 2003. 25-31 августа.

“Перехвате” их доля – 17,5% от числа сообщений и 17,4% эфирного времени, отведенного новостям о преступности. Еще более несоразмерно представлены в программе “Перехват” преступления в сфере экономической деятельности и мошенничество. В течение всего изучаемого периода программа “Перехват” лишь однажды сообщила о преступлении в сфере экономической деятельности (изготовление поддельных денег) и один раз о мошенничестве. В течение четырех недель в программе не было ни одного сообщения о коррупционных действиях.

Смещения, возникающие при представлении ситуации с преступностью программой “Перехват”, не являются чем-то случайным. Как отмечает Боб Рошье, факторами, определяющими вероятность появления информации о том или ином преступлении в новостях о преступности, являются (1) *серьезность правонарушения*; (2) *“причудливые” обстоятельства – смешные, ироничные, необычные*; (3) *сентиментальные или драматические обстоятельства*; (4) *причастность известного лица или лица, обладающего высоким статусом* – в любом качестве (хотя особенно часто – в качестве правонарушителя или жертвы)¹.

Необходимо отметить, что существование перекосов в сторону насильственных преступлений осознается сотрудниками программы “Перехват”, о чем свидетельствует включение в один из субботних выпусков программы (15 ноября 2003 г.) пятиминутного материала о проблеме квартирных краж, в котором рассказывалось, как действуют квартирные воры, и как обезопасить свои жилища. Еще один развернутый аналитический материал (в субботнем выпуске 25 октября 2003 г.) был посвящен детской и подростковой преступности. Кроме того, в большинстве выпусков программы демонстрируется таблица данных УВД г. Казани о числе преступлений определенных типов, зарегистрированных в городе за прошедшие сутки. Важный вопрос: в какой степени зрители программы обращают внимание на эти данные, и замечают ли они расхождения между тем, с какой частотой регистрируются убийства, разбойные нападения, грабежи и кражи, и тем, насколько

¹ Roshier, B. Op. cit., p. 46.

часто преступления этих типов освещаются в программе “Перехват”?

В подавляющем большинстве случаев насильственных преступлений, о которых сообщила программа “Перехват”, жертва и преступник не были знакомы между собой. Преступник и жертва знали друг друга до совершения преступления только в трех из всех представленных случаев (два убийства и одно причинение тяжкого вреда здоровью). Как правило, в программе “Перехват” используются выражения «напали двое неизвестных», «неизвестные ограбили» и т. п. Кроме того, если задержанные ранее имели судимости, это обстоятельство обычно подчеркивается корреспондентами и ведущими («ранее неоднократно судимый», «трижды судимый» и пр.). Между тем, по данным Валерия Абрамкина, возглавляющего Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, до 80% преступников в России – это преступники ситуативные. «Профессиональных преступников, людей криминальных мало. Например, в большей части дел по убийству убийца и его жертва раньше хорошо знали друг друга, очень часто это родственники. Убийство чаще всего совершается не на улице, а в доме. Преступник либо сам приходит сдаваться, либо его ловят на следующий день»¹.

Еще одним заметным смещением является чрезмерный акцент программы “Перехват” на раскрытых преступлениях. Если раскрываемость преступлений в указанный период времени, по данным МВД РФ, составила 61,2%, то в программе “Перехват” доля сообщений о раскрытых преступлениях – 82,5% от числа всех сообщений о преступлениях и 85,7% эфирного времени, отведенного новостям о преступности. Если проанализировать содержание сообщений о преступлениях, то можно заметить, что в них постоянно подчеркиваются оперативность и эффективность действий сотрудников милиции. Наиболее часто встречающиеся фразы: «уже через несколько минут злоумышленники (грабители, взломщики и пр.) были задержаны», «дежурный экипаж приехал на место происшествия уже через несколько минут» или «ровно через

¹ Абрамкин В. Гуманистический проект национальной тюрьмы // Досье на цензуру. 1999. № 7-8. С. 72.

минуту после того, как на пульт вневедомственной охраны поступило сообщение, на место происшествия подъехал ближайший экипаж». В двух случаях в течение месяца (22 октября и 5 ноября 2003 г.) имела место совершенно очевидная «симуляция»: в репортажах, показанных в программе «Перехват», сотрудники вневедомственной охраны высаживаются из служебных машин с автоматами в руках и бегут к месту происшествия, причем это происходит в светлое время суток, хотя до этого сообщалось, что данные преступления были совершены ночью. Очевидно, что «Перехват», как и другие телевизионные программы о преступности, создает «полезный для правоохранительных органов PR-контекст, в рамках которого последние изображаются в однозначно позитивном свете»¹.

Заметно, что авторы и корреспонденты программы придерживаются достаточно жестких, репрессивных взглядов в отношении людей, совершивших преступления. Об этом свидетельствует, в частности, материал аналитического характера о преступности детей и подростков (25 октября 2003 г.), в котором корреспондент сожалеет о том, что в спецшколу «с изоляцией» для подростков, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, «попадают не все подростки, которые нуждаются в исправлении». При этом такая школа рассматривается как единственный вариант решения проблемы. О репрессивности установок авторов программы свидетельствуют и используемые ими расхожие выражения. Так, употребление слова «нечисть» в приведенном выше отрывке из интервью редактора и ведущей программы, очевидно, не является случайностью. Кроме того, использование практически в каждом выпуске программы слов «злоумышленники», «взломщики», «грабители» и т. д. – это явное нарушение принципа презумпции невиновности. Вину задержанных может установить только суд, и говорить в данном случае можно только о «подозреваемых» и «обвиняемых».

Одна из ведущих, завершая программу, использует один и тот же прием, – она мягко улыбается и произносит: «я желаю вам всего

¹ Schlesinger, P., and Tumber, H. 'Fighting the War Against Crime: Television, Police and Audience', *British Journal of Criminology*, Vol. 33 (1), 1993, p. 31.

хорошего, берегите себя и близких». Ее собственное объяснение необходимости подобного завершения таково: «*Очень важно в программе, в которой были слезы и кровь, дать надежду на позитив: берегите себя, будьте осторожны, и с вами ничего не случится*»¹. Очевидно, что такие жесты и слова вряд ли успокаивают зрителей, точно так же, как в Британии с насмешкой и отстраненностью воспринимаются слова ведущего программы “*Crimewatch*” телекомпании Би-би-си, заверяющего зрителей, что преступления, о которых сообщалось, не являются обычными, и убеждающего их спать спокойно, без ночных кошмаров.

Итак, образ преступности, представляемый программой “Перехват”, значительно отличается от образа, рисуемого статистикой МВД РФ, и в еще большей степени – от преступности фактической. Преступность в программе “Перехват” – это преступления, как правило, связанные с насилием (убийства, грабежи, разбойные нападения) или наркотиками, совершаемые людьми, часто имеющими ряд судимостей, в отношении случайных, незнакомых людей в вечернее и ночное время на улицах и в других общественных местах.

Мы понимаем, что “Перехват” изначально не претендует на точное отражение структуры преступности. Одна из основных целей программы, о которой заявляют ее авторы, заключается в следующем: «Мы надеемся, что зритель, увидев трагедию, станет впредь более осторожным на дорогах, а водитель не сядет за руль пьяным. Старушка не доверит свои деньги мошенникам, и никто не уснет в постели с сигаретой»². Акцент на убийствах, разбойных нападениях, грабежах за счет сообщений о кражах, мошенничестве и других преступлениях может обосновываться тем, что последствия первых для жертв и для общества в целом являются гораздо более серьезными. Однако побочный, непреднамеренный эффект такого акцента заключается в том, что у населения формируется искаженное представление о преступности и вследствие этого возникает необоснованный страх стать жертвой

¹ Лаврова О. Живых переносу хуже, чем трупы // Восточный экспресс. 2003. 25-31 августа.

² www.efirtv.ru (18.02.2004)

преступления. Такой страх помимо психологических последствий может способствовать поддержке людьми попыток ужесточить законодательство, увеличить меру ответственности за правонарушения вплоть до возврата к смертной казни. Подобные действия, как мы знаем из теории “наклеивания ярлыков”, могут привести лишь к росту преступности.

О высокой вероятности возникновения таких попыток под влиянием средств массовой коммуникации свидетельствуют данные исследований американских, британских и ирландских криминологов и социологов.

5.2. Представление ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации в западных обществах: обзор результатов криминологических и социологических исследований

Первым, кто показал, что представление ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации значительно отличается от представления о преступности, которое дают криминальная статистика и данные криминологических исследований, был **М. Визехарт**¹.

Другим пионерским исследованием в этой области была работа **Ф. Джеймса Дэвиса**², опубликованная в 1952 г. Дэвис сопоставил три тенденции: (1) изменение зарегистрированного уровня преступности в американском штате Колорадо в течение двух с половиной лет – с января 1948 г. по июнь 1950 г. (данные ФБР); (2) изменение площади новостей о преступности в газетах Колорадо в течение этого же периода (данные контент-анализа); (3) оценки изменения уровня преступности в этот период жителей штата Колорадо, полученные в ходе обследования общественного

¹ Wisehart M. K. ‘Newspapers and Criminal Justice’, in Roscoe Pund, Felix Frankfurter (eds), *Criminal Justice in Cleveland* (1922). Reprint: Patterson Smith, Montclair, N.J., 1968, pp. 515-555.

² Davis, F. J. ‘Crime News in Colorado Newspapers’, *American Journal of Sociology*, Vol.57, 1952, pp. 325-330. Перевод на русский язык: Дэвис Ф. Дж. Криминальные новости в газетах Колорадо // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 73-84.

мнения. В ходе контент-анализа измерялась площадь “криминальных новостей” в каждом шестом номере каждой из четырех газет штата независимо от того, на какой странице они были размещены. Площадь заголовков во всю ширину страницы, названий статей и фотографий измерялась вместе с площадью текста.

В результате измерений выяснилось, что *между изменением площади газетных новостей о преступлениях с течением времени и изменениями зарегистрированного уровня преступности в штате Колорадо нет никакой связи*. Этот же вывод был сделан в отношении площади газетных новостей о конкретных видах преступности, в частности, о кражах и насильственных преступлениях. В течение двух с половиной лет зарегистрированные уровни преступности – как преступности в целом, так и краж и насильственных преступлений – повышались, при этом темпы роста были различными. В то же время площадь новостей о преступности в газетах штата в одни периоды в течение этих двух с половиной лет уменьшалась, в другие увеличивалась вне всякой связи с тенденциями зарегистрированной преступности.

Сравнивая восприятие изменения ситуации с преступностью жителями штата Колорадо с тенденциями изменения зарегистрированной преступности и изменения площади газетных новостей о преступности, Дэвис обнаружил, что оценки изменения ситуации с насильственными преступлениями, сделанные жителями штата Колорадо, соответствуют тенденциям изменения площади криминальных новостей в газетах и, напротив, расходятся с тенденциями изменения зарегистрированной преступности. Таким образом, *в случае с насильственными преступлениями подтвердилась гипотеза о том, что общественное мнение о тенденциях преступности в Колорадо отражает изменения в площади криминальных новостей в газетах штата, а не зарегистрированную динамику уровня преступности*. Между тем, данные о кражах и изнасилованиях не подтвердили эту гипотезу, что может объясняться латентностью этих видов преступности, а также тем, что сообщения о насильственных преступлениях в силу

своей драматичности в большей степени обращают на себя внимание читателей.

Выводы Дэвиса отчасти совпадают с выводами, сделанными в ходе исследования британских газет и общественности **Бобом Рошье**¹. Рошье сопоставляет в своей работе “Отбор криминальных новостей прессой”, опубликованной в 1973 г., (1) объем и структуру сообщений о преступности в британской прессе, (2) официальную криминальную статистику и (3) показатели восприятия ситуации с преступностью британской общественностью. В ходе исследования был проведен контент-анализ сообщений о преступлениях в трех британских общенациональных ежедневных газетах – “*Daily Mirror*”, “*Daily Express*”, “*Daily Telegraph*”, одной местной ежедневной газете “*Newcastle Journal*”, а также в еженедельнике “*News of the World*”. Исследовались выпуски газет в сентябре 1938, сентябре 1955 и сентябре 1967 гг. Был проведен также опрос взрослого населения Ньюкасла.

Один из выводов исследования заключается в том, что послевоенный рост уровня преступности в Британии не сопровождался ростом уровня освещения преступности прессой, точно так же, как снижение официально зарегистрированного уровня преступности в период с 1950 по 1955 гг. не сопровождалось спадом уровня освещения. Таким образом вслед за Дэвисом была еще раз опровергнута гипотеза, согласно которой растущие уровни преступности должны сопровождаться растущим уровнем внимания и обеспокоенности со стороны средств массовой коммуникации и наоборот.

Другой важный вывод Рошье: в случае со всеми изучаемыми газетами в течение всех изучаемых периодов *относительная частота, с которой сообщалось о тех или иных преступлениях, не имела никакого отношения к их доле в статистике преступности*. При этом типы преступности, чрезмерно представленные в новостях, были одними и теми же для всех газет в течение всех трех периодов. Это все преступления против личности, грабеж, мошенничество, шантаж и наркотики (только в

¹ Roshier, B. ‘The Selection of Crime News by the Press’, in Cohen, S., and Young, J. (eds.), *The Manufacture of News*. Beverly Hills, 1981, p. 40-51.

1967 году). Однако единственным видом преступности, представленным прессой особенно несоразмерно его доле в официальной статистике, были убийства (включая непредумышленные). Таким образом, газеты дают искаженное представление об относительной частоте различных типов преступности, и это искажение связано с чрезмерным освещением более серьезных правонарушений.

Общей чертой, характерной для всех изучаемых газет, была сосредоточенность на раскрытых преступлениях. В течение всех трех периодов все газеты содержали гораздо больше сообщений о преступлениях на стадии “после ареста” по сравнению с долей раскрытых преступлений в официальной статистике. Кроме того, когда сообщалось о судебных решениях, заметной была тенденция, опять-таки во всех случаях, к чрезмерному представлению более серьезных наказаний, в особенности заключения в тюрьму. Иными словами, все газеты давали преувеличенное представление о вероятности того, что преступник будет пойман и, будучи пойманным, получит серьезное наказание.

Очень немного обычно сообщалось в газетах о правонарушителях. Единственные сведения, которые сообщались с какой-либо регулярностью, – это информация о поле, возрасте и профессии (в отношении меньшей части правонарушителей). В данном случае опять наблюдались определенные искажения, четко просматривавшиеся во всех газетах в течение всех трех периодов. Британские газеты больше сообщали о взрослых преступниках, несоразмерно их доле в возрастной структуре преступников, и больше – о преступниках из высших социальных классов.

Наконец, еще один, несколько неожиданный вывод Роше заключается в том, что на восприятие преступности общественностью не влияют смещения, характерные для газет. Напротив, это восприятие оказалось очень близким официальной картине преступности. В ходе опроса респондентов попросили оценить относительную частоту, с которой происходят преступления различных типов. Затем эти оценки сравнили с относительной частотой сообщений об этих типах преступности в газетах, которые они читают, и с долей этих типов в официальной

статистике. Во всех случаях оценки респондентов были очень сходны с официальной картиной. Надо отметить, что это одно из немногих криминологических исследований, в которых было выявлено сходство между оценками населения и статистикой преступности. В большинстве случаев исследователи фиксируют существование значительных различий.

Единственная область, в которой оценки респондентов Рошье были сходны с показателями освещения преступности в прессе, – это оценки доли раскрытых преступлений. Все группы читателей переоценили уровень раскрытых преступлений. Респондентов также спросили, что, на их взгляд, необходимо предпринять для того, чтобы снизить уровень преступности. Ответы были классифицированы как “преимущественно карательные”, “преимущественно исправительные” и “нейтральные”. Как и в случае с данными национальных обследований общественного мнения, респонденты занимали преимущественно карательную позицию.

Одним из наиболее известных социологических исследований представления ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации является исследование волны преступности **Марка Фишмана**¹. Фишман исследует “волну преступности” в сообщениях нью-йоркских средств массовой коммуникации, которая имело место с конца октября до середины декабря 1976 г. Три ежедневные городские газеты и пять местных телевизионных компаний сообщали о волне насилия против пожилых людей. Этот период интенсивного “освещения” продолжался примерно семь недель, и в конечном счете ситуация с преступностью в Нью-Йорке стала темой новостей национального телевидения и газет. Журналисты в течение этого периода сообщали об одном преступлении за другим – о кражах, грабежах и убийствах пожилых белых, проживающих в центре Нью-Йорка по соседству с районами черного и латиноамериканского населения. Грабителями и

¹ Fishman, M., ‘Crime Waves as Ideology’, *Social Problems*, Vol.25, 1978, pp. 531-543. Перевод на русский язык: Фишман М. Волны преступности как идеология // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 85-114.

убийцами пожилых людей, о которых сообщалось, обычно были подростки – афро- или латиноамериканцы.

Последствия волны преступности были весьма серьезными. Помимо жестких заявлений властей и усиления соответствующих подразделений полиции волна преступности вызвала попытки *ужесточения законодательства*. Законодатели штата Нью-Йорк разработали и представили к рассмотрению законопроект, предусматривавший лишение лиц в возрасте от 16 до 19 лет статуса несовершеннолетних в случае, если потерпевшим в результате их действий стал пожилой человек, и введение обязательного тюремного заключения для лиц, совершивших насилие в отношении пожилых. Кроме того, волна преступности вызвала рост чувства страха людей перед преступностью, причем этот эффект имел общенациональный характер. По данным общеамериканских обследований, 60% людей, опрошенных в начале 1977 г., заявили, что нападения на пожилых в районах их проживания участились, а 50% респондентов в возрасте пятидесяти и более лет сообщили о том, что испытывают большее беспокойство, находясь на улице, чем год назад.

Вся ирония, свойственная ситуации с волной преступности в Нью-Йорке, заключается в том, что в действительности роста преступности именно против пожилых людей не было. Анализ статистических данных правоохранительных органов, проведенный впоследствии, показал, что *волна преступности в нью-йоркских средствах массовой коммуникации не имела реальных оснований*. «В действительности, как показывает статистика, в случае с одним из видов преступлений против пожилых – убийствами – наблюдалось *снижение* уровня преступности на 19% по сравнению с предыдущим годом. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку средства массовой информации начинали свои сообщения с освещения леденящих душу убийств. 28% сообщений трех медиа-организаций, которые мы обследовали, были сообщениями об убийствах. Между тем, по данным полиции, убийства составили менее 1% всех преступлений, совершенных против пожилых людей в 1976 году»¹.

¹ Там же. С. 88.

М. Фишман в своей работе раскрывает механизм возникновения волны преступности. *Данная волна возникла вследствие характерных для средств массовой коммуникации практик тематизации новостей и взаимодействия между различными информационными агентствами, телекомпаниями и газетами, заимствующими “новости” друг у друга, а также взаимодействия между журналистами и официальными органами.* «Представления журналистов о том, «каковы сегодня новости», зависят от других медиа-организаций»¹. «Я не гордый. Я украду любую новость», – это слова редактора одной из телекомпаний Нью-Йорка. Свой рабочий день он, как и другие редакторы, начинал с чтения утренних газет, прослушивания новостей по радио и просмотра информационных программ других телекомпаний. На самом деле, отмечает Фишман, новости не крадутся целиком; другие средства массовой коммуникации скорее являются важным источником идей с точки зрения распределения заданий по сбору материала. После того, как одна из газет Нью-Йорка – “*New York Daily News*” – в первой половине октября опубликовала серию статей о преступлениях против пожилых людей и сообщила о подростке, отпущенном под залог в 500 долларов после избиения пожилого человека, все крупные газеты и телекомпании Нью-Йорка подхватили эту тему. С этого момента и началась волна преступности. «Когда журналисты замечают друг у друга внимание к одной и той же криминальной теме, она закрепляется в сообществе медиа-организаций... В тот момент, когда тема начинает распространяться среди все возрастающего числа медиа-организаций, “реальность” этой темы уже не вызывает сомнений у тех организаций, которые первыми стали освещать ее. Теперь они видят, что и другие используют данную тему. Кроме того, медиа-организации, которые уже используют ее, без колебаний будут сообщать о новых примерах, так как последние подтверждают верность предшествовавшего мнения, что это действительно тот вид преступности, который имеет место в настоящем»².

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 99-100.

Еще один вывод М. Фишмана заключается в том, что *правоохранительные и другие официальные органы могут как нейтрализовать такого рода волну, так и способствовать ее возникновению, если она соответствует их интересам (увеличение финансирования, рост престижа, создание позитивного имиджа в глазах избирателей)*. Для журналистов основным источником информации о преступности являются именно правоохранительные органы, которые ежедневно “снабжают” медиа-организации определенным “ассортиментом” сообщений о криминальных происшествиях. Поскольку поместить в сводку, передаваемую журналистам, информацию обо всех преступлениях, произошедших в городе, невозможно, полиция отбирает те происшествия, которые, по ее мнению, будут интересны журналистам. «Когда полиция ощущает, что средства массовой информации интересуются определенным типом преступности (например, преступлениями против пожилых), она включает примеры этого типа в сообщения, передаваемые ею по телетайпу, всякий раз, когда это возможно. Так, полиция поддерживает возникающие волны преступности все то время, пока эти волны относятся к тем преступлениям, которыми она обычно занимается (т.е. к “уличным преступлениям”)». Следует отметить, что значительную помощь в сборе материала корреспонденту газеты “*New York Daily News*”, сообщения которого стали началом волны преступности, оказали сотрудники подразделения полиции Нью-Йорка по борьбе с грабежами пожилого населения, а вскоре после начала волны это подразделение было существенно пополнено.

Мэр Нью-Йорка готовился в этот период к выборам, и этот контекст необходимо учитывать, рассматривая его реакцию на “ситуацию”. На пресс-конференции, которую он созвал после первых “громких” сообщений о преступлениях против пожилых людей, он поклялся сделать город безопасным для пожилых людей с помощью таких мер, как пополнение полицейского подразделения по борьбе с грабежами пожилого населения и реформа система правосудия. 35% новостей периода волны преступности были новостями об официальных заявлениях, возможных изменениях в

системе правосудия, законодательных прениях, разработке новых полицейских программ. «В результате публичных заявлений и предпринимаемых действий властей... волна преступности стала выглядеть еще более реальной»¹. Когда же в середине декабря 1976 г. иссяк поток официальных реакций на “проблему”, то же самое произошло с криминальными инцидентами, известными журналистам по сообщениям “полицейского телетайпа” и из других полицейских источников. Волна, в конечном счете, прекратила свое существование. «Я не хочу утверждать, приводя краткую историю одной из волн преступности, – пишет М. Фишман, – что все эти волны инспирированы полицией или политиками. Все обстоит не так просто. Представляется, что волна преступности против пожилых людей в Нью-Йорке была результатом отчасти случайности, отчасти помощи со стороны полиции. Однако история этой волны показывает, что официальные лица действительно могут использовать и на самом деле используют свое положение для того, чтобы способствовать возвращению криминальных тем, впервые сформулированных журналистами. Равным образом, они могут использовать это положение для того, чтобы отрицать реальность волн преступности»².

Об искажениях, свойственных представлению ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации, свидетельствуют и результаты ряда других американских исследователей. Так, **Д. Грэбер** указывает, что в 1976 г. в Чикаго убийства составили 0,2% всех правонарушений, но им было посвящено 26% всех криминальных репортажей в газете “*Chicago Tribune*”³. **Дж. Шели** и **К. Эшкинз**, изучавшие представление ситуации с преступностью местной газетой “*Times-Picayune*” и тремя телевизионными компаниями Нового Орлеана, отмечают, что, хотя по сообщениям полиции насильственные преступления составляют только 20% от общего количества правонарушений, им

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 109-110.

³ Цит. по: Варр М. Восприятие преступности обществом и реакция на нее // Криминология / Под ред. Дж. Шели. СПб., 2003. С. 70.

посвящены 68-87% криминальных репортажей в местных средствах массовой информации¹.

Джейсон Диттон и **Джеймс Даффи**² исследуют представление ситуации с преступностью шестью шотландскими газетами – “*Glasgow Herald*”, “*Scotsman*”, “*Daily Record*”, “*Evening Times*”, “*Sunday Mail*” и “*Sunday Post*”. Среди этих газет – как ежедневные, так и воскресные издания, как крупноформатные “качественные” газеты, так и бульварная пресса. Исследовались все номера газет, выпущенные в период со 2 марта до 1 апреля 1981 г. «Цель исследования – определить, является ли освещение газетам преступности в Шотландии *избирательным* (или, напротив, в прессе сообщается обо всех преступлениях?), и, если этот отбор существует, то является ли он *искаженным* (или, напротив, опубликованная совокупность сообщений точно представляет ту основу, из которой она была отобрана?)»³.

Шесть шотландских газет в течение изучаемого периода отвели в среднем 6,5% своих “новостных” площадей сообщениям о преступности. Эти сообщения были тщательно изучены и сопоставлены с официальными данными о преступлениях, ставших известными полиции, а также о судебных разбирательствах по поводу тех или иных преступлений. В результате была выявлена высокая степень *избирательности*. Шесть газет сообщили лишь о 120 (0,25%) из общего числа преступлений, ставших известными полиции, и судебных разбирательств (47970). «Газеты неизбежно должны действовать избирательно, – отмечают Диттон и Даффи. – Подобная избирательность не вызывала бы нареканий, если бы получаемая в результате такого отбора совокупность сообщений была бы репрезентативной. Однако, когда совокупность газетных сообщений была сопоставлена с официальными данными о преступности, обнаружилось, что ее отличает значительная степень искаженности»⁴.

¹ См. подробнее о результатах этого исследования: Vapp M. Указ. соч. С. 71.

² Ditton, J., and Duffy, J. ‘Bias in the Newspaper Reporting of Crime News’, *British Journal of Criminology*, Vol. 23 (2), 1983, pp. 159-165.

³ *Ibid.*, p. 159.

⁴ *Ibid.*, p. 162.

Так, насильственные преступления (убийства, разбойные нападения, грабеж) составили 1,7% общего числа зарегистрированных преступлений и судебных разбирательств в марте 1981 г. Если же обратиться к новостям о преступности в шотландских газетах в марте 1981 г., то таким преступлениям посвящено 37,5% сообщений. Преступления, включающие сексуальные отношения, такие, как изнасилования и проституция, составили 0,6% зарегистрированных преступлений и судебных разбирательств. Сообщения о таких преступлениях составили 8,3% общего числа новостей о преступности в шотландских газетах.

«В шотландской области Стратклайд, – указывают авторы, – в течение марта 1981 г. преступления, включающие в себя насилие, и преступления, включающие в себя сексуальные отношения, вместе составили 2,4% зарегистрированного числа преступлений, тогда как сообщения о такого рода преступлениях составили 45,8% всех газетных сообщений о преступности»¹.

Диттон и Даффи поднимают в своей работе важный вопрос: *не являются ли читатели достаточно умными и проницательными для того, чтобы понимать, что частота сообщений о преступности и типы освещаемых преступлений не отражают в точности частоту и типы реальных преступлений?* Однако, как утверждают авторы, «все больше данных указывают на то, что растущая обеспокоенность людей по поводу преступности несоразмерна росту самой преступности... То, что страх перед преступностью совершенно не соответствует ее масштабам, лучше всего отражается в ироничном открытии группы исследователей, согласно которому «небольшой опыт столкновения с преступностью в качестве жертвы на самом деле может *уменьшить* страх перед преступностью»².

Работа **Сьюзен Смит**³ основана на результатах исследования представления ситуации с преступностью одной из местных газет Бирмингема в течение семимесячного периода и опроса

¹ Ibid., p. 164.

² Ibid., p. 164. Диттон и Даффи цитируют следующую работу: Sparks, R. F., Genn, H. G. and Dood, D. J. *Surveying Victims*. Chichester: Wiley, 1977, p. 209.

³ Smith, S. J. 'Crime in the News', *British Journal of Criminology*, Vol. 24 (3), 1984, № 3, pp. 289-295.

домохозяйств одного из районов Бирмингема в конце этого периода. Полученные ею данные также показали, что местная пресса в Бирмингеме представляет искаженную картину преступности. Так, преступления против личности, включая грабеж и нападения с целью грабежа, составили в статистике зарегистрированных преступлений менее 6% (из 85398 преступлений, зарегистрированных в исследуемый период), тогда как сообщения о таких преступлениях заняли 52,7% газетной площади всех новостей о преступности. Напротив, воровство и кражи со взломом составили 83,9% всех зарегистрированных преступлений, тогда как сообщения о таких преступлениях заняли всего лишь 3,8% процента площади газетных колонок, посвященных преступности. «Приоритет отдается наиболее волнующим и «соответствующим критерию новостей» преступлениям за счет менее «возбуждающих», несмотря на то, что для общественности риск столкновения с последними гораздо выше»¹.

Некоторые данные опроса домохозяйств подтверждают существование связи между представлением ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации и тем, как эту ситуацию представляет себе общественность. Было обнаружено, что респонденты, назвавшие местную газету в качестве основного источника информации о преступности, и респонденты, заявившие о том, что они всегда читают эту газету, в большей степени склонны полагать, что местная преступность состоит в основном из преступлений против личности и преступлений, связанных с теми или иными пороками (*vice*). Они придерживались также более пессимистического взгляда на местную проблему преступности по сравнению с респондентами, опиравшимися на другие источники информации.

В то же время 36% респондентов в качестве основного источника информации о преступности назвали не средства массовой коммуникации, а слухи и личный опыт друзей и соседей. Так, когда респондентов попросили указать шесть источников информации, формирующих их представление о преступности, в

¹ Ibid., p. 291.

соответствии с их значением, 7% респондентов не смогли указать ни один основной источник, 3% в качестве наиболее важного источника назвали свой личный опыт, 14% – опыт друзей, 1% – полицию, 30% – местную газету, 23% – телевидение или радио, 22% – слухи¹.

В целом, исследование С. Смит подтверждает, что *представление ситуации с преступностью средствами массовой коммуникации отличается рядом смещений и оказывает влияние на то, как общественность воспринимает данную ситуацию*. Однако Смит предостерегает от переоценки влияния газет на аудиторию и игнорирования факторов социальной и физической окружающей среды и такой формы межличностной коммуникации, как *слухи*.

Основной вопрос, который ставят перед собой **Пол Уильямс** и **Джулия Дикинсон**², – основывают ли люди свои субъективные оценки вероятности стать жертвой преступления на частоте, с какой сообщается о различных типах преступности в газетах. Выдвигаемая ими общая *гипотеза состоит в том, что читатели газет, содержащих более “заметные”, “броские” сообщения о преступлениях, испытывают больший страх перед преступностью*.

Первая стадия исследовательского проекта включала в себя детальный контент-анализ десяти наиболее популярных ежедневных национальных газет Британии: “*The Times*”, “*The Guardian*”, “*The Independent*”, “*The Daily Telegraph*” (крупноформатные “качественные” издания – broadsheets), “*Daily Express*”, “*Daily Mail*”, “*Today*” (бульварная пресса среднего уровня – mid-market tabloids), “*Daily Mirror*”, “*The Sun*”, “*Daily Star*” (бульварная пресса нижнего уровня – low-market tabloids). Изучался каждый номер этих газет в течение 4 недель с 19 июня 1989 г. Измерения частоты и площади газетных сообщений о преступности должны были показать, насколько газеты отличаются друг от друга в плане внимания, уделяемого преступности. При этом использовался ряд

¹ Ibid., p. 290.

² Williams, P., and Dickinson, J. ‘Fear of Crime: Read All About It? The Relationship between Newspaper Crime Reporting and Fear of Crime’, *British Journal of Criminology*, Vol. 33 (1), 1993, pp. 33-56.

новых, не применявшихся ранее показателей, таких, как “заметность” (salience) статей о преступности на газетной странице, “заметность” заголовков статей о преступности, присутствие и “заметность” сообщений о преступности на первой странице газеты, число, размер и относительная площадь фотографий, сопровождающих сообщения о преступности.

Обнаружилось, в частности, что преступления, включающие в себя насилие по отношению к личности, представлены британскими газетами совершенно несоразмерно их доле в статистике преступности. В среднем, газеты посвятили 64,5% общей площади сообщений на криминальную тему преступлениям, включающим в себя насилие по отношению к личности, тогда как согласно официальным данным такого рода преступления составляли лишь 6% в статистике преступности. По мнению авторов, такое смещение вполне может способствовать росту чувства страха читателей перед преступностью. Уильямс и Дикинсон уточняют, однако, что не вполне реалистично ожидать от газет точного отражения частоты и типов преступности. Возникающие диспропорции могут быть отражением информации, распространяемой официальными органами, в частности, полицией.

Криминальные новости, в особенности сообщения о преступлениях, включающих в себя насилие по отношению к личности, занимают гораздо большее и гораздо более приоритетное место на страницах бульварной прессы нижнего уровня по сравнению с “качественными” крупноформатными газетами. Бульварная пресса среднего уровня занимает промежуточное положение.

На второй стадии исследовательского проекта был проведен анкетный опрос с целью определить, действительно ли читатели газет, уделявших большее внимание преступности (в частности, преступлениям, включающим в себя насилие против личности), испытывают больший страх перед преступностью.

Отвечая на вопрос о причинах страха перед преступностью, большая часть респондентов связала свою боязнь стать жертвой нападения с освещением преступлений такого рода телевидением или радио (41,4%) и газетами (39%).

Результаты опроса показали, что читатели “качественных” крупноформатных газет демонстрируют самый низкий, а читатели бульварных газет нижнего рыночного уровня самый высокий уровни страха перед преступностью.

Наконец, третью стадию исследования составлял качественный анализ стиля сообщений о преступности в различных британских газетах. Изучалось, насколько устрашающим и сенсационным является стиль, присущий тем или иным газетам. По оценкам читателей, стиль сообщений о преступности, свойственный “качественным” крупноформатным газетам, был менее устрашающим и сенсационным по сравнению с бульварной прессой.

Проведенное исследование показало, что британские газеты существенно различаются в плане представления новостей о преступности (особенно новостей о преступлениях, включающих в себя насилие по отношению к личности), при этом для соответствующих групп читателей характерны различные уровни страха перед преступностью. *Читатели газет, отличающихся наиболее высоким уровнем внимания к преступности и наиболее броским стилем сообщений о преступлениях, испытывают наибольший страх перед преступностью.* Вывод практического плана, который сделали Уильямс и Дикинсон, заключается в том, что *некоторым газетам следует сообщать о преступности более беспристрастным, объективным и ответственным образом.*

Наконец, одним из последних исследований в этой области является работа **Майкла О’Коннела** «Искажено ли ирландское общественное мнение о преступности под влиянием средств массовой коммуникации?»¹.

Несмотря на то, что уровень преступности в Ирландии по данным сравнительных виктимологических обследований является одним из самых низких в Европе, опросы населения указывают на высокие уровни страха и пессимизма в Ирландии в отношении преступности. Вследствие этого ирландцы все

¹ O’Connell, M. ‘Is Irish Opinion towards Crime Distorted by Media Bias?’, European Journal of Communication, Vol. 14 (2), 1999, pp. 191-212.

настойчивее требуют принятия суровых, “драконовских” мер контроля над преступностью. Это уже привело к ужесточению законодательства. Например, на референдуме 1996 г. подавляющее большинство граждан поддержало внесение поправок в закон о взятии правонарушителей на поруки. Эти поправки предусматривают запрет брать на поруки индивидов, обвиняемых в совершении определенных преступлений. По мнению О’Коннела, *такое состояние общественного мнения, совершенно неадекватное реальным масштабам преступности, объясняется тем, как проблема преступности представляется ирландскими средствами массовой коммуникации.*

Изучив около 2000 статей на тему преступности, опубликованных в четырех ирландских газетах (“*The Irish Times*”, “*The Irish Press*”, “*The Star*” и “*The Evening Herald*”) в течение двух месяцев, декабря 1993 и января 1994 г., О’Коннел делает вывод о существовании четырех систематических смещений в представлении преступности газетами. Это, во-первых, совершенно непропорциональное число статей, сообщающих о серьезных и насильственных преступлениях. Так, в 1993 г. в Ирландии было зарегистрировано 28 убийств и покушений на убийство, что составило 0,004% всей зарегистрированной преступности. Между тем, доля статей об убийствах в изучаемой совокупности сообщений составила 12,3%, что в 3075 раз превышает долю убийств в структуре преступности. Последний показатель (3075) О’Коннел называет мерой “сенсационности” того или иного вида преступности. Кражи составили 6,4% всей зарегистрированной преступности, тогда как статьи о кражах составили 2,1% всей совокупности статей о преступности. Соответственно показатель “сенсационности” краж равняется всего 0,33.

Второе смещение, характерное для ирландской прессы, заключается в том, что статьи о серьезных преступлениях имеют непропорционально большой объем, измеряемый в количестве слов. Так, общее количество слов в статьях об убийствах в изучаемой совокупности равняется 50088, составляя 25,7% всего количества слов в газетных статьях на криминальную тему (194869). Соотношение этой доли и доли убийств в статистике

преступности равняется 6425. Что касается статей о кражах, то общее количество слов в них равняется 1244, составляя 0,64% всего количества слов в статьях о преступности. Соотношение этой доли и доли краж в статистике преступности – 0,1.

Третье смещение – в совокупности статей о преступности в ирландской прессе непропорционально большой объем в плане количества слов занимают статьи об “уязвимых” жертвах и “неуязвимых” преступниках. Уязвимость и неуязвимость определялись с точки зрения пола и возраста жертв и правонарушителей. Таким образом, ирландские средства массовой коммуникации поддерживают стереотип о “беззащитных” жертвах преступлений и “сильных и жестоких” преступниках.

Наконец, последнее смещение заключается в том, что общие статьи о преступности в целом пессимистичны в оценках сложившейся ситуации с преступностью и эффективности действующего законодательства.

Данные особенности представления преступности прессой способствуют, по мнению О’Коннела, формированию искаженного восприятия ситуации с преступностью ирландской общественностью, а также появлению необоснованных страхов и призывов к ужесточению законодательства.

Итак, во всех без исключения указанных работах американских, британских и ирландских социологов и криминологов о представлении преступности средствами массовой коммуникации приводятся убедительные данные о существовании целого ряда существенных смещений и искажений. В некоторых исследованиях подтверждается положение о значительном влиянии средств массовой коммуникации на представления общественности о преступности, хотя признается, что это не единственный фактор.

Очень важной представляется мысль Нильса Кристи, проходящая красной нитью через всю его работу «Борьба с преступностью как индустрия»: средства массовой информации играют крайне негативную роль в отношении восприятия людьми

ситуации с преступностью¹. Когда телевидение и газеты начинают муссировать тему преступности, общественное мнение сдвигается в сторону поддержки жестких мер по борьбе с преступностью, все более настойчивыми становятся популистские призывы к наведению порядка, что ведет к ужесточению законодательства и соответственно росту числа заключенных, а также повышает вероятность введения или расширения применения смертной казни.

В тот момент, когда я завершаю этот обзор, телевизионный канал “*Euronews*” сообщает о судебном процессе в Бельгии по делу о “чудовище из Шарлеруа” – над человеком, обвиняемом в изнасиловании шестерых девочек-подростков и убийстве четверых из них. Сообщается также, что эти преступления резко изменили общественное мнение по вопросу о смертной казни – две трети бельгийцев в настоящее время выступают за введение этой меры наказания. Происходящее в Бельгии еще раз доказывает, что общественное мнение изменчиво и склонно к поддержке жестких репрессивных мер контроля, несмотря на существование убедительных данных и аргументов о неэффективности и неприемлемости смертной казни даже в случае столь чудовищных преступлений. Эти особенности реакции общественности свидетельствуют об ответственности средств массовой коммуникации за социальные последствия новостей, репортажей, статей о преступности.

Криминологи уже достаточно давно выработали рекомендации, касающиеся представления преступности средствами массовой коммуникации. В частности, Г. Шнайдер отмечает следующее:

«Как же должны СМИ отражать преступность? Во-первых, ее изображение должно соответствовать действительности, во-вторых, необходимо всесторонне учитывать особенности восприятия населением подобной информации. Материалы о преступности целесообразно дополнять информацией о личности преступников, об условиях их жизни до осуждения и о причинах преступности в широком смысле. В документальных передачах следует сообщать о

¹ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 42, 54, 59, 83, 164, 166, 180.

результатах криминологических исследований в соответствующей области, популярно объяснять выводы, следующие из них.

Журналисты должны проявлять большой интерес к науке, регулярно знакомиться с работой криминологов, учиться анализировать проблемы преступности, поднимаясь над уровнем обыденного сознания. Им нужно обладать мужеством и терпением, изображать обыденность преступности, а не только те сенсационные события, которые можно выгодно “продать”. Конечно, это непросто, так как реципиенты привыкли к определенным стандартам в подаче такой информации. Поэтому в СМИ следует обнародовать результаты криминологических исследований так, чтобы общественность могла их правильно воспринять и оценить, что может быть достигнуто только благодаря более тесному сотрудничеству криминологов и СМИ. Обе стороны должны внести свой вклад в это сотрудничество, а в итоге в дело мира, укрепление правды, честности для того, чтобы мы могли лучше решить проблему отклоняющегося поведения молодежи и преступности в целом»¹.

Однако утверждать, что хотя бы какие-то из этих рекомендаций учитываются в настоящее время большинством российских журналистов, занимающихся темой преступности, не представляется возможным.

5.3. Представление ситуации с побегами из частей российской армии региональной прессой²

Средства массовой коммуникации при свойственном им акценте на сенсационности часто пренебрегают углубленным рассмотрением социальной проблемы преступности, освещением ее контекста. Они представляют преступность и другие социальные проблемы «посредством освещения событий, а не того, что эти события означают»³. Это связано с фундаментальными чертами

¹ Шнайдер Г. Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 122.

² Впервые этот раздел был опубликован в сборнике: Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема? / Сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. Казань, 2002. С. 196-202.

³ Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 194.

средств массовой коммуникации, ориентированных прежде всего на поиск и представление “настоящих новостей” – драматичных, интересных, необычных событий.

«В центре внимания [СМИ] обычно совершение деяния и его расследование, процесс же возникновения преступного умысла, а также дальнейшие судьбы жертвы и преступника не рассматриваются. Криминальное событие изображается прежде всего с точки зрения полиции, для которой не так интересна личностная и социальная подоплека преступления... Социальные причины преступности не выявляются»¹.

Еще раз обратимся к новостям из Бельгии о суде над “чудовищем из Шарлеруа”. Из сообщений “Euronews” мы узнаем об обвинениях в бесчеловечных действиях – изнасиловании и убийстве девочек-подростков. Но нам ничего не сообщается о том, что могло привести Марка Дютру к таким действиям. В какой семье он рос, каковы его родители, чем он занимался, служил ли он в армии, каковы особенности его социализации, действовал ли он в одиночку или в составе группы, и каким в этом случае было влияние данной группы на его действия, – об этом мы не можем узнать из телевизионных новостей.

На наш взгляд, эта тенденция – *представлять события, но не анализировать их причины* – особенно очевидна в случае с побегами с оружием и связанными с этим преступлениями, которые совершают военнослужащие российской армии. Побег из воинских частей с оружием в руках и преступления, совершаемые при этом, стали по-настоящему массовым явлением в России. В течение 2003 г. информационные агентства по меньшей мере 23 раза сообщали о побегах из воинских частей с оружием². И это только видимая часть явления, в подавляющем большинстве случаев информация о побегах из воинских частей просто не доходит до информационных агентств, редакций газет и телекомпаний. Руководство частей скрывает такие случаи, самостоятельно разыскивая беглецов.

¹ Шнайдер Г. Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 121.

² См. хронологию таких событий: <http://www.newsru.com/dosjex/1002.html> (04.03.2004)

В последнее время солдаты, оставляющие воинские части вследствие избиений и издевательств, все чаще коллективно обращаются в комитеты солдатских матерей, понимая, что армейские структуры не заинтересованы в «вынесении сора из избы» и реальном изменении ситуации в частях. В сентябре 2002 г. 54 солдата оставили воинскую часть в Волгоградской области и в полном составе обратились в «Ассоциацию родителей военнослужащих» в Волгограде с заявлением о жестоких избиениях со стороны командира части. В ноябре-декабре 2002 г. еще трижды происходили подобные случаи с меньшими по численности группами солдат. В начале января 2003 г. 24 солдата покинули часть железнодорожных войск в поселке Мга и обратились в комитет солдатских матерей Санкт-Петербурга, сообщив о побоях и издевательствах со стороны офицеров части.

Однако, несмотря на масштаб этого явления и серьезность последствий бегства из воинских частей, средства массовой коммуникации, представляя такие события, редко занимаются анализом социальных причин происходящего и проблематизацией ситуации в российской армии.

Данная тенденция отчетливо проявилась даже в случае с освещением столь трагического по своим последствиям побега с оружием двух военнослужащих 31-ой отдельной бригады ВДВ – Алмаза Шагеева и Михаила Сухорукова – и их действий на территории Ульяновской области и Республики Татарстан 4 февраля 2002 г., жертвами которых стали девять человек, включая пятерых сотрудников правоохранительных органов.

Мы проанализировали сообщения на тему побега десантников, убийств, совершенных ими, и действий правоохранительных органов в девяти региональных газетах – *“Республике Татарстан”*, *“Вечерней Казани”*, *“Время и деньги”*, *“Казанских ведомостях”*, *“Восточном экспрессе”*, *“Известиях Татарстана”*, *“Московском комсомольце в Татарстане”*, *“Молодежи Татарстана”* и *“Жизни”*. В результате просмотра номеров этих газет за три месяца – с 5 февраля по 5 мая 2002 года – было выявлено 31 сообщение¹.

¹ Я хотел бы поблагодарить организаторов семинара «Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема», предоставивших

Изучение этих публикаций показало следующее:

(1) *Лишь в 6 публикациях из 31 предпринимаются попытки сформулировать проблему.* Эти публикации высвечивают серьезность ситуации в российской армии, заставляющей тысячи молодых ребят бежать из воинских частей, а десятки из них – делать это с оружием в руках, нередко совершая убийства и самоубийства¹.

(2) *Лишь 5 публикаций имеют аналитический характер*². В них предпринимается попытка определить фундаментальные факторы, которые сделали возможным происшедшее, такие, как чрезвычайно высокий уровень насилия в отношениях между военнослужащими, деформация личности в армейских условиях, отклоняющееся поведение военнослужащих, отсутствие должного контроля за оружием и боеприпасами и пр.

Надо отметить, что известные нам публикации в общероссийской прессе в целом имели более критический характер по отношению к армии по сравнению с публикациями в прессе региональной.

Всю совокупность сообщений на данную тему в региональной прессе можно разделить на две категории: (1) сообщения первой недели, информировавшие читателей об убийствах, совершенных десантниками, их личностях, действиях правоохранительных

основную часть материалов общероссийской и региональной прессы о событиях 4-5 февраля 2002 г.

¹ К этим шести публикациям, “проблематизирующим ситуацию”, относятся следующие материалы: Воронин А. Вооружен и очень опасен: живым не брать // Казанские ведомости. 2002. 6 февраля; Галямов Р. Где был спецназ, генерал Тимерзянов, или пять проклятых вопросов, на которые нет ответов // Восточный экспресс. 2002. 8 февраля; ЧП российского масштаба: комментарии В. Евплова и Р. Гарифуллина // Восточный экспресс. 2002. 8 февраля; Белоброва А. Кровавый февраль в Татарстане // Известия Татарстана. 2002. 13 февраля; Шабардин А. По следам кровавого куража беглых десантников // Казанские ведомости. 2002. 14 февраля; Барабанов А. Том и Джерри против российских солдат // Казанские ведомости. 2002. 21 февраля.

² Воронин А. Указ. соч.; ЧП российского масштаба: комментарии В. Евплова и Р. Гарифуллина // Восточный экспресс. 2002. 8 февраля; Шабардин А. Указ. соч.; Барабанов А. Указ. соч.; Петрушин С. У десантников – психология самоубийц: трагедия под Буинском может повториться // Восточный экспресс. 2002. 1 марта.

органов, – всего 15 сообщений; (2) сообщения “вслед за событием”, опубликованные начиная с 13 февраля, – 16 сообщений.

На первый взгляд, региональная пресса продолжала уделять внимание происшедшему и спустя некоторое время. Однако анализ материалов второй категории показывает, что из 16 более поздних сообщений 13 были вызваны определенными информационными поводами. Такими поводами были брифинг первого заместителя министра внутренних дел Республики Татарстан Р. Тимерзянова, похороны М. Сухорукова, решение Администрации Буинска построить памятник погибшим, семинар «Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема?», состоявшийся в Доме журналиста 21 марта 2002 г., передача семьям погибших милиционеров денег для приобретения квартир и состоявшаяся 26 апреля 2002 г. встреча с журналистами следователя военной прокуратуры И. Антонова, на которой было объявлено о прекращении следствия. Иными словами, *сами журналисты (редакторы), за исключением только трех случаев¹, не поднимали эту тему*, хотя и принимали решение о включении сообщения о том или ином событии в очередной номер газеты.

Характерно, что только одно региональное издание стало более чувствительным к теме побегов из воинских частей, что проявилось в публикации сообщения о другом побеге из армии, хотя это не касалось Республики Татарстан², и публикации аналитической статьи о ситуации в российской армии в целом³.

¹ Имеются в виду следующие три публикации, не связанные напрямую с каким-либо информационным поводом: Белоброва А. Кровавый февраль в Татарстане // Известия Татарстана. 2002. 13 февраля; Барабанов А. Том и Джерри против российских солдат // Казанские ведомости. 2002. 21 февраля; Петрушин С. У десантников – психология самоубийц: трагедия под Буинском может повториться // Восточный экспресс. 2002. 1 марта. Необходимо отметить, что статья А. Барабанова была приурочена к 23 февраля, а статья А. Белобровой и интервью с С. Петрушиным – материалы еженедельников, реакция которых на события является замедленной.

² Казанские ведомости. 2002. 15 февраля (сообщение в рубрике “Новости от Ведомостей” о побеге военнослужащего, вооруженного автоматом, и совершенных им убийствах в Ставропольском крае).

³ Барабанов А. Том и Джерри против российских солдат // Казанские ведомости. 2002. 21 февраля.

Нельзя сказать, что сами журналисты не осознают изменчивость своего внимания к тем или иным темам. Прочитую Рашида Галямова и Александра Гавриленко:

«В нормальном здоровом обществе после такого ЧП психологи, социологи, журналисты, военные, учителя и т. д. долго пытались бы найти ответы на все вопросы – чтобы случившееся не повторилось завтра. Будем ли мы их искать, или все спишем на несчастную любовь или помутнение рассудка у убийц? Боюсь, что не будем»¹.

«Негативная тенденция, которая прослеживается в работе практически всех СМИ, освещавших эти события, – “отстрелявшись”, большинство журналистов так и не попытались выявить социальные причины трагедии, определить, что нужно сделать, чтобы она не повторилась»².

В заключение хотелось бы обратить внимание на нежелание большинства местных журналистов проблематизировать ситуацию в правоохранительных органах, критически осмысливать их действия и, в частности, формулировать и задавать острые, “неудобные” для руководящих работников МВД РТ вопросы. Вот лишь некоторые из вероятных, но “не прозвучавших” со стороны журналистов вопросов, хотя поводы для того, чтобы их задать, были, и не раз:

– Какие уроки МВД РТ вынесло из этой трагедии, помимо не совсем понятного стремления менять психологию сотрудников милиции в сторону готовности “первыми стрелять на поражение”?

– Существует ли какая-либо определенная схема действий в случае побега военнослужащих с оружием из воинских частей, расположенных на территории республики и соседних республик и областей?

– Налажены ли прямые каналы связи с командованием воинских частей?

– Нет ли необходимости в том, чтобы в распоряжении МВД была компьютерная база данных о всех, кто проходит срочную

¹ Галямов Р. Где был спецназ, генерал Тимерзянов, или пять проклятых вопросов, на которые нет ответов // Восточный экспресс. 2002. 8 февраля.

² Гавриленко А. Сенсация или социальная проблема [О семинаре “Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема?”]// Республика Татарстан. 2002. 23 марта.

службу в воинских частях, расположенных в республике и соседних регионах, позволяющая в случае чрезвычайного происшествия оперативно получить всю необходимую информацию о личности разыскиваемых?

– Почему сотрудник дорожно-постовой службы стал преследовать нарушителей (пусть даже, на первый взгляд, лишь правил дорожного движения) на попутном автомобиле, в результате чего были убиты два находившихся в салоне пассажира? Означает ли это, что на контрольном посту милиции не было служебной машины или она была в неисправности?

– Не стоит ли вместо покупки автомобилей иностранных моделей для руководства МВД оснастить ДПС необходимым транспортом или обновить существующую технику?

Возможно, некоторые из этих вопросов представляются наивными, но это не означает, что общественность не интересуется ответы на них.

На мой взгляд, нет необходимости отмечать фактические неточности, которые допускали журналисты (ошибки в числе погибших, марках захваченных автомашин, названиях населенных пунктов, деталях, касающихся действий преступников), очевидно, это в какой-то степени неизбежные издержки работы в чрезвычайной ситуации. Удивляет лишь полное отсутствие при сообщении неверной информации оговорок, таких, как «по непроверенным (неподтвержденным) данным» и пр.

После трагических событий 4-5 февраля 2002 г. прошло два года. За это время несколько десятков раз совершались побеги из российских воинских частей с оружием в руках. Журналисты как никто другой могли бы способствовать тому, чтобы российское общество наконец осознало, что ситуацию в армии, уродующую молодых ребят нравственно и физически, угрожающую гражданскому населению убийствами, которые совершают сбежавшие военнослужащие, способствующую росту коррупционных действий (чего стоит одна “отмазка от армии”), необходимо кардинально менять и как можно скорее, не растягивая процесс “реформирования” на долгие-долгие годы. Однако фундаментальные принципы работы средств массовой

коммуникации – ориентация прежде всего на поиск “новостей”, то есть драматичных, подчас сенсационных событий и стремление к новизне – ведут к тому, что у аудитории формируется существенно искаженное восприятие происходящего в обществе. В результате одни ситуации вызывают чрезмерную реакцию: необоснованные страхи, моральную панику и призывы к ужесточению санкций и наказаний, а другие недооцениваются.

На днях информационное агентство “Интерфакс” сообщило о том, что в Чеченской Республике солдат срочной службы федеральных войск расстрелял своих сослуживцев. Военнослужащие гаубично-самоходной артиллерийской батареи 291-го мотострелкового полка, дислоцированного в Итум-Кале, чистили оружие, когда в палатку вошел их сослуживец и открыл беспорядочную стрельбу из автомата. Три человека получили смертельные ранения и скончались на месте. Стрелял рядовой, прослуживший уже год. Военнослужащий изолирован, по этому факту проводится расследование¹...

¹ В Чечне солдат расстрелял своих сослуживцев
<http://www.lenta.ru/vojna/2004/03/04/killed/> Printed.htm (04.03.2004)

ГЛАВА 6. ВИЧ/СПИД И СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПОРОЧНЫЙ КРУГ ОТСУТСТВУЮЩИХ СОБЫТИЙНОСТИ И ПРОБЛЕМАТИЧНОСТИ¹

Если социальная проблема преступности – это пример успешной конкуренции за место в информационном пространстве, то противоположным примером является распространение ВИЧ в России. Несмотря на крайне высокие темпы развития эпидемии в последние годы и очень тревожные прогнозы на будущее, тема ВИЧ/СПИДа по-прежнему не входит в “повестку дня” российских политиков, средств массовой коммуникации и общественности.

6.1. Распространение ВИЧ/СПИДа в России

Первые случаи ВИЧ в СССР были зарегистрированы в 1987 г. В тот год в России было выявлено 24 случая заболевания. С 1987 по 1995 гг. масштабы распространения ВИЧ в России были в целом невелики по сравнению с некоторыми африканскими странами, США и Западной Европой, за исключением трагических случаев инфицирования детей в больницах Элисты, Волгограда и Ростова-на-Дону.

В следующем 1988 г. в России было зарегистрировано 47 случаев ВИЧ,

в 1989 – 268,

в 1990 – 103,

в 1991 – 84,

в 1992 – 89,

в 1993 – 110,

в 1994 – 165,

и в 1995 – 200.

Однако с 1996 г. и до настоящего времени наблюдается совершенно иная картина.

В 1996 г. в России было зарегистрировано 1525 новых случаев заболевания ВИЧ,

в 1997 – 4366,

в 1998 – 4058,

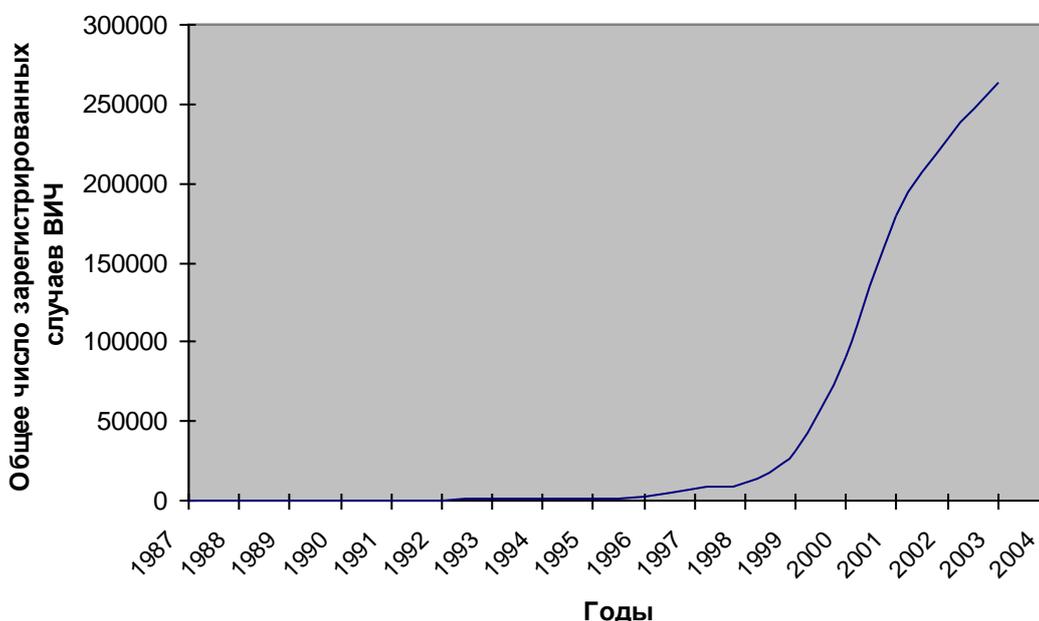
¹ Первый вариант этой главы был опубликован в сборнике: Газеты малых городов: верстается первая полоса / Под ред. С. К. Шайхитдиновой. Казань, 2002. С. 104-112.

в 1999 – 19953,
в 2000 – 59257,
в 2001 – 88719,
в 2002 – 50081,
в 2003 – 34564¹.

Таким образом, к 1 января 2004 г. в России было зарегистрировано 263613 случаев инфицирования, тогда как к 1 января 1996 г. было выявлено лишь 1090 случаев ВИЧ.

Снижение темпов роста регистрации новых случаев ВИЧ в 2002-2003 гг. В. В. Покровский, директор Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, объясняет не улучшением ситуации с распространением ВИЧ, а тем, что некоторые категории людей меньше стали обращаться в медицинские учреждения для прохождения тестирования на ВИЧ. Так, в 2002 г. людей, употребляющих наркотики, было обследовано на 33% меньше, чем в 2001 году².

**Рост зарегистрированных случаев ВИЧ
в России с 1987 по 2003 гг.**

¹ Официально зарегистрированные случаи ВИЧ-инфекции в РФ: 1 января 1987 – 12 января 2004 (по данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом) <http://www.afew.org> (16.03.2004)

² Денисов Б. П., Сакевич В. И. Динамика эпидемии ВИЧ/СПИД // СоцИс. 2004. № 1. С. 78.

Наиболее серьезная ситуация складывается в следующих регионах Российской Федерации, если судить по числу зарегистрированных случаев ВИЧ на 100 тысяч населения на 12 января 2004 г.¹:

1. Самарская – 602 случая ВИЧ на 100000 населения;
2. Иркутская область – 596;
3. Ханты-Мансийский АО – 541;
4. Оренбургская – 524;
5. Свердловская – 487;
6. Санкт-Петербург – 480;
7. Калининградская область – 457;
8. Ленинградская область – 407;
9. Ульяновская – 396;
10. Челябинская – 372;
11. Московская – 363.

Республика Татарстан находится на 25 месте среди российских регионов, выстроенных в порядке убывания зарегистрированных случаев ВИЧ на 100 тысяч населения. К 13 января 2004 г. в Татарстане было зарегистрировано 5685 случаев заболевания (150 случаев на 100 тысяч населения). Между тем, темп распространения ВИЧ в Татарстане также является очень высоким – еще к 14 мая 1999 г. в республике было зарегистрировано 111 случаев ВИЧ².

Разумеется, это всего лишь статистические данные, и, как всякая статистика, они отражают не столько реальные процессы, сколько особенности регистрационной практики. Совершенно очевидно, что, как и в случае, например, со статистикой преступности, официальные данные являются весьма неполными. Существует значительное число латентных случаев заболевания, которое в несколько раз превышает число зарегистрированных случаев. По оценкам экспертов, представленным общественности в сентябре 2003 г., инфицированы ВИЧ около 1,5 миллионов россиян,

¹ Официально зарегистрированные случаи ВИЧ-инфекции в регионах РФ: 1 января 1987 – 12 января 2004 г. (по данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом) <<http://www.afew.org>> (16.03.2004)

² Вечерняя Казань. 1999. 14 мая.

то есть более 1% населения¹. Таким образом, 8 из 10 людей с ВИЧ в России не знают о том, что они инфицированы.

Еще более тревожная ситуация складывается в пенитенциарной системе, где распространенность ВИЧ гораздо выше, чем в российском обществе в целом. По ситуации на конец 2003 г. среди осужденных, находящихся в местах лишения свободы, число людей с ВИЧ составляло 36 тысяч, тогда как общее число осужденных, находящихся в местах лишения свободы, составляло 830400 человек. Таким образом, ВИЧ обнаружен у 4,3% заключенных². Поскольку очень часто при внутривенном употреблении наркотиков в местах заключения используются общие иглы, ВИЧ среди наркозависимых заключенных распространяется очень быстро. Другой способ передачи ВИЧ – при гомосексуальных контактах. В 2000 г. организация «Врачи без границ» провела исследование, опросив 1200 заключенных. 8% сообщили, что употребляли наркотики внутривенно, находясь в заключении. Почти две трети этих людей указали, что пользовались при этом общими иглами. «Это безрассудство нас потрясло, – сказал Мурдо Биджл, директор организации AIDS Foundation East West, созданной группой «Врачи без границ» для борьбы со СПИДом в России. – Как только кто-то из этой группы заражается вирусом иммунодефицита, инфекция распространяется очень быстро»³.

В настоящее время в России из общего зарегистрированного числа людей, живущих с ВИЧ, больны СПИДом 823 человека. Умерло в стадии СПИДа 615 человек⁴. Это означает, что у подавляющего большинства людей с ВИЧ продолжается

¹ Данные доклада «На пороге эпидемии: необходимость неотложных мер в борьбе со СПИДом в России», подготовленного международной организацией «Трансатлантические партнеры против СПИДа». См.: Офитова С., Уколов Р. Статистика ужасающая, прогноз мрачен // Независимая газета. 2003. 18 сентября.

² Количество ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в учреждениях УИС РФ, 1994-2003 (данные ГУИН Министерства юстиции РФ) <<http://www.afew.org>> (16.03.2004)

³ Schoofs, M. 'Jailed Drug Users Are at Epicenter of Russia's Growing AIDS Scourge', The Wall Street Journal, 2002, June 25.

⁴ Эпидемическая ситуация по ВИЧ-инфекции в Российской Федерации http://www.nospid.ru/statistics/russia/hiv_russia.pdf (5.04.2004)

бессимптомная стадия, в среднем составляющая 10 лет, если при этом не используется специальная противовирусная терапия.

Прогноз на будущее для России крайне тревожен. Темпы распространения ВИЧ в России являются одними из самых высоких в мире. При неблагоприятном развитии ситуации к 2010 г. ВИЧ будут инфицированы до 10% взрослого населения страны¹. Уже через несколько лет Россию может ожидать резкий рост смертности от СПИДа, если правительством не будут предприняты необходимые меры по приобретению или организации производства в России противовирусных препаратов, отсрочивающих терминальную стадию заболевания. Согласно оценке Вашингтонского центра стратегических и международных исследований, которую приводит Анна Бадкен в «Сан-Франциско Хроникал», при таких темпах эпидемии к 2015 г. от 5 до 10 миллионов россиян могут умереть от СПИДа².

6.2. ВИЧ/СПИД как социальная проблема

Несмотря на столь тревожный характер статистических данных и экспертных оценок, распространение ВИЧ не осознается населением России как серьезная угроза. Произошла своеобразная «нормализация» ситуации с ВИЧ/СПИДом в общественном сознании. Для подавляющего большинства россиян ВИЧ по-прежнему остается чем-то далеким, угрожающим почти исключительно так называемым «группам риска» («меня это не коснется», «это где-то там, среди гомосексуалов, наркоманов, проституток и заключенных»). Иными словами, распространение ВИЧ/СПИДа не входит в число приоритетных социальных проблем российского общества. Как отмечает Ларс Каллингс, специальный представитель Генерального секретаря ООН по проблеме ВИЧ/СПИДа в Восточной Европе, «налицо серьезный разрыв между

¹ Данные доклада «На пороге эпидемии: необходимость неотложных мер в борьбе со СПИДом в России». См.: Офитова С., Уколов Р. Статистика ужасающа, прогноз мрачен // Независимая газета. 2003. 18 сентября.

² Badkhen, A. 'Russia on Brink of AIDS Explosion: Ignorance and Inaction Threaten Catastrophe', San Francisco Chronicle, 2002, July 28.

тем, что в реальности происходит со СПИДом, и тем, как угрозу воспринимают люди»¹.

Об отсутствии осознания серьезности ситуации с ВИЧ/СПИДом и о распространенности ошибочных представлений о том, что ВИЧ/СПИД ограничивается уязвимыми группами, свидетельствуют данные мониторинга, проводимого Всероссийским центром изучения общественного мнения, и других исследований. Отвечая в рамках общероссийского обследования ВЦИОМа на вопрос «Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?», лишь 19,4% респондентов в январе 2003 г. выбрали вариант «рост заболеваемости СПИДом», при этом данная проблема оказалась на тринадцатом месте, далеко отстав от таких проблем, как «рост цен», «рост безработицы», «бедность, обнищание большинства населения»². В. В. Покровский приводит данные опроса, согласно которым 90% молодых людей в России знают, что надо пользоваться презервативами, но пользуются ими только 12%³. По данным опроса в рамках «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения», проведенного в 2001 г. Университетом Северной Каролины (Чэпел Хилл) и Институтом социологии РАН, лишь пятая часть респондентов отметили, что использовали презерватив во время последнего сексуального контакта. Среди тех, кто занимался сексом со случайным знакомым или случайной знакомой, что резко повышает риск инфицирования, не пользовались презервативом при последнем контакте 48% в группе 14-20-летних, 37% – 21-30-летних, 61% – 31-40-летних и 69% – 41-49-летних⁴.

¹ Каллингс Л. Против СПИДа вы можете задействовать весь ваш потенциал // Известия. 2003. 28 ноября.

² Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 84. Надо отметить, что формулировка варианта ответа «рост заболеваемости СПИДом» в этом полузакрытом вопросе является не совсем корректной, поскольку в реальности наблюдается рост числа людей с ВИЧ, но, очевидно, что сотрудники ВЦИОМа просто предпочли использовать более распространенный и привычный для большинства термин «СПИД».

³ Покровский В. В. Эпидемия, которую мы не замечаем. <http://www.weandyou.org.ru/blue/press/003.phtml> (17.12.2003).

⁴ Цит. по: Денисов Б. П., Сакевич В. И. Динамика эпидемии ВИЧ/СПИД // СоцИс. 2004. №1. С. 82.

6.3. Представление ситуации с распространением ВИЧ/СПИДа средствами массовой коммуникации

Отсутствие у ВИЧ/СПИДа статуса важной социальной проблемы, то есть отсутствие значительной общественной обеспокоенности ситуацией непосредственно связано с тем, что распространение ВИЧ не является важной темой для российских средств массовой коммуникации.

В отличие от бедности, бездомности, безработицы и других явлений, общественность соприкасается с ВИЧ/СПИДом не прямо, а в основном «посредством образов, предлагаемых средствами массовой коммуникации, и эти образы определяют представления и действия в отношении проблемы»¹. Это связано, главным образом, с особенностями заболевания и его социальными последствиями (в частности, стремлением людей с ВИЧ и их близких избежать огласки факта инфицирования из-за боязни дискриминации). Однако тема ВИЧ/СПИДа относительно редко попадает в «повестку дня», устанавливаемую средствами массовой коммуникации. Кроме того, в отличие от уровня заболеваемости, который стремительно растет в России с 1996 г., *уровень внимания к ситуации с ВИЧ/СПИДом со стороны российских средств массовой коммуникации, если судить по количеству статей в российской прессе, во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. существенно снизился.*

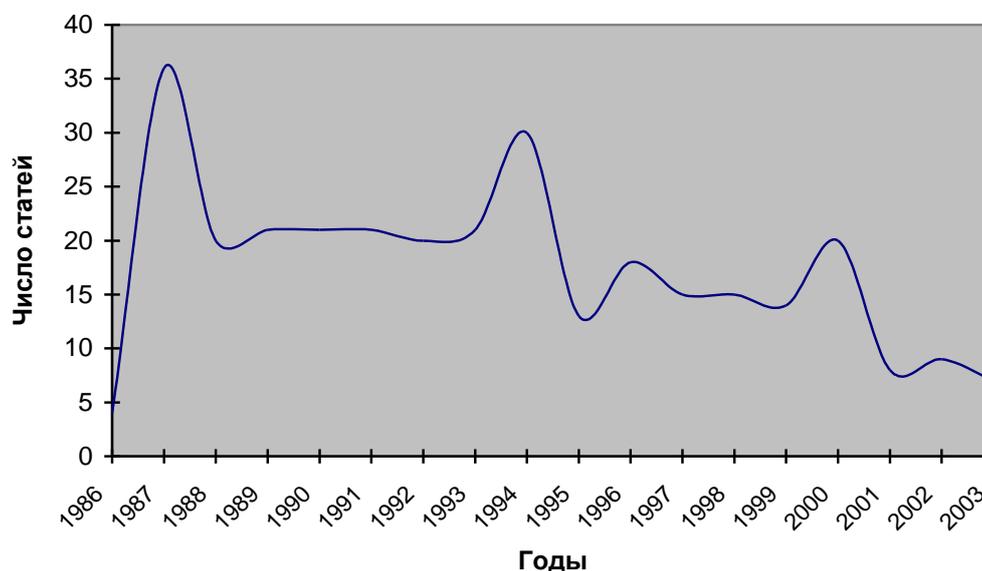
Наши исследования, проведенные в 2000² и 2004 гг., показали следующее: *наибольшее число статей о ВИЧ/СПИДе в*

¹ Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 135. Ключевая роль средств массовой коммуникации в формировании представлений людей о ситуации с ВИЧ/СПИДом подчеркивается и британскими исследователями: Kitzinger, J. 'Understanding AIDS: Researching Audience Perceptions of Acquired Immune Deficiency Syndrome', in Eldridge, J. (ed.), Getting the Message: News, Truth and Power. London: Routledge, 1994, pp. 271-304.

² Исследовательский проект В. Доберштейн «Освещение социальной проблемы СПИДа российскими СМИ» под руководством И. Ясавеева

советских/российских газетах в период с 1986 по 2003 гг. было опубликовано в 1987 г., когда ВИЧ впервые был зарегистрирован в СССР, то есть когда ВИЧ/СПИД был “настоящей” (сенсационной, совершенно неожиданной, трагической, шокирующей) новостью. А значительное количество статей в 1994 г. объясняется наличием такого информационного повода, как разработка и обсуждение в Думе Закона «О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)». Впоследствии частота появления статей о ВИЧ/СПИДе в российских газетах значительно варьировалась, но с 1997 г. наблюдается достаточно устойчивая тенденция к сокращению числа газетных публикаций (за исключением 2000 г.), хотя именно в этот период стремительно растет число регистрируемых случаев ВИЧ.

Число статей о ВИЧ/СПИДЕ, опубликованных в советских/российских газетах с 1986 по 2003 гг. и включенных в "Летопись газетных статей"

Подсчет числа статей о ВИЧ/СПИДе в советской/российской прессе осуществлялся с помощью еженедельной «Летописи газетных статей», рубрицированного указателя, издаваемого Книжной палатой РФ, при этом не учитывались статьи,

опубликованные в «Медицинской газете», городских газетах Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга («Московская правда», «Ленинградская правда», «Невское время», «Смена») и региональной прессе. Разумеется, в связи с тем, что отбор газет и публикаций для «Летописи газетных статей» осуществляется в соответствии со специальной инструкцией¹, в указатель попадают не все сообщения о ВИЧ/СПИДе. Тем не менее, мы сочли возможным рассматривать совокупность газетных материалов, представляемую указателем, как репрезентативную относительно всех публикаций о ВИЧ/СПИДе и оценивать общий уровень внимания к ситуации со стороны «центральных» советских (до 1992 г.) и российских газет, основываясь на такого рода выборке². Косвенно о валидности нашего измерения свидетельствует то, что большая часть газетных статей, анализируемых в рамках исследования И. Савельевой «Общество, СПИД и СМИ»³, представлены в «Летописи газетных статей». Перечень статей о ВИЧ/СПИДе, представленных в «Летописи газетных статей» с 1986 по 2003 гг., вынесен в приложение к данной работе.

Итак, число публикаций о ВИЧ/СПИДе в советской и российской газетной прессе, представленных в «Летописи газетных статей», в сопоставлении с количеством новых случаев ВИЧ, регистрируемых ежегодно, выглядит следующим образом:

¹ Составление государственного библиографического указателя «Летопись газетных статей». М., 2000.

² Эту методику использовал Э. Альберт, изучавший конструирование социальной проблемы распространения ВИЧ-инфекции популярными американскими журналами. См.: Альберт Э. Указ. соч. С. 117-118.

³ Савельева И. Если вы пишете о СПИДе... М., 1999. См. текст этой работы в сети Интернет: <http://www.aids.ru/aids/society.shtml>

Год	Количество зарегистрированных новых случаев ВИЧ	Число публикаций
1986	–	4
1987	24	36
1988	47	20
1989	268	21
1990	103	21
1991	84	21
1992	89	20
1993	110	21
1994	165	30
1995	200	13
1996	1525	18
1997	4366	15
1998	4058	15
1999	19953	14
2000	59257	20
2001	88719	8
2002	50081	9
2003	34564	7

В целом невысокий уровень внимания средств массовой коммуникации и сокращение числа газетных статей о ВИЧ/СПИДе в последние годы объясняются прежде всего такой особенностью данной социальной проблемы, как отсутствие событийности или информационных поводов, иными словами, несоответствие распространения ВИЧ характеру новостей. ВИЧ/СПИД не является интересным, необычным и даже значимым для российских политиков, журналистов и общественности событием, происшедшим за последние 24 часа. ВИЧ распространяется постоянно, изо дня в день, не обладая драматичностью, динамизмом и новизной, необходимыми для того, чтобы эта ситуация была «новостью». Проблема заключается в том, что каждый день в России несколько сот человек становятся ВИЧ-положительными. В данном случае некуда отправить съёмочную

группу или корреспондента, трудно найти новый поворот в представлении ситуации, не повторяя того, что уже было показано, сказано и написано. Сообщение одних лишь статистических данных не может быть “новостью”. В результате *социальная проблема распространения ВИЧ/СПИДа проигрывает другим социальным проблемам в конкуренции за место в информационном пространстве, формируемом средствами массовой коммуникации.*

Средства массовой коммуникации, ориентированные в большинстве своем на поиск драматичных, подчас сенсационных событий, стремящиеся к новизне и опасющиеся насыщения информационного пространства одними и теми же символами, отдают предпочтение преступности, включая терроризм, авариям и катастрофам, военным действиям, зрелищным политическим событиям, нежели медленно развивающимся бедствиям, каким является распространение ВИЧ, хотя число людей с ВИЧ и число жертв, например, авиакатастроф, несопоставимы. Характерно, что резкое уменьшение числа газетных публикаций о ВИЧ/СПИДе, попавших в «Летопись газетных статей», приходится на 1988 и 1995 гг. Низкий уровень внимания российских газет к ВИЧ/СПИДу в 1988 и 1995 гг. был связан, вероятно, с потерей интереса и ощущением исчерпанности этой темы после значительного числа публикаций в 1987 и 1994 гг.

О том, насколько значительным может быть влияние средств массовой коммуникации на аудиторию, свидетельствует следующий факт, на который в 1988 г. указал президент Академии медицинских наук СССР В. И. Покровский: «Максимум публикаций [о ВИЧ/СПИДе] был в августе прошлого [1987] года. И именно тогда мы отметили интенсивность притока людей на анонимное обследование»¹.

В последние годы российские средства массовой коммуникации обращались к теме ВИЧ/СПИДа в основном при наличии весомых информационных поводов, таких, как “изобретение” “средства от СПИДа” (“арменикум”, витурид),

¹ Покровский В. И. Что питает вирус СПИДа? – Дефицит нравственности; Можно ли остановить эпидемию? // Советская Россия. 1988. 20 июля.

Всемирный день борьбы со СПИДом (1 декабря), специальные научные (как правило, международные) форумы и пресс-конференции специалистов, внезапное обнаружение большого числа людей с ВИЧ в тех или иных учреждениях пенитенциарной системы, наконец, предполагаемые случаи “СПИД-терроризма”.

Так, по данным исследования Ж. В. Журавлевой, 12% публикаций о ВИЧ/СПИДе в газетах «Известия» и «Комсомольская правда» в период с января по август 2001 г. посвящены “СПИД-терроризму” или умышленной передаче вируса от ВИЧ-положительных к ВИЧ-отрицательным¹. Между тем, до настоящего времени не подтвержден ни один случай использования шприцев, игл, инфицированной крови с целью терроризирования окружающих. “Неизвестные с шприцами” в общественном транспорте, кинотеатрах и пр. – это еще одна разновидность городских легенд, “страшилок”, не в последнюю очередь распространяемых средствами массовой коммуникации в погоне за драматичностью, сенсационностью и новизной.

Тот факт, что средства массовой коммуникации обращаются к теме ВИЧ/СПИДа, главным образом, при наличии информационных поводов, подтверждается следующими данными Ж. В. Журавлевой. В период с 1987 по 1989 гг. поводом к опубликованию в «Известиях» и «Комсомольской правде» 68% сообщений были события и происшествия, которые имели место в течение последней недели, и только 13% сообщений касались “вневременных” аспектов проблемы. С января по август 2001 г. процент публикаций “по свежим следам” в «Известиях» и «Комсомольской правде» был таким же, как в 1987–1989 гг., а “вневременные аспекты” проблемы рассматривались в 6% публикаций².

Наш анализ публикаций, представленных в «Летописи газетных статей», показывает, что *14% статей с 1988 г. по 2002 г.*

¹ Журавлева Ж. Извращенец – жертва – террорист: социальное конструирование ролевого репертуара ВИЧ-инфицированных в масс-медиа // Рубеж. 2003. № 18. С. 181.

² Журавлева Ж. В. ВИЧ-инфекция и СПИД в масс медиа: конструирование социальной проблемы: Дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2002. С. 154.

приурочены к 1 декабря (этот день отмечается как Всемирный день борьбы со СПИДом с 1988 года).

Очевидно, что информационные поводы, касающиеся ВИЧ/СПИДа, появляются редко, и не все сообщения, вызванные ими, способствуют формированию адекватного восприятия ситуации с ВИЧ у аудитории.

Анализ заголовков и содержания статей, включенных в «Летопись газетных статей», свидетельствует о том, что журналисты и, как ни странно, некоторые специалисты, часто используют вводящие в заблуждения штампы, такие, как “чума XX/XXI века” и “группы риска”, а также наклеивают дискриминационные ярлыки “гомосексуалисты”, “наркоманы” и пр.

Академик В. И. Покровский отмечал еще в 1988 г.: «Сравнение ВИЧ-инфекции с чумой не очень удачное. Совершенно иные принципы заражения... ведь чума передается или с блохами, или по воздуху, поэтому интенсивность ее распространения гораздо выше. “Чума XX века” – это просто газетный штамп. У нас и наркомания – “чума XX века”, и проституция – “чума XX века”, чего только не называют чумой»¹. По мнению И. Савельевой, сравнение с чумой нагнетает СПИДофобию, истерию и средневековый страх перед инфекцией, а также способствует дискриминации и изоляции людей, живущих с ВИЧ². Не отставая от бега времени, некоторые журналисты уже используют выражение “чума XXI века”³.

В первые годы распространения ВИЧ в СССР чрезвычайно распространенным был стереотип, согласно которому СПИД – это угроза, исходящая от США как «средоточия всех пороков капиталистической системы» и других западных стран. В заголовках статей 1986-1994 гг. используются выражения “американский синдром”, “СПИДоввоз”, “чума с Запада”. Ж. В. Журавлева указывает, что в 40% статей о ВИЧ/СПИДе, опубликованных в газетах «Известия» и «Комсомольская правда» в 1987-1988 гг.,

¹ Покровский В. И. Что питает вирус СПИДа? – Дефицит нравственности; Можно ли остановить эпидемию? // Советская Россия. 1988. 20 июля.

² Савельева И. Указ. соч. С. 125.

³ См., например, номера «Парламентской газеты» 24 апреля 2002 г. и «Советской России» 8 февраля 2003 г.

заболевание рассматривается в связи с США, при этом в 27% случаев эта страна упоминается как очаг заболевания и концентрации эпидемии, а в 46% публикаций с упоминанием национальной принадлежности людей с ВИЧ делается акцент на том, что именно граждане США являются “носителями” и “разносчиками” болезни¹.

Чрезвычайно опасным по своим последствиям является использование журналистами и некоторыми экспертами выражения “группы риска”. Последнее неоднократно встречается не только в тексте, но и выносится в заголовки газетных статей. Данное выражение, во-первых, способствует тому, что люди воспринимают ВИЧ/СПИД отстраненно, как что-то далекое и касающееся только “наркоманов”, “геев” и “проституток”, во-вторых, оно является дискриминационным. “Группой риска”, очевидно, является все российское общество, а в конечном счете все мировое сообщество. «“Группы риска” – устаревшее, безграмотное и часто дискриминационное выражение, которое полностью вышло из обихода антиСПИДовского сообщества. Риск определяет не принадлежность к какой-либо группе, а индивидуальное поведение. Некоторые части общества могут быть более уязвимы для ВИЧ, поскольку в силу ряда факторов (бедности, дискриминации, бесправия) не могут себя обезопасить и избежать рискованных ситуаций. В таком случае уместно выражение “уязвимая группа”»². Между тем, даже беседа с далеко не рядовым специалистом – директором Южного окружного центра по борьбе со СПИДом, опубликованная в «Парламентской газете» 4 июля 2000 г. (на четырнадцатом году эпидемии в России), озаглавлена «СПИД – болезнь наркоманов, проституток, боевиков».

Необходимо отметить, что до сих пор журналисты в своих публикациях часто смешивают понятия “ВИЧ” и “СПИД”, когда пишут о “заражении СПИДом” и “больных СПИДом” (хотя речь в этих случаях идет о людях с ВИЧ). До 1996 г. в заголовках

¹ Журавлева Ж. Извращенец – жертва – террорист: социальное конструирование ролевого репертуара ВИЧ-инфицированных в масс-медиа // Рубеж. 2003. № 18. С. 176.

² Савельева И. Указ. соч. С. 126.

публикаций, представленных в «Летописи газетных статей», вообще не используется термин “ВИЧ” (за исключением одной статьи, опубликованной в 1994 г., в заголовке которой указывается название организации «Ассоциация против ВИЧ/СПИД»). Такого рода смешение также вводит общественность в заблуждение.

Если сравнить изменение числа публикаций о ВИЧ/СПИДе в советских/российских газетах с тем, как эпидемия представлялась с течением времени средствами массовой коммуникации в западных обществах, то становится очевидным некоторое сходство. В частности, в США после первой волны сообщений об эпидемии в 1983 г. последовал спад в числе публикаций, вызванный потерей интереса аудитории и редакторов к этой теме, несмотря на рост заболеваемости. Американские средства массовой коммуникации отказывались от освещения эпидемии, «не имея “крючка”, позволяющего привлечь внимание аудитории»¹.

Так обстоит дело и с рядом других проблем, например, с демографическим взрывом на Земле. По оценкам экспертов, каждый день население земного шара увеличивается на несколько сот тысяч человек.

«Здесь мы имеем дело с событием, определяющим судьбу целых наций и влияющим на качество жизни каждого живущего на планете, – отмечает канадский социолог Р. Хеншель, – и, тем не менее, это не новость. По крайней мере, это не «новость» в обычном понимании этого слова. Это событие слишком медленно прогрессирует... Его последствия в конечном счете являются катастрофическими, но основной принцип, определяющий, насколько происходящее заслуживает освещения в качестве новостей, заключается в ключевых словах “каждый день”. Поскольку это происходит каждый день, день за днем, это каким-то образом не является новостью. Но демографический взрыв не может, подобно смерти известной

¹ Альберт Э. Указ. соч. С. 122. Другое американское исследование на эту тему: Baker, A. J. 'The Portrayal of AIDS in the Media: An Analysis of Articles in the New York Times', in Feldman, D. A., and Johnson, T. M. (eds.), *The Social Dimensions of AIDS: Method and Theory*. N.Y., 1986, pp. 179-194. О представлении ситуации с ВИЧ/СПИДом британскими СМИ см.: Beharrell, P. 'AIDS and the British Press', in Eldridge, J. (ed.), *Getting the Message: News, Truth and Power*. London: Routledge, 1994, pp. 210-249; Miller, D., Williams, K. 'Negotiating HIV/AIDS Information: Agendas, Media Strategies and the News', in Eldridge, J. (ed.), *Ibid.*, pp. 126-142.

кинозвезды, произойти в один день... Долгосрочный эффект такой странной, порочной ситуации с новостями заключается, очевидно, в крайне искаженном понимании общественностью основных сил, действующих в этом мире, и соответственном непонимании социальных проблем»¹.

Примером повода для обращения средств массовой коммуникации к демографической ситуации на Земле были рождение шестимиллиардного жителя Земли 12 октября 1999 г. и приезд Генерального секретаря ООН в Сараево, где это “произошло”, но такого рода события происходят крайне редко.

Таким образом, в случае с распространением ВИЧ/СПИДа мы имеем дело со своего рода порочным кругом. *Несмотря на стремительный рост числа случаев ВИЧ, средства массовой коммуникации в силу ряда причин фундаментального характера не уделяют этому явлению значительного внимания. Население, представление которого о ситуации с ВИЧ/СПИДом формируется, главным образом, средствами массовой коммуникации, не осознает ее серьезность. Следствием этого является отсутствие готовности членов общества защищать себя при сексуальных контактах и инъекциях, думать о безопасности как своих близких, так и незнакомых людей, способствовать реализации программ снижения вреда для людей, употребляющих наркотики, и программ распространения использования презервативов. В конечном счете, отсутствие такой “мобилизованности” означает сохранение благоприятных условий для дальнейшего распространения ВИЧ.*

¹ Хеншель Р. Определение социальных проблем средствами массовой коммуникации // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 65-66.

6.4. ВИЧ/СПИД и “повестка дня” российских политиков

Существует ли выход из этого “информационного тупика”? Каким образом возможен перевод ситуации с ВИЧ/СПИДом в разряд приоритетных социальных проблем и “пунктов повестки дня” с целью мобилизации общества на принятие профилактических мер и поиск ресурсов для помощи людям с ВИЧ/СПИДом?

Представляется, что важную роль в данном случае могли бы сыграть общественные организации, способные профессионально разработать и провести кампанию по привлечению внимания средств массовой коммуникации и общественности к ситуации с ВИЧ/СПИДом, включая, в частности, “производство новостей” – преднамеренное создание информационных поводов, организацию различного рода медиа-событий. Примером таких событий, организуемых в другой сфере, являются некоторые действия организации “Гринпис”. Очень важно при этом избежать возникновения моральных паник, необоснованных страхов и распространения дискриминационных действий в отношении людей с ВИЧ.

Между тем, интенсивный поток сообщений об эпидемиологической ситуации по каналам массовой коммуникации невозможен без более или менее регулярного потока новостей о реакции официальных структур, включая правительственные, на распространение ВИЧ/СПИДа. Как показывает опыт различного рода коммуникационных волн, например, “волн преступности”, значительную роль в повышении внимания журналистов к тому или иному явлению обычно играют заявления и действия властей¹. Вследствие этого кампания по конструированию социальной проблемы ВИЧ/СПИДа, проводимая заинтересованными организациями, должна быть в первую очередь нацелена на привлечение внимания со стороны властных структур. По мнению ряда исследователей, поток информации при конструировании социальных проблем обычно направлен следующим образом: «от беспокойности профессиональных и других заинтересованных

¹ Фишман М. Волны преступности как идеология // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 85-114.

групп через независимые публикации и внимание со стороны правительства к вниманию со стороны средств массовой коммуникации и общественной озабоченности»¹.

Совершенно очевидно, что проблема ВИЧ/СПИДа в настоящее время не является приоритетом для российских политиков. В частности, этот вопрос почти не затрагивается в публичных выступлениях Президента России. В своем Послании Федеральному Собранию в 2003 г., на семнадцатом году эпидемии в России Владимир Путин лишь вскользь коснулся проблемы ВИЧ/СПИДа: «Усугубляет ситуацию [сокращение численности российского населения] распространение так называемых “новых” эпидемий, включая наркоманию и СПИД»². Российские власти несоизмеримо больше обеспокоены удвоением ВВП, вступлением России во Всемирную торговую организацию, угрозой со стороны международных террористических организаций и повышением обороноспособности страны, нежели угрозой для жизни нескольких миллионов россиян, какую представляет ВИЧ.

Как отмечает Реми Ленуар, «возведение той или иной ситуации в ранг “социальной проблемы” интересует государственную власть либо в силу того, что с таким определением связаны “решения”, которые государство может осуществить через принятие соответствующих мер, либо потому, что считается возможным ее постичь и измерить с достаточной долей точности, создавая таким образом впечатление возможности удержания ее под контролем, что не может не усилить представление о государстве как о всезнающем, а, стало быть, всемогущем»³. ВИЧ/СПИД изначально не интересен государственной власти ни в том, ни в другом отношении.

¹ См.: Сконфельд А. К., Мейер Р. Ф., Гриффин Р. Д. Конструирование социальной проблемы: пресса и инвайронментализм // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 159.

² Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2003. 17 мая.

³ Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.; СПб., 2001. С. 139.

Стоит напомнить, что Президент США Рональд Рейган впервые публично произнес слово “СПИД” в 1987 г., на шестом году эпидемии в Соединенных Штатах, когда число смертей от СПИДа стало измеряться уже не тысячами, а десятками тысяч, а в 1990 г. уже в качестве экс-президента он принес извинения американцам за невнимание к проблеме СПИДа в годы своего президентского правления¹.

Почему российские власти не артикулируют проблему распространения ВИЧ/СПИДа, несмотря на наличие тревожных статистических данных и экспертных оценок? Наиболее вероятными причинами являются стереотипное восприятие ситуации с ВИЧ как угрозы только для некоторых категорий населения, крайне негативное, репрессивное отношение к людям, употребляющим наркотики, опасение помешать привлечению в страну инвестиций и еще более затруднить поездки россиян по Европе, наконец, нежелание тратить финансовые средства на приобретение или организацию производства противовирусных препаратов для лечения людей с ВИЧ.

В настоящее время существует целый ряд лекарственных средств, подавляющих активность вируса иммунодефицита человека. Первый такой препарат – AZT (ретровир) – был одобрен в некоторых западных странах еще в 1987 г. Уже разработана и используется комплексная противовирусная терапия, не излечивающая окончательно от ВИЧ, но на длительное время отсрочивающая угрозу наступления терминальной стадии. Благодаря такой терапии США и другим западным странам удалось существенно снизить смертность от СПИДа. В первой половине 1990-х гг. в США в год регистрировалось несколько десятков тысяч смертей от СПИДа, но уже с 1997 г. число смертей резко уменьшается². Однако такая терапия недоступна для большинства людей с ВИЧ за пределами западных обществ, в том числе и в России. В настоящее время стоимость комплексной противовирусной терапии для одного человека составляет в среднем 6 тысяч американских долларов в год. Если умножить это

¹ Савельева И. Указ. соч. С. 118-119.

² Там же. С. 118-120.

число на число только официально зарегистрированных людей с ВИЧ в России, то мы получим сумму более полутора миллиарда долларов. Выход может быть в организации производства отечественных лекарственных препаратов. Однако для этого проблема ВИЧ/СПИДа должна стать одним из приоритетов для российских политиков и общественности. Следует отметить, что в 1989 г. фирма, производящая AZT, снизила стоимость препарата на 20%, но произошло это под давлением активистов американской антиСПИДовской общественной организации Экт Ап, действующей под девизом “Молчание – смерть”.

Между тем, в настоящее время нет каких-либо признаков движения в этом направлении в России. ВИЧ продолжает быстро распространяться, не являясь важным вопросом для политиков, новостью для средств массовой коммуникации и предметом внимания и обеспокоенности для общественности.

ГЛАВА 7. НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Группы, конструирующие ту или иную социальную проблему, то есть пытающиеся привлечь внимание общественности и политиков к той или иной ситуации, обычно озабочены тем, чтобы получить доступ к средствам массовой коммуникации и способствовать представлению данной ситуации телевидением, радио, газетами в выгодном для себя ракурсе. Соображения, которыми руководствуются такие группы и поддерживающие их журналисты, часто сводятся к следующему: «чем больше сообщений, тем лучше». Между тем, повторяющиеся сообщения средств массовой коммуникации о социальных проблемах могут иметь не только эффект мобилизации общественности и политиков с целью изменения той или иной ситуации, но и, напротив, способствовать возникновению “усталости сострадать” жертвам преступлений, беженцам и вынужденным переселенцам, людям с ВИЧ/СПИДом, беспризорным детям, людям с ограниченными физическими возможностями, потере чувствительности к сообщениям о них (своего рода анестезии), появлению попыток избежать информации о тех или иных социальных проблемах.

Важно принимать во внимание следующие возможные стадии социальных проблем, на которые указывает Энтони Даунс: (1) предпроблемная стадия, когда условие существует, но еще не завладело общественным вниманием; (2) стадия открытия “проблемы” и энтузиазма, уверенности в том, что проблема может быть решена; (3) стадия понимания, что решения не так легки, как это казалось ранее; (4) спад общественного интереса в связи с возникновением обескураженности по поводу решений и скуки; (5) постпроблемная стадия, когда аудитория более не интересуется

проблемой¹. Очевидно, что существенную роль в переходе к четвертой и пятой стадии играют средства массовой коммуникации.

7.1. Понятие наркотизирующей дисфункции средств массовой коммуникации

Начало традиции изучения незапланированных, непреднамеренных эффектов массовой коммуникации положили Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон² своей концепцией наркотизирующей дисфункции средств массовой коммуникации.

Все большую часть времени, указывают Лазарсфельд и Мертон, члены современного общества затрачивают на потребление продукции средств массовой коммуникации. Однако огромное количество получаемых сообщений «может вызывать лишь поверхностное внимание к социальным проблемам, и это внимание часто скрывает массовую апатию»³.

«Потоки информации часто способствуют усыплению, наркотизации, нежели активности рядового читателя или слушателя. Поскольку все большая часть времени отводится чтению и прослушиванию, сокращается та его доля, которая может быть уделена организованному социальному действию. Индивид читает сообщения о проблемах и даже может обсуждать альтернативные варианты действий. Однако все это в значительной мере относится к области интеллектуальной. Активизации этого отдаленного отношения к организованному социальному действию не происходит. Гражданин может быть доволен своим высоким уровнем интереса и

¹ Downs, A. 'Up and Down with Ecology: The "Issue-Attention Cycle"', in Protesse, D.L., McCombs, M. (eds.), *Agenda Setting: Readings on Media, Public Opinion, and Policymaking*. Hillsdale, N.J., 1991, p. 28-29. Концепция Э. Даунса излагается по: Loseke, D. R., *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. N.Y., 1999, p. 96.

² Lazarsfeld, P. F., and Merton, R. K. 'Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action', in Bryson, L. (ed.), *The Communication of Ideas*. N.Y., 1948, pp. 95-118. Перевод на русский язык: Лазарсфельд П., Мертон Р. *Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие* // Назаров М. М. *Массовая коммуникация в современном мире*. М., 1999. С. 138-149.

³ Лазарсфельд П. Ф., Мертон Р. К. *Наркотизирующая дисфункция средств массовой коммуникации* // *Средства массовой коммуникации и социальные проблемы*. Казань, 2000. С. 185.

информированности, не замечая своей оторванности от принятия решений и действий. Короче говоря, он воспринимает свои вторичные контакты с миром политической реальности – чтение, прослушивание, размышление – как некое замещающее действие. Он делает ошибку, отождествляя *знание* о проблемах дня с *действиями* в отношении них. Его совесть абсолютно чиста. Он находится в курсе дела. Он информирован. Он имеет массу идей о том, что должно быть сделано. Однако после того как он пообедал, прослушал свою любимую радиопрограмму и прочел вторую за день газету, приходит время отходить ко сну.

В этом специфическом отношении средства массовой коммуникации могут быть причислены к наиболее эффективным и признанным социальным наркотикам. Они настолько эффективны, что наркоман не осознает своей болезни...

Непреднамеренным результатом воздействия все возрастающих доз массовой коммуникации может быть отвлечение энергии людей от активного участия и превращение ее в пассивное знание»¹.

Идея такого наркотизирующего эффекта массовой коммуникации развивалась в дальнейшем Нейлом Постманом применительно к телевидению². В частности, Постман, рассматривая воздействие современного телевидения на аудиторию, использует образ сомы, вымышленного наркотического препарата, описанного Олдосом Хаксли в его антиутопии «О дивный новый мир». Сомы, широко распространенный в изображаемом обществе, «социально одобряемый» наркотик, «успокаивает, дает радостный настрой, вызывает приятные галлюцинации», заключает в себе «все плюсы христианства и алкоголя – и ни единого их минуса»³.

«Захотелось, и тут же устраиваешь себе сомотдых – отдых от реальности, и голова с похмелья не болит потом, и не засорена никакой мифологией...

Если... в сплошной череде развлечений обнаружится разрыв, расселина, то всегда есть сома, сладчайшая сома: принял полграмма – и получай небольшой сомотдых; принял грамм – нырнул в сомотдых вдвое глубже; два грамма унесут тебя в грезу роскошного Востока, а три умчат к луне на блаженную темную вечность. А

¹ Там же. С. 185-186.

² Postman, N., *Amusing Ourselves to Death*. Harmondsworth, 1985.

³ Хаксли О. *О дивный новый мир*. Через много лет. СПб., 1999. С. 61.

возвратясь, окажешься уже на той стороне расселины, и снова ты на твердой и надежной почве ежедневных трудов и утех, снова резво порхаешь от ощущалки к ощущалке»¹.

Если принять во внимание, что в среднем россияне затрачивают более трех часов в день на просмотр телепередач, а содержание подавляющего большинства просматриваемых программ, включая телевизионные новости, имеет развлекательный характер, то аналогия телевидения с сомой, используемая Н. Постманом, представляется совершенно уместной.

7.2. Концепция “усталости сострадать”

Важным шагом в развитии исследований незапланированных эффектов массовой коммуникации была разработка концепции “усталости сострадать” тремя американскими социологами – Кэтрин Кинник, Динотом Кругманом и Гленом Камероном².

Идею сострадания как одного из ресурсов, за обладание которым конкурируют социальные проблемы, предложили С. Хилгартнер и Ч. Боск в рамках своей концепции публичных арен. Хилгартнер и Боск пишут о “лишнем сострадании” (“surplus compassion”), которое члены общества могут найти у себя в отношении того, что находится за пределами их обычных непосредственных забот в рамках их социального статуса. «Отбор людьми социальных условий, причиняющих им беспокойство, определяется их “главным статусом”; неполно занятые чернокожие мужчины, белые мужчины – представители деловых кругов – и принадлежащие к среднему классу и белой расе женщины с маленькими детьми живут в значительно отличающихся одна от другой повседневных “реальностях” и склонны беспокоиться по

¹ Там же. С. 61-62.

² Kinnick, K. N., Krugman, D. M., and Cameron, G. T., ‘Compassion Fatigue: Communication and Burnout toward Social Problems’, *Journalism & Mass Communication Quarterly*, Vol. 73 (3), Autumn 1996, pp. 687-707. Перевод на русский язык: Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. “Усталость сострадать”: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 187-217.

поводу различных социальных явлений. Когда приоритеты их главного статуса удовлетворены, у них может оставаться крайне небольшое количество “лишнего сострадания” – в отношении социальных вопросов, обладающих меньшим личным значением»¹.

Понятие “усталость сострадать” (“compassion fatigue”) использовалось прежде для описания эмоционального состояния людей, профессия которых заключается в оказании помощи другим людям, прежде всего состояния медицинского персонала. На русский язык этот термин можно перевести также как “эмоциональное выгорание”.

Кинник, Кругман и Камерон попытались применить данное понятие к эмоциональному состоянию аудитории средств массовой коммуникации, возникающему в результате потока сообщений о социальных проблемах и порождаемых этими проблемами бедах и страданиях людей. В середине 1990-х гг. они провели исследование влияния средств массовой коммуникации на отношение жителей г. Атланты и его пригородов к (1) жертвам насильственных преступлений, (2) бездомным, (3) людям со СПИДом и (4) детям, подвергающимся жестокому обращению. В ходе исследования использовался телефонный опрос. Попытки дозвониться по отобранным случайным образом 550 домашним телефонным номерам имели результатом 316 законченных интервью, состоявших из 35 вопросов (среднее время интервью – пятнадцать минут).

Исследователей интересовало: (1) Существует ли обусловленный средствами массовой коммуникации феномен “усталости сострадать”? (2) Если этот феномен существует, то какие переменные позволяют его предсказывать? (3) Если этот феномен существует, то каким образом он проявляется?

Один из ключевых вопросов интервью был сформулирован следующим образом: «Одни могут сказать, что тот объем сообщений средств массовой коммуникации о данных проблемах,

¹ Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 28.

который они получают, повышает их чувствительность к ним, тогда как другие сказали бы, что эти сообщения имеют противоположный эффект и ведут к возникновению усталости сострадать в отношении данных проблем. Используя шкалу от 1 до 5, где 5 означает высокую чувствительность, а 1 – усталость сострадать, оцените влияние на Вас сообщений средств массовой коммуникации о бездомности/насильственных преступлениях/жестоким обращении с детьми/СПИДе»¹.

Отвечая на этот вопрос, 40,1% респондентов сообщили, что ощущают усталость сострадать или приближаются к этому состоянию в отношении насильственных преступлений, 35% – в отношении СПИДа, 33,1% – в отношении бездомности и 14,7% – в отношении жестокого обращения с детьми. Выяснилось, что в большей степени усталость сострадать испытывают белые, мужчины и люди со средним образованием (в прошлом окончившие колледж).

О существовании связи между средствами массовой коммуникации и усталостью сострадать свидетельствуют данные о том, что испытывающие это состояние в отношении той или иной социальной проблемы склонны избегать сообщений телевидения, радио, газет и журналов о данной проблеме. Это принимало такие формы, как «уклонение от информационных программ, сообщавших последние местные новости, переключение каналов, выключение или отключение звука телевизора или радио, откладывание газеты в сторону, мысленное отвлечение от предлагаемого сюжета, беглое просматривание газетных и журнальных статей, большая избирательность в выборе программ, сокращение использования средств массовой коммуникации в целом и контроль за просмотром телепередач детьми»².

Кинник, Кругман и Камерон отмечают, что чаще, чем любую другую стратегию уклонения, респонденты упоминали попытки избежать сообщений о проблеме, вызывающей усталость

¹ Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 216.

² Там же. С. 205-207.

сострадать, в местных телевизионных новостях. Эти данные согласуются с ответами на один из закрытых вопросов интервью, которые показали, что после просмотра новостей по местному телевидению респонденты чувствуют себя эмоционально более опустошенными (“выгоревшими”), чем после чтения газеты или новостей, передаваемых по национальному телевидению¹.

Анализируя особенности средств массовой коммуникации, способствующие возникновению усталости сострадать, Кинник, Кругман и Камерон подчеркивают такие отличительные черты представления социальных проблем телевидением, радио, газетами и журналами, как (1) акцент на сенсационном, (2) преобладание “плохих новостей”, (3) неспособность представить контекст социальных проблем и (4) представление социальных проблем, а не их решений.

Исследователи делают два важных вывода, имеющих практическое значение: (1) Выяснилось, что наибольшую усталость сострадать в отношении бездомности и СПИДа испытывают индивиды, наиболее удаленные от этих проблем с точки зрения их жизненных обстоятельств. *Поэтому организациям, занимающимся социальными вопросами, следует способствовать тому, чтобы между зрителями и жертвами возникало ощущение большего сходства.* (2) Те, кто испытывал усталость сострадать в отношении СПИДа и жестокого обращения с детьми, в гораздо меньшей степени были склонны обсуждать эти проблемы с другими людьми. Это означает, что *межличностная коммуникация может быть одним из средств предотвращения или сокращения размеров потери чувствительности к проблемам.*

Итак, развивая идею насыщения, используемую, в частности, С. Хилгартнером и Ч. Боском, то есть идею пороговой точки общественного внимания, за которой дальнейшие сообщения о проблеме уже не могут вызвать значительного интереса к данному вопросу, авторы концепции усталости сострадать говорят о существовании порога, за которым насыщение имеет скорее отрицательный, а не нейтральный эффект. Когда сообщения о

¹ Там же. С. 207.

социальной проблеме достигают пороговой точки насыщения, «они не просто не имеют влияния на аудиторию, а могут оказывать на нее *отрицательное* влияние»¹. В этом случае аудитория будет пытаться избежать сообщений о ней. Таким образом, исследование К. Кинник, Д. Кругмана и Г. Камерона убедительно опровергает однозначное представление о том, что чем больше сообщений о той или иной социальной проблеме, тем лучше с точки зрения участия населения в изменении соответствующей ситуации в обществе. *«Безжалостное сообщение плохих новостей средствами массовой коммуникации будет отчуждать общественность, заставляя ее отворачиваться от социальных проблем... Коммуникационные стратегии должны во все большей степени учитывать перспективу работы с информационно перегруженной и эмоционально подавленной общественностью»*².

7.3. Эмоциональное выгорание российской общественности и перспективы конструирования социальных проблем

Изучение усталости сострадать или эмоционального выгорания российской общественности в результате представления социальных проблем средствами массовой коммуникации является одним из наиболее важных и перспективных направлений исследований на стыке социологии социальных проблем и социологии массовой коммуникации. До сих пор нет ни одной работы на эту тему в российской социологии.

Между тем, можно предположить, что в российском обществе такое эмоциональное состояние является широко распространенным, если принять во внимание интенсивность потока сообщений о преступлениях, террористических актах, замерзающих городах, войне на Северном Кавказе.

Слова Энтони Даунса, о том, что «жалкий образ вымазанной нефтью чайки или мертвого солдата бледнеет после того, как

¹ Там же. С. 192.

² Там же. С. 208-212.

видишь это дюжину раз»¹, вероятно, полностью применимы к состоянию российских зрителей, привыкших почти ежедневно видеть на экранах своих телевизоров окровавленных людей, пострадавших в результате террористических актов, дорожно-транспортных происшествий и насильственных преступлений. В ходе исследования представления преступности местными телевизионными новостями, основные результаты которого описываются в пятой главе, было выявлено, что в течение четырех недель, с 24 октября по 20 ноября 2003 г., в 24 выпусках программы “Перехват” телекомпании “Эфир” не менее 14 раз демонстрировались мертвые, окровавленные тела жертв преступлений и несчастных случаев. В ряде случаев использовался крупный план. В это число мы не включили почти ежедневные случаи показа тел людей, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий.

В какой степени существование такого явления, как “усталость сострадать” аудитории, осознается журналистами, занимающимися подготовкой и сообщением новостей о преступности и других социальных проблемах, заведующими отделов новостей, редакторами газет, радиостанций и телекомпаний?

Нельзя сказать, что в журналистском сообществе в целом отсутствует осознание “анестезирующих” последствий показа насилия, крови, мертвых тел. В этических рекомендациях для сотрудников Би-би-си указывается: «Следует находить баланс между задачей говорить правду и опасностью снизить порог чувствительности аудитории. Без достаточно веских оснований не следует показывать трупы... Равным образом не следует без оснований концентрировать внимание на кровавых последствиях несчастного случая»². В «Правилах профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции», разработанных Союзом журналистов России, указывается: «Журналист должен...

¹ Downs, A., ‘Up and Down with Ecology: The “Issue-Attention Cycle”’, in Protes, D. L., McCombs, M. (eds.), *Agenda Setting: Readings on Media, Public Opinion, and Policymaking*. Hillsdale, N.J., 1991, p. 32.

² Цит. по: Муратов С. ТВ – эволюция нетерпимости. М., 2000. С. 99.

воздерживаться от неподобающей сенсационности и натурализма при показе жестокости и насилия, уважая нравственные и религиозные чувства представителей аудитории СМИ и прежде всего проявляя должное уважение к страданиям жертв терроризма и чувствам их близких, дабы не усугублять их бестактным освещением событий»¹.

Между тем, данные исследовательского проекта, осуществленного Д. Федоровой под руководством И. Ясавеева, свидетельствуют о том, что такого рода последствия вообще не осознаются частью журналистов. Из интервью журналисты казанских и республиканских телекомпаний и газет:

«Шеф говорит: больше вставлять трупы, чтобы люди их каждый день видели, будто шоковая терапия».

«Я пишу о том, что интересно мне: ведь я такой же человек, а все люди стереотипны, у всех одна и та же шкала ценностей, инстинкты. Все любят почитать экзотику, всем интересен маленький мальчик, задохнувшийся в канализации».

«Утром мы отбираем самое интересное. По картинке смотрим, где больше крови. Это цинично, но так приходится делать».

«Специфика нашей программы – слезы, кровь, трагедии, но мы знаем, что зрителю это нравится, люди смакуют сюжеты».

«В зависимости от настроения я задумываюсь о том, как люди реагируют на мои сюжеты, но по большому счету мне по барабану. Цель я часто преследую только одну, – чтобы кого-нибудь наказали. А вообще, все намного проще – вся моя аудитория – это литературный редактор, а я здесь сижу, чтобы деньги зарабатывать».

Часть опрошенных журналистов, в основном работающих на уровне редакторов, согласны с тем, что аудитория теряет чувствительность:

«Когда слишком часто показываешь кровь, – народ к ней привыкает, а этого быть не должно. Поэтому должны быть “ровные” эфиры, которые время от времени разбавляются

¹ Правила профессионального поведения журналистов, освещающих акты

скандалами. Чтобы завлечь телезрителя, показывая однотипную тему, журналист должен сам меняться, к примеру, менять имидж».

«Когда показывают трупы, кровь – аудитория остается равнодушной, их больше не задевают реки крови».

«Десять лет назад сюжеты о крови и насилии вызывали ужас и отвращение, панику, а сейчас всем все равно. Очень трудно найти темы, которые вызывают эмоциональный отклик и интерес. С эмоциями стало туго».

«В телекомпании X – сплошная “чернуха”, я считаю это неправильным. Основную информацию люди получают из газет. Реальность создают масс-медиа. Казанская аудитория устала от крови, убийств, татарстанская – от политики, а российская – от проблем наркомании».

«Не надо часто давить на зрителей – это плохо действует на психологию. Люди устали от “чернухи”. Хочется, чтобы было больше доброго, веселого».

В то же время выход из этой ситуации некоторыми журналистами видится, похоже, не в корректировании представления преступности и других проблем, а в использовании таких же по характеру материалов, но вызывающих больший отклик у аудитории:

«Интересны трагедии, происшествия, связанные с детьми. Всегда, когда на экране страдает ребенок, он погибает, или ему плохо, он болеет, то это всегда оживляет публику, вызывает отклики».

Нетрудно спрогнозировать, что в результате эксплуатации такими журналистами “детской” темы аудитория через некоторое время перестанет сострадать и детям, ставшим жертвами несчастных случаев, насилия, заболеваний и т. д. Примерно такими же являются и перспективы конструирования средствами массовой коммуникации проблемы беспризорных детей.

Местные журналисты совершенно не используют предложенную К. Кинник, Д. Кругманом и Г. Камероном стратегию минимизации

усталости сострадать посредством создания ощущения большего сходства между зрителями и жертвами. Показывая и описывая жертв насильственных преступлений, наркозависимых, бездомных и т. д., журналисты не проводят каких-либо параллелей между нынешней жизненной ситуацией зрителей и жизненной ситуацией представляемых категорий людей. Например, факты и истории, свидетельствующие о том, что среди бездомных есть люди с высшим образованием и кандидатскими и докторскими степенями, что в прошлом многие из не имеющих ныне крова над головой жили вполне благополучной жизнью, совершенно не представляя, что они станут бездомными, могли бы способствовать более терпимому и сочувственному отношению окружающих. Впрочем, бездомность, как и целый ряд других рассматриваемых проблем, крайне редко становится предметом внимания журналистов.

Таким образом, концепции наркотизирующей дисфункции и усталости сострадать указывают на то, что средства массовой коммуникации не всегда являются эффективным каналом конструирования социальных проблем. Разрабатывая кампанию по “созданию” той или иной проблемы, следует учитывать вероятность потери чувствительности со стороны аудитории в результате потока сообщений о данной проблеме. Совершенно очевидно, что такого рода эффект вполне предсказуем, в частности, в случае конструирования проблемы положения людей с ограниченными физическими возможностями.

Люди с ограниченными физическими возможностями испытывают колоссальные трудности в российском обществе из-за недостатка денег на проживание и обеспечение всем необходимым, отсутствия должного медицинского обслуживания, ограниченности общения с другими членами общества и невозможности полного участия в общественной жизни. Одно из распространенных первых впечатлений россиян, оказавшихся в каком-либо западном обществе, связано с многочисленностью людей с ограниченными возможностями. «Почему здесь так много инвалидов?» Чуть позже вдумчивые наблюдатели понимают, что причины этого связаны не с численностью людей с ограниченными возможностями в том или ином обществе, а с условиями, создаваемыми для них, и

отношением окружающих. Внимание к трудностям этой категории людей, наличие особой инфраструктуры, включающей в себя приспособления в общественном транспорте, пандусы, лифты, указатели, облегчающие передвижение людей на колясках, специально оборудованные места в театрах, концертных залах, кинотеатрах, учебных аудиториях и студенческих столовых, приспособленные туалеты, светофоры, оборудованные звуковыми сигналами, все это способствует полному включению людей с ограниченными возможностями в общество западного типа. В России людей с ограниченными возможностями не меньше, но они вынуждены находиться дома, поскольку современная городская среда совершенно не приспособлена для передвижения людей на колясках, слепых и т. д. Именно с этим связано удивление студентов, впервые участвующих в проведении анкетного опроса в жилом массиве какого-либо российского города, вызванное тем, как часто после звонка в квартиру дверь им открывают люди на колясках. Представьте себе один из ваших ежедневных маршрутов по городу, например, из вашей квартиры в учебное заведение или в здание телекомпании или редакции газеты, и попробуйте ответить на вопрос, сможет ли проделать этот путь человек на коляске?

Жизнь людей с ограниченными возможностями в российском обществе скрыта от глаз большинства, они находятся дома или в специальных учреждениях, и это положение устраивает и политиков, и многих других членов общества. Проблемы как таковой нет. Одна из причин такого положения дел, помимо всего прочего, заключается в том, что конструирование этой социальной проблемы сталкивается с рядом трудноразрешимых трудностей. В данном случае крайне сложно использовать средства массовой коммуникации как канал проблематизации ситуации. Во-первых, трудности людей с ограниченными возможностями не отвечают ни одному из критериев отбора социальных проблем на публичных аренах. Эта ситуация не является драматичной для журналистов, политиков и общественности, она совершенно не отличается новизной, не соответствует политическим интересам правящих элит и культурным предпочтениям. Это не может быть новостью, поскольку в данном случае отсутствуют информационные поводы,

совершенно нет событий как таковых. Иными словами, проблема положения людей с ограниченными возможностями изначально имеет крайне низкие шансы на успех в конкуренции с другими социальными проблемами. Во-вторых, даже при наличии доступа к средствам массовой коммуникации телевизионные сюжеты и газетные материалы о проблемах людей с ограниченными возможностями вначале могут вызвать эмоциональный отклик у аудитории, однако, согласно концепции усталости сострадать, очень скоро на смену такой реакции придет эмоциональное выгорание. Люди перестанут реагировать на предлагаемые сюжеты или будут использовать те или иные стратегии уклонения от сообщений.

Фактор, который может способствовать изменению ситуации с конструированием данной социальной проблемы, – это, как и в случае с ВИЧ/СПИДом, *постоянное* внимание политиков к этой теме. Значительная часть новостей – это новости о том, что говорят и делают президенты, министры, мэры и парламентарии. Включение ими трудностей людей с ограниченными возможностями в свою “повестку дня” могло бы запустить механизм повышения внимания к этому явлению со стороны государственных служащих, журналистов и в конечном счете общественности. Эпизодическое же внимание к этой проблеме, демонстрируемое, в частности, Президентом России, как это было, например, в ходе «Прямой линии с Президентом» 19 декабря 2002 г., существенно ситуацию не меняет.

Между тем, некоторые общества прошли стадию успешного конструирования социальных проблем дискриминации, нарушения прав людей с ВИЧ/СПИДом, людей с ограниченными физическими возможностями, женщин и детей, подвергающихся насилию в семье, заключенных, военнослужащих и т. д., и это не может не давать повода для оптимизма в отношении будущего состояния российского общества. Улучшение положения этих категорий людей требует значительных усилий, но это посильные задачи для уважающей себя общественности. Несколько лет назад в предисловии к изданию своей книги на русском языке один из выдающихся социологов современности написал: «Действительность, которую иные представляют как ниспосланную

нам с небес или предписанную сверхчеловеческим разумом истории, социология видела как на самом деле временное, несовершенное творение вполне земных сил – человеческого ума и рук, иногда искусных, иногда не очень, а иногда и вовсе ни на что не способных. Как и сами люди, эта действительность не свободна от ошибок и отнюдь не безгрешна, но прелесть ее заключается в том, что именно люди, подумав да поднапрягшись, могут переделать ее, заменив чем-то лучшим или хотя бы более сносным»¹.

¹ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. – М.: Экономика, 2000.
2. Абрамкин В. Гуманистический проект национальной тюрьмы // Досье на цензуру. – 1999. – № 7-8. – С. 67-74.
3. Абрамкин В. Тюремное население России и других стран. Проблемы и тенденции. – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2003.
4. Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 115-138.
5. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Беккер Г. Девиантность как следствие “наклеивания ярлыков” // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 145-149.
7. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 164-175.
9. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 150-159.
10. Богданова Е. Конструирование проблемы защиты прав потребителей // Рубеж. – 2003. – № 18. – С. 162-172.
11. Варр М. Восприятие преступности обществом и реакция на нее // Криминология / Под ред. Дж. Шели. – СПб.: Питер, 2003. – С. 57-76.
12. Гилинский Я. И. Криминология. Курс лекций. – СПб.: Питер, 2002.
13. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XXвв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб.: Алетейя, 2000.

14. Денисов Б. П., Сакевич В. И. Динамика эпидемии ВИЧ/СПИД // СоцИс. – 2004. – № 1. – С. 75-85.
15. Домашнее насилие в отношении женщин: масштабы, характер, представления общества. – М.: МАКС Пресс, 2003.
16. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. «...И все подумали хором»: средства массовой информации и проблема установления повестки дня. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
17. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
18. Дэвис Ф. Дж. Криминальные новости в газетах Колорадо // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 73-84.
19. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – М.: Мысль, 1994.
20. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.
21. Еремичева Г. В., Симпура Ю. Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. – 1995. – № 2. – С. 179-189.
22. Еремичева Г. В., Симпура Ю. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 4. – С. 145-159.
23. Журавлев В. История жизни бомжа // Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. – М.: ИС РАН, 1996. – С. 179-206.
24. Журавлева Ж. В. ВИЧ-инфекция и СПИД в масс медиа: конструирование социальной проблемы: Дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2002.
25. Журавлева Ж. Извращенец – жертва – террорист: социальное конструирование ролевого репертуара ВИЧ-инфицированных в масс-медиа // Рубеж. – 2003. – № 18. – С. 173-183.
26. Здравомыслова Е. А. От социальной проблемы к коллективному действию: правозащитная организация «Солдатские матери» // Общественные движения в современной России: от социальной

- проблемы к коллективному действию. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. – С. 51-64.
27. Здравомыслова О. М. Проблема социальная // Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. Г. В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 584-585.
 28. Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003.
 29. Казань в 2003 году. Краткий информационно-справочный обзор экономики и социальной сферы. – Казань, 2004.
 30. Кареев Н. И. Социальный вопрос и социальная политика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Издательское Дело, Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т.61. – С. 72-75.
 31. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Слепое противостояние наркотикам неэффективно // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – № 4. – С. 100-111.
 32. Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 187-217.
 33. Комлев Ю. Ю., Толчинский Л. Г., Демидов В. Н. Средства массовой информации в коммуникативной деятельности органов внутренних дел: проблемы теории и практики. – М.: ВНИИ МВД России, 2001.
 34. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 519-550.
 35. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.
 36. Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.
 37. Куценко В. И. Общественная проблема: генезис и решение (Методологический анализ). – Киев: Наукова думка, 1984.
 38. Куценко В. И. Общественная проблема и ее характеристики // Методологические проблемы общественных наук. – М.: Наука, 1979. – С. 132-136.

39. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М.: УРСС, 1999. – С. 138-149.
40. Лазарсфельд П. Ф., Мертон Р. К. Наркотизирующая дисфункция средств массовой коммуникации // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 185-186.
41. Лемерт Э. Первичное и вторичное отклонения // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп./ Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 142-145.
42. Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 77-144.
43. Лохман Д. В головах людей нет презумпции невиновности // Досье на цензуру. – 1999. – № 7-8. – С. 22-27.
44. Маркс К. “Kolnische Zeitung” о выборах // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 6. – С. 226-229.
45. Мартиндейл Д. Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – С. 386-416.
46. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // СоцИс. – 1992. – № 2-4.
47. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. – М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998.
48. Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 3. – С. 74-90.
49. Оболенский Л. Е. Что в обществах следует считать болезнями? Опыт введения в общественную патологию // Мысль. – 1880. – № 7. – С. 57-76.

50. Офитова С., Уколов Р. Статистика ужасающа, прогноз мрачен // Независимая газета. – 2003. – 18 сентября.
51. Покровский В. В. Эпидемия, которую мы не замечаем <http://www.weandyou.org.ru/info/press/003.phtml> (17.12.2003).
52. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 7-11.
53. Савельева И. Если вы пишете о СПИДе...: Журналистам о СПИДе. – М.: Российский фонд «ИМЕНА»; Издательский центр «Рубикон», 1999.
54. Сидоренко С. А. Московские бездомные – первые шаги в изучении проблемы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1995. – № 4. – С. 46-49.
55. Симпура Ю., Еремичева Г. В. От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. – 1997. – № 2. – С. 163-182.
56. Симпура Ю., Еремичева Г. В. Социальные проблемы повседневной жизни и восприятие их петербуржцами // Повседневность 90-х глазами петербуржцев. – СПб.: Европейский Дом, 1999. – С. 224-247.
57. Сконфельд А. К., Мейер Р. Ф., Гриффин Р. Дж. Конструирование социальной проблемы: пресса и инвайронментализм // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 139-184.
58. Соловьев А. В. О природе социальных проблем // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 324-328.
59. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М.: ИНИОН РАН, 2002.
60. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп./ Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 160-163.

61. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000.
62. Стивенсон С. А. О феномене бездомности // СоцИс. – 1996. – № 8. – С. 26-33.
63. Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм // Антология социальной работы. В 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии / Сост. М. В. Фирсов. – М.: Сварогъ – НВФ СПТ, 1995. – С. 120-132.
64. Томас У., Знанецкий Ф. Понятие социальной дезорганизации // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп./ Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 134-138.
65. Фишман М. Волны преступности как идеология // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 85-114.
66. Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп./ Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 138-141.
67. Хаксли О. О дивный новый мир. Через много лет. – СПб.: Амфора, 1999.
68. Хеншель Р. Определение социальных проблем средствами массовой коммуникации // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 63-72.
69. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 18-53.
70. Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема? (По следам события) / Сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. – Казань: Мастер Лайн, 2002.
71. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969.
72. Шнайдер Г. Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. – 1990. – № 7. – С. 118-122.

73. Шур Э. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977.
74. Badkhen, A. 'Russia On Brink of AIDS Explosion: Ignorance and Inaction Threaten Catastrophe', San Francisco Chronicle, 2002, July 28.
75. Baker, A. J. 'The Portrayal of AIDS in the Media: An Analysis of Articles in the New York Times', in Feldman, D. A., and Johnson, T. M. (eds.), *The Social Dimensions of AIDS: Method and Theory*. N.Y.: Praeger, 1986, pp. 179-194.
76. Becker, H. S. (ed.), *Social Problems: A Modern Approach*. N.Y.: John Wiley and Sons, 1966.
77. Beharrell, P. 'AIDS and the British Press', in Eldridge, J. (ed.), *Getting the Message: News, Truth and Power*. London: Routledge, 1994, pp. 210-249.
78. Clinard, M. B., Meier, R. F. *Sociology of Deviant Behavior*. 5th ed. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1979.
79. Chambliss, W. J. 'Toward a Political Economy of Crime', in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2003, pp. 234- 244.
80. Cooley, C. H. *Social Organization: A Study of the Larger Mind*. N.Y.: Schocken Books, 1962.
81. Ditton, J., and Duffy, J. 'Bias in the Newspaper Reporting of Crime News', *British Journal of Criminology*, Vol. 23 (2), 1983, pp. 159-165.
82. Downs, A. 'Up and Down with Ecology: The "Issue-Attention Cycle"', Protes, D. L., McCombs, M. (eds.), *Agenda Setting: Readings on Media, Public Opinion, and Policymaking*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 27-33.
83. Edelman, M. J. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
84. Green, A. W. *Social Problems: Arena of Conflict*. N.Y.: McGraw Hill, 1975.
85. Hall, S. 'A World at One with Itself', in S. Cohen and J. Young (eds.), *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the Mass Media*. Beverly Hills: Sage, 1981, pp. 147-156.
86. Kitzinger, J. 'Understanding AIDS: Researching Audience Perceptions of Acquired Immune Deficiency Syndrome', in Eldridge, J. (ed.),

- Getting the Message: News, Truth and Power. London: Routledge, 1994, pp. 271-304.
87. Loseke, D. R. *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1999.
 88. Manning, N. 'Constructing Social Problems', Manning, N. (ed.), *Social Problems and Welfare Ideology*. Aldershot, 1985, pp. 10-11.
 89. Merton, R. K., Nisbet, R. (eds.), *Contemporary Social Problems*. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1966.
 90. Miller, D., Williams, K. 'Negotiating HIV/AIDS Information: Agendas, Media Strategies and the News, in Eldridge, J. (ed.), *Getting the Message: News, Truth and Power*. London: Routledge, 1994, pp. 126-142.
 91. Mills, C. W. 'The Professional Ideology of Social Pathologists', *American Journal of Sociology*, Vol. 60, September 1942, pp. 165-180.
 92. O'Connell, M. 'Is Irish Opinion towards Crime Distorted by Media Bias?', *European Journal of Communication*, Vol. 14 (2), 1999, pp. 191-212.
 93. Pfohl, S. *Images of Deviance and Social Control: A Sociological History*. N.Y.: McGraw Hill, 1994.
 94. Postman, N. *Amusing Ourselves to Death*. Harmondsworth: Penguin Books, 1985.
 95. Quinney, R. 'Crime and Development of Capitalism', in Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2003, pp. 227-233.
 96. Rock, P. 'News as Eternal Recurrence', in S. Cohen and J. Young (eds.), *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the Mass Media*. Beverly Hills: Sage, 1981.
 97. Rosenquist, C. M. 'The Moral Premises of Social Pathology', in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2003, pp. 41-45.
 98. Roshier, B., 'The Selection of Crime News by the Press', in Cohen, S., and Young, J. (eds.), *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the Mass Media*. Beverly Hills: Sage, 1981, p. 40-51.
 99. Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

100. Schlesinger, P., and Tumber, H., 'Fighting the War Against Crime: Television, Police and Audience', *British Journal of Criminology*, Vol. 33 (1), 1993, pp. 19-32.
101. Schoofs, M., 'Jailed Drug Users Are at Epicenter Of Russia's Growing AIDS Scourge', *The Wall Street Journal*, 2002, June 25.
102. Schwartz, H., 'On the Origin of the Phrase "Social Problems"', *Social Problems*, Vol. 44 (2), May 1997, pp. 276-296.
103. Smith, S., 'The Organic Analogy', in Rubington, E., Weinberg, M. S. (eds.), *The Study of Social Problems: Seven Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2003, pp. 20-21.
104. Smith, S. J., 'Crime in the News', *British Journal of Criminology*, Vol. 24 (3), 1984, pp. 289-295.
105. Taylor, I., Walton, P., and Young, J. (eds), *Critical Criminology*. London: Routledge and Kegan Paul, 1975.
106. Taylor, I., Walton, P., and Young, J., *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. London: Routledge and Kegan Paul, 1973.
107. Williams, P., and Dickinson, J., 'Fear of Crime: Read All About It? The Relationship between Newspaper Crime Reporting and Fear of Crime', *British Journal of Criminology*, Vol. 33 (1), 1993, pp. 33-56.
108. Wisehart, M. K., 'Newspapers and Criminal Justice', in Roscoe Pund, Felix Frankfurter (eds), *Criminal Justice in Cleveland (1922)*. Reprint: Patterson Smith, Montclair, N.J., 1968, pp. 515-555.
109. Whyte, W. F., *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. Chicago: University of Chicago Press, 1943.
110. <http://www.afew.org> Сайт организации AIDS Foundation East-West (СПИД Фонд Восток Запад).
111. <http://www.prison.org> Сайт Центра содействия реформе уголовного правосудия.
112. <http://www.nadne.ru> Сайт, созданный Санкт-Петербургской благотворительной общественной организацией помощи бездомным «Ночлежка».
113. <http://www.mvdinform.ru> Сайт МВД РФ.
114. <http://www.mvdrtr.ru> Сайт МВД РТ.
115. <http://www.gibdd.ru> Сайт ГИБДД МВД РФ.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. СТАТЬИ О ВИЧ/СПИДЕ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В
СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ ГАЗЕТАХ С 1986 ПО 2003 ГГ. (ПО
«ЛЕТОПИСИ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ»)**

1986

1. Суглобов Н. СПИД: американский синдром: [О синдроме приобретенной иммунонедостаточности] // Советская Россия. 1986. 27 апреля. (Летопись. 1986. № 26)

2. СПИД: вопросов больше, чем ответов: [О синдроме приобретенного иммунодефицита: Беседа за «круглым столом» редакции «Литературной газеты»] // Литературная газета. 1986. 7 мая. С. 15 (Летопись. 1986. № 28)

3. Синявин Н. Не опознан и не обуздан: [О синдроме приобретенного иммунодефицита (СПИД): США] // Советская Россия. 1986. 8 июня. (Летопись. 1986. № 32)

4. Солдатенкова С. Три «автографа» СПИДа: [По материалам беседы с директором Института вирусологии им. Ивановского АМН СССР, академиком АМН СССР В. Ждановым] // Социалистическая индустрия. 1986. 6 декабря. (Летопись. 1987. № 6)

1987

1. Немов А. Так что же такое СПИД?..: [О синдроме приобретенного иммунодефицита / Комментарий Г. Н. Хлябича] // Советская Россия. 1987. 11 февраля. (Летопись. 1987. № 16)

2. Жданов В. М. СПИД: необходимость трезвого взгляда: [О синдроме приобретенного иммунодефицита (СПИД): Беседа с директором Института вирусологии им. Ивановского АМН СССР, академиком АМН СССР В. М. Ждановым] // Московский комсомолец. 1987. 11 февраля. (Летопись. 1987. № 16)

3. Дрынов И. Д. Блокада вируса: О проблеме СПИДа: [Беседа с заместителем начальника Главного управления карантинных инфекций Минздрава СССР, доктором биологических наук И. Д. Дрыновым] // Советская Россия. 1987. 20 февраля. (Летопись. 1987. № 17)

4. Из зарубежной печати: [Проблемы борьбы со СПИДом: Статья из американского журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт»: Напечатано с сокращениями] // Литературная газета. 1987. 25 февраля. С. 13. (Летопись. 1987. № 18)

5. Хлябич Г.Н. СПИД. Чума XX века?: [Беседа с заместителем министра здравоохранения СССР Г.Н.Хлябичем] // Литературная газета. 1987. 25 февраля. С. 13. (Летопись. 1987. № 18)

6. Ашмарин Ю. Болезни поведения: [О синдроме приобретенного иммунодефицита: Беседа с заслуженным врачом РСФСР, доктором медицинских наук Ю. Ашмариным] // Комсомольская правда. 1987. 11 марта (Летопись. 1987. № 20)

7. Жданов В. Что мы знаем о СПИДе: [О синдроме приобретенного иммунодефицита] // Известия. 1987. 18 марта. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1987. № 21)

8. Страшнее чумы?: [О синдроме приобретенного иммунного дефицита: По материалам зарубежной печати] // Водный транспорт. 1987. 26 марта. (Летопись. 1987. № 22)

9. Кульбицкий Г. Борьба со СПИДом по-баварски (ФРГ) // Советская культура. 1987. 7 апреля. С. 7. (Летопись. 1987. № 24)

10. СПИД: знать и бороться: [Выступление директора Института вирусологии им. Ивановского АМН СССР В. Жданова, директора Института иммунологии АМН СССР Р. Петрова, директора ЦНИИ эпидемиологии В. Покровского и заместителя министра здравоохранения СССР на пресс-конференции, организованной министерством здравоохранения СССР] // Труд. 1987. 15 апреля. (Летопись. 1987. № 25)

11. Аничкин А. «Чума века»: [Об эпидемии синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИД) в Японии] // Советская Россия. 1987. 21 апреля. (Летопись. 1987. № 26)

12. Дрынов И. СПИД: поиски защиты: [Беседа с заместителем начальника Главного управления карантинных инфекций Минздрава СССР, доктором биологических наук И. Дрыновым] // Социалистическая индустрия. 1987. 24 апреля. (Летопись. 1987. № 26)

13. Жданов В. М. Вместо паники – благоразумие: [О синдроме приобретенного иммунного дефицита: Беседа с директором Института вирусологии им. Д. И. Ивановского, академиком АМН СССР В. М. Ждановым] // Советский спорт. 1987. 26 апреля. (Летопись. 1987. № 26)

14. На минорной ноте: [О синдроме приобретенного иммунного дефицита: Из венгерского журнала «Кепеш импорт»] // Советский спорт. 1987. 26 апреля. (Летопись. 1987. № 26)

15. Дмитриев Г. СПИД: несколько спорных и бесспорных суждений: [по материалам беседы с директором ЦНИИ эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР, академиком АМН СССР В. И. Покровским] // Строительная газета. 1987. 6 мая. (Летопись. 1987. № 28)

16. Голосова Т. В. СПИД: угроза века: [Беседа с заведующим лабораторией ЦНИИ гематологии и переливания крови Министерства здравоохранения СССР, профессором Т. В. Голосовой] // Сельская жизнь. 1987. 21 мая. (Летопись. 1987. № 30)

17. Покровский В. СПИД: в поисках противоядия: [Беседа с руководителем группы по изучению, профилактике и лечению синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИД) В. Покровским] // Советская торговля. 1987. 23 мая. (Летопись. 1987. № 30)

18. Покровский В. СПИД: в поисках противоядия: [Беседа с руководителем группы по изучению, профилактике и лечению синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИД) В. Покровским] // Лесная промышленность. 1987. 2 июня. (Летопись. 1987. № 32)

19. Корявин Л. Грозная тень СПИДа // Известия. 1987. 5 июня. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1987. № 32)

20. Майский В. Покушение вируса: В политический фактор превращают за океаном эпидемию СПИДа // Советская Россия. 1987. 9 июня. (Летопись. 1987. № 33)

21. Покровский В. И. СПИД без сенсаций: [Беседа с президентом АМН СССР, директором ЦНИИ эпидемиологии В. И. Покровским] // Известия. 1987. 15 июня. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1987. № 34)

22. Жданов В. М. Преграды для СПИДа: [Беседа с директором Института вирусологии им. Д. И. Ивановского АМН СССР, академиком АМН СССР В. М. Ждановым] // Правда. 1987. 29 июня. (Летопись. 1987. № 36)

23. Лалаянц И. СПИД: только факты: По материалам зарубежной печати // Гудок. 1987. 5 июля. (Летопись. 1987. № 36)

24. Белицкий В. СПИД: опасности реальные и мнимые // Труд. 1987. 16 июля. (Летопись. 1987. № 38)
25. Мороз О. Группа риска: Разговоры в гостиницах о СПИДе // Литературная газета. 1987. 22 июля. С. 13. (Летопись. 1987. № 39)
26. Покровский В. И., Покровский В. В. СПИД: [Беседа с президентом АМН СССР В. И. Покровским и канд. мед. наук В. В. Покровским] // Комсомольская правда. 1987. 1 августа. (Летопись. 1987. № 40)
27. Чистов А. Самый опасный вирус: [О синдроме приобретенного иммунодефицита] // Сельская жизнь. 1987. 8 августа. (Летопись. 1987. № 41)
28. Хаитов Р. М. СПИД: наука готовит контратаку // Советская культура. 1987. 15 августа. С. 8. (Летопись. 1987. № 42)
29. Хаитов Р. М. СПИД: американский ракурс: [О разработке вакцины против СПИДа: Беседа с заместителем директора Института иммунологии Минздрава СССР Р. М. Хаитовым] // Труд. 1987. 19 августа. (Летопись. 1987. № 43)
30. Дадьянц Г. СПИД: предупреждение и расплата // Социалистическая индустрия. 1987. 19 августа. (Летопись. 1987. № 43)
31. Покровский В. Закон и СПИД: [Беседа со старшим научным сотрудником ЦНИИ эпидемиологии В. Покровским] // Известия. 1987. 28 августа. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1987. № 44)
32. «Когда он весело поет, у меня текут слезы»: СПИД: сообщения из ФРГ...: [Статья из западногерманского журнала «Шпигель»] // Советская Россия. 1987. 4 сентября. (Летопись. 1987. № 45)
33. Петрук А. СПИД: вопросы без ответов [США] // Комсомольская правда. 1987. 10 сентября. (Летопись. 1987. № 46)
34. Хаитов Р. СПИД: новые вирусы и новые тесты: [Беседа с заместителем директора Института иммунологии Р. Хаитовым] // Известия. 1987. 10 сентября. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1987. № 46)
35. Дроздов А. СПИД: синдром страха [Япония] // Комсомольская правда. 1987. 23 октября. (Летопись. 1987. № 52)
36. Монтанье Л. Мы знаем врага в лицо: [О борьбе со СПИДом: Беседа с французским вирусологом и иммунологом]

Л. Монтанье: Из журнала «Пари-матч» / Комментарий Р. Петрова] // Литературная газета. 1987. 16 декабря. С. 13. (Летопись. 1988. № 8)

1988

1. Серебряков С. До каких пор можно будет безнаказанно заражать опасным вирусом [СПИД]: Тревога в Дании // Советская Россия. 1988. 6 января. (Летопись. 1988. № 11)

2. Монтанье Л. СПИД: вопросы и прогнозы: [Беседа с французским исследователем Л. Монтанье] // Комсомольская правда. 1988. 7 января. (Летопись. 1988. № 11)

3. Голосова Т. В. До последней капли: [О борьбе со СПИДом: Беседа с заведующим лабораторией ЦНИИ гематологии и переливания крови Т. В. Голосовой] // Московский комсомолец. 1988. 23 января. (Летопись. 1988. № 13)

4. СПИД: перекресток мнений: [Беседа со специалистами] // Труд. 1988. 26 января. (Летопись. 1988. № 14)

5. Шальнев А. СПИД в Америке // Известия. 1988. 27, 28 января. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1988. № 14)

6. Сергиев В. Берегись пандемии XX века: [О спиде] // Учительская газета. 1988. 5 апреля. (Летопись. 1988. № 25)

7. Синявин Н. Умирайте, вас не побеспокоят: В США усиливается озабоченность в связи с ростом случаев заболеваний СПИД // Советская Россия. 1988. 21 апреля. (Летопись. 1988. № 27)

8. Покровский В. И. – Что питает вирус СПИДа? – Дефицит нравственности; Можно ли остановить эпидемию?: [Беседа с президентом АМН СССР В. И. Покровским] // Советская Россия. 1988. 20 июля. (Летопись. 1988. № 40)

9. Островский В. В группе риска – большинство: [О профилактике СПИДа] // Литературная газета. 1988. 27 июля. С. 13. (Летопись. 1988. № 41)

10. Реабилитация милосердия: обсуждаем предложение – фонд против СПИДа: [Высказывания] // Советская Россия. 1988. 2 августа. (Летопись. 1988. № 42)

11. Монтанье Л. СПИД: уроки на будущее: [Беседа с профессором Л. Монтанье (Франция)] // Труд. 1988. 10 августа. (Летопись. 1988. № 43)

12. Группа риска: [О необходимости обследования на СПИД лиц, занимающихся проституцией: Высказывания] // Советская Россия. 1988. 25 октября. (Летопись. 1989. № 2)

13. Убить дракона!: Ученые СССР и ФРГ объединяют усилия в борьбе со СПИДом: [Беседа с участниками советско-западногерманского научного семинара] // Строительная газета. 1988. 29 октября. (Летопись. 1989. № 2)

14. Кондрусев А. СПИД без грима: [Беседа с главным государственным санитарным врачом, заместителем министра здравоохранения СССР А. Кондрусевым] // Правда. 1988. 11 ноября. (Летопись. 1989. № 4)

15. Маслов Н. Глобальный консилиум: Каждую минуту один человек на планете заражается СПИДом // Советская Россия. 1988. 24 ноября. (Летопись. 1989. № 6)

16. Покровский В. И. СПИД прогрессирует: К Всемирному дню борьбы со СПИДом: [Беседа с президентом АМН СССР В. И. Покровским] // Советская культура. 1988. 29 ноября. С. 8 . (Летопись. 1989. № 7)

17. Кожемякин Л. Вакцины пока нет: Завтра – Всемирный день борьбы со СПИДом: [Беседа с начальником кафедры клинической биохимии и лабораторной диагностики Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Л. Кожемякиным] // Красная звезда. 1988. 30 ноября. (Летопись. 1989. № 7)

18. Кондрусев А. И. СПИД: знать и бороться: К Всемирному дню борьбы со СПИДом [Рассказ заместителя министра здравоохранения СССР, главного санитарного врача СССР] // Гудок. 1988. 1 декабря. (Летопись. 1989. № 7)

19. Белицкий В. Портрет врага: К Всемирному дню борьбы со СПИДом // Труд. 1988. 1 декабря. (Летопись. 1989. № 7)

20. Мороз О. СПИД у нас дома // Литературная газета. 1988. 14 декабря. С. 12. (Летопись. 1989. № 9)

1989 (без № № 18-19 Летописи)

1. Мазус А. В зоне риска: [Беседа с заведующим московским пунктом анонимного обследования на СПИД А. Мазусом] // Водный транспорт. 1989. 24 января. (Летопись. 1989. № 15)

2. Корягин В. Не дайте себе умереть от невежества: [О СПИДе: Беседа с начальником отдела организации медицинской помощи

МСУ МГА В. Корягиным] // Воздушный транспорт. 1989. 28 января. (Летопись. 1989. № 15)

3. Сошинский С. Грозный вызов вируса: [О проблемах борьбы со СПИДом / Комментарий В. И. Покровского] // Советская Россия. 1989. 29 января. (Летопись. 1989. № 15)

4. Сухих Г. Т. СПИД: условия безопасности: [Беседа с руководителем лаборатории клинической иммунологии Всесоюзного научно-исследовательского центра охраны здоровья матери и ребенка, доктором медицинских наук Г. Т. Сухих] // Социалистическая индустрия. 1989. 3 февраля. (Летопись. 1989. № 16)

5. Юдина Л. Зараза из шприца: Что произошло в детской больнице в Элисте // Сельская жизнь. 1989. 4 февраля. (Летопись. 1989. № 16)

6. Титорская С. Потрясение: Тревожная ситуация со СПИДом требует немедленных и решительных мер // Известия. 1989. 7 марта. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1989. № 21)

7. Щегловитов Н. Вирус-убийца: [О СПИДе] // Водный транспорт. 1989. 18 марта. (Летопись. 1989. № 22)

8. Федоров Ю. М., Покровский В. В. Ложные страхи и страшная правда: [О СПИДе: Беседа с заместителем начальника Главного эпидемиологического управления Министерства здравоохранения СССР Ю. М. Федоровым и президентом Советской ассоциации борьбы со СПИДом В. В. Покровским] // Сельская жизнь. 1989. 18 апреля. (Летопись. 1989. № 27)

9. Чазов Е. И. Урок нравственности: [О проблемах борьбы со СПИДом: Беседа с министром здравоохранения СССР Е. И. Чазовым] // Правда. 1989. 30 апреля. (Летопись. 1989. № 28)

10. Манн Дж. Борьба со СПИДом: [Статья руководителя программы ВОЗ по борьбе со СПИДом: Из еженедельника «Аввенименти»] // Водный транспорт. 1989. 6 мая. (Летопись. 1989. № 29)

11. Семенов В. А. Группа риска: [О случаях заражения СПИДом среди спортсменов: Беседа с заведующим лаборатории антидопингового контроля ЦНИИ медико-биологических проблем спорта В. А. Семеновым] // Труд. 1989. 18 мая. (Летопись. 1989. № 31)

12. Ивченко Л. Электричество распознает СПИД: Разработан новый метод экспресс-диагностики // Известия. 1989. 30 июля. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1989. № 41)
13. Нужна атака на синдром: Обращение Комитета по борьбе со СПИДом Минздрава СССР ко всем министерствам, ведомствам и общественным организациям страны / [Комментарий А. Кондрусева] // Правда. 1989. 7 августа. (Летопись. 1989. № 43)
14. Грмек М. Неужели СПИДу сотни лет?: [Беседа с историком медицины М. Грмек (Франция)] // Труд. 1989. 9 августа. (Летопись. 1989. № 43)
15. Синичкин А. А. Лечение страхом: [О профилактике СПИДа: Беседа с ученым-биохимиком А. А. Синичкиным] // Гудок. 1989. 16 августа. (Летопись. 1989. № 44)
16. Тутурская С. СПИД нам нипочем?: Почему борьба с самой опасной инфекцией до сих пор не имеет в нашей стране единой стратегии... // Известия. 1989. 30 августа. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1989. № 46)
17. Шишло В. СПИД: против дискриминации // Водный транспорт. 1989. 7 сентября. (Летопись. 1989. № 47)
18. Соколов В. ФРГ: «СПИДофобия» // Советская культура. 1989. 30 сентября. С. 13 (Летопись. 1989. № 50)
19. Бугерму А. Африканский след?: [Беседа с координатором Национального медицинского комитета по борьбе со СПИДом А. Бугерму (Алжир)] // Комсомольская правда. 1989. 1 декабря. (Летопись. 1990. № 7)
20. Покровский В. СПИД: расплата за беспечность // Известия. 1989. 4 декабря. (Московский вечерний выпуск) (Летопись. 1990. № 8)
21. Лупандин В. М. Больной СПИДом живет среди нас: [Беседа с руководителем группы «Экология человека» Института социологии АН СССР В. М. Лупандиным] // Советская культура. 1989. 26 декабря. С. 8. (Летопись. 1990. № 11)

1990

1. Мазус А. СПИД в нашем доме: [Беседа с директором Центра профилактики СПИД – фирмы «Анти ВИЧ» А. Мазусом] // Водный транспорт. 1990. 17 февраля. (Летопись. 1990. № 18)

2. Озеров С. СПИД отступает?: [По материалам доклада, опубликованного Центром по контролю заболеваемости (Атланта)] // Поиск. 1990. 1-7 марта. С. 7. (Летопись. 1990. № 21)

3. Ладин А. СПИДоввоз: [О фактах обнаружения вируса СПИД у иностранных военнослужащих, обучающихся в СССР / Комментарий В. Перепелкина] // Красная звезда. 1990. 24 марта. (Летопись. 1990. № 23)

4. Кокурина Е. СПИД: прогнозы противоречивы: Портрет проблемы // Поиск. 1990. 29 марта – 6 апреля. С. 8 (Летопись. 1990. № 25)

5. Тарантела Д. В ожидании вакцины: [Беседа с заместителем директора Глобальной программы по СПИДу ВОЗ Д. Тарантелой] // Правда. 1990. 24 апреля. С. 4. (Летопись. 1990. № 28)

6. Кондрусев А. Закон и вирус: [О Законе СССР «О профилактике заболевания СПИД: Беседа с главным государственным санитарным врачом СССР А. Кондрусевым] // Труд. 1990. 16 мая. (Летопись. 1990. № 31)

7. Покровский В. Спасет ли закон от СПИДа?: [К принятию Закона СССР «О профилактике заболевания СПИД»: Беседа с заведующим Всесоюзным центром борьбы со СПИДом В. Покровским] // Комсомольская правда. 1990. 18 мая. (Летопись. 1990. № 31)

8. Зарубинский Г. Искусственная кровь – против СПИДа // Поиск. 1990. 18-24 мая. С. 8 (Летопись. 1990. № 32)

9. Наркевич М. СПИД: пока статистика в нашу пользу: [Рассказ начальника Главного эпидемиологического управления Министерства здравоохранения СССР] // Гудок. 1990. 24 мая. (Летопись. 1990. № 32)

10. Шеваров Д. СПИД [Волгоградская область] // Комсомольская правда. 1990. 24 мая. [Летопись. 1990. № 32]

11. Хлебникова Л. Ждать – преступление: [О профилактике СПИДа среди подростков] // Учительская газета. 1990. Июнь. С. 9. (Летопись. 1990. № 36)

12. Синявин Н., Панин В. Бизнес на эпидемии: СПИД и донорство // Советская Россия. 1990. 27 июня. (Летопись. 1990. № 37)

13. Миллер Г. Пришло избавление от СПИДа?: [О лечении СПИДа методом нагревания крови в больнице Атланты (США): Рассказ заместителя заведующего лабораторией по изучению

СПИДа Института эпидемиологии и микробиологии АМН СССР] // Рабочая трибуна. 1990. 1 июля. (Летопись. 1990. № 37)

14. Откуда исходит угроза СПИДа?: Гипотезы: [Высказывания] // Комсомольская правда. 1990. 5 июля. (Летопись. 1990. № 38)

15. Медников Б. М. Нелегальное открытие?: В советской лаборатории готовится смертельный удар по СПИДУ. Но будет ли он нанесен?: [Беседа с сотрудником лаборатории молекулярной биологии и биоорганической химии МГУ им. М. В. Ломоносова Б. М. Медниковым] // Рабочая трибуна. 1990. 17 июля. (Летопись. 1990. № 40)

16. Дмитриев В. Чума XX века: [О СПИДе] // Лесная промышленность. 1990. 28 июля. (Летопись. 1990. № 41)

17. Храпов В. Покупайте подводные лодки: [О гипотезе распространения СПИДа, согласно которой необходима эвакуация больных в места с неблагоприятной для вируса солнечно-земной обстановкой] // Комсомольская правда. 1990. 4 августа. (Летопись. 1990. № 42)

18. Блэттнер У. А. Хроника одной эпидемии: [О СПИДе: По материалам книги Р. Шилтса «А оркестр продолжал играть»: Статья из «Саентифик америкэн»] // Московский комсомолец. 1990. 11 октября. (Летопись. 1990. № 52)

19. Жилин М.Ф. Элиста на Соколиной горе?: [Беседа с главным врачом роддома при 2-й инфекционной больнице М.Ф.Жилиным] // Московский комсомолец. 1990. 1 декабря. (Летопись. 1991. № 7)

20. Кудинова Л. Если хотим выжить // Сельская жизнь. 1990. 1 декабря. (Летопись. 1991. № 7)

21. Тюркин В. СПИД: сигнал бедствия // Правда. 1990. 12 декабря. (Летопись. 1991. № 9)

1991

1. Храпов В. Е. Валерий Храпов: «Я знаю, как лечить СПИД»: [Беседа с журналистом] // Правительственный вестник. 1991. Январь. С. 13. (Летопись. 1991. № 13)

2. Ковалев В. Беда для всех одна: СПИД-центры нуждаются в помощи [Калмыкия] // Советская Россия. 1991. 31 января. (Летопись. 1991. № 16)

3. Фонарева К. С. СПИД – проблема века: [Беседа со специалистом первой категории отдела профилактики СПИДа и организации санитарной охраны территории страны Главного эпидемиологического управления Минздрава СССР К. С. Фонаревой] // Воздушный транспорт. 1991. 11-17 февраля. С. 14. (Летопись. 1991. № 18)

4. Покровский В. И. СПИД не спит: [Беседа с президентом АМН СССР В. И. Покровским] // Труд. 1991. 28 февраля. (Летопись. 1991. № 20)

5. Прокофьев В. Кто открыл СПИД? // Труд. 1991. 6 июня. (Летопись. 1991. № 34)

6. Покровский В. Успеть что-нибудь сделать, пока нас не захлестнула жестокая эпидемия СПИДа // Советская Россия. 1991. 14 июня. (Летопись. 1991. № 35)

7. Галло Р. Перспективы обнадеживают, но...: [О проблеме лечения СПИДа: Беседа с американским ученым, выделившим вирус СПИДа, Р. Галло] // Деловой мир. 1991. 15 июня. С. 8. (Летопись. 1991. № 35)

8. Агуреев А. Десять лет отчаяния: В июне 1981 г. в США были зафиксированы первые случаи заболевания СПИД // Советская Россия. 1991. 27 июня. (Летопись. 1991. № 37)

9. Куарт А. СПИД по-прежнему смертелен: [Беседа с координатором движения «Стоматологи против СПИДа», американским врачом А. Куартом] // Куранты. 1991. 28 июня. С. 5. (Летопись. 1991. № 37)

10. Младший А. Голубые – тоже люди!: [О Международном симпозиуме по правам человека и борьбе со СПИДом, Ленинград и Москва] // Московский комсомолец. 1991. 3 августа. (Летопись. 1991. № 42)

11. Покровский В. В. Последний шанс: [Беседа с заведующим Всесоюзным центром по профилактике и борьбе со СПИДом В. В. Покровским] // Куранты. 1991. 16 августа. С. 8. (Летопись. 1991. № 44)

12. Чепоров Э. СПИД в школах США // Литературная газета. 1991. 18 сентября. С. 5. (Летопись. 1991. № 49)

13. Сиротина Н. В. СПИД: бить в колокола: [Рассказ главного специалиста по СПИДу Госкомсанэпиднадзора РСФСР] // Правда. 1991. 29 октября. (Летопись. 1992. № 3)

14. Келли Дж. Фактор риска – медики: [О СПИДе в СССР: Статья из американской газеты «Вашингтон таймс»] // Инженерная газета. 1991. Ноябрь. (Летопись. 1992. № 5)

15. Покровский В. Каждый умирает в одиночку: [Беседа с директором Всесоюзного центра по профилактике и борьбе со СПИДом В. Покровским] // Независимая газета. 1991. 28 ноября. С. 6. (Летопись. 1992. № 7)

16. Гоголь Н. Не распускайте слюни, господа!: [К итогам Международной конференции по СПИДу, Флоренция] // Труд. 1991. 29 ноября. (Летопись. 1992. № 7)

17. Дмитриев В. Grimасы инфекции: Завтра – Всемирный день борьбы со СПИДом // Лесная газета. 1991. 30 ноября. (Летопись. 1992. № 7)

18. СПИД: скандал во Франции: [Статья из французского журнала «Экспресс»] // Инженерная газета. 1991. Декабрь. (Летопись. 1992. № 10)

19. Москалева Е. Авось не помрем! – успокаивают себя те, для кого угроза СПИДа кажется такой же далекой, как Америка // Россия. 1991. 4-10 декабря. С. 8. (Летопись. 1992. № 9)

20. Данилов Н. Проблемы разоружения и... СПИД: Борьба с «чумой XX в.» потребует колоссальных средств. Где их взять? // Советская Россия. 1991. 19 декабря. (Летопись. 1992. № 10)

21. Толкачев С. Отчаяние выходит из подполья: [О проблеме СПИДа: По материалам американской прессы] // Культура. 1991. 21 декабря. С. 12-13. (Летопись. 1992. № 10)

1992

1. Карамов Э. Царь умер. СПИД?: [Беседа с ученым секретарем Центра по СПИДу ВОЗ Э. Карамовым] // Труд. 1992. 9 января. (Летопись. 1992. № 13)

2. Суглобов Н. Щадящих зон нет: СПИД: статистика грядущей катастрофы // Советская Россия. 1992. 11 января. (Летопись. 1992. № 13)

3. Клебанова В. СПИД – результат экологической беды: Новый взгляд на болезнь века // Голос. 1992. 13-19 января. С. 10. (Летопись. 1992. № 14)

4. Храпов В. Е. Куда убежать от СПИДа?: [Беседа с автором теории возникновения массовых эпидемий В. Е. Храповым] // Деловой мир. 1992. 28 января. С. 16. (Летопись. 1992. № 16)

5. Ложь во имя миллиардов?: Ученые сомневаются в существовании СПИДа: [По материалам Международного конгресса по СПИДу, Сан-Марино. Статья из газеты «Подмосковье»] // Гудок. 1992. 15 февраля. (Летопись. 1992. № 18)

6. Поликарпов А. Узбекский СПИД: диагноз подтвержден // Деловой мир. 1992. 28 февраля. С. 11. (Летопись. 1992. № 20)

7. Лалаянц И. СПИД: сенсация и действительность: [О VII Международной конференции по СПИДу, Флоренция] // Гудок. 1992. 24 марта. (Летопись. 1992. № 24)

8. Жирнова И. Сенсация профессора Кожемякина: [Об исследовании СПИДа: По материалам беседы с начальником кафедры биохимии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, членом-корреспондентом РАН, полковником медицинской службы Л. А. Кожемякиным] // Красная звезда. 1992. 25 марта. (Летопись. 1992. № 24)

9. Покровский В. От СПИДа не откупишься // Развитие: Стройкомплекс. Экономика. Общество. 1992. Апрель. С. 13. (Летопись. 1992. № 27)

10. Покровский В. В. Наша задача – отстать от Америки: [Беседа с руководителем Российского научно-методического центра по борьбе со СПИДом] // Торговая газета. 1992. 2 июня. (Летопись. 1992. № 34)

11. Соснов А. Портрет на фоне СПИДа: [К открытию в Санкт-Петербурге Института Брюса Раппапорта по изучению СПИДа: По материалам беседы с директором института А. Козловым] // Поиск. 1992. 6-12 июня. С. 6. (Летопись. 1992. № 35)

12. Онищенко Д. Атлантиду уничтожил СПИД?: [Гипотеза возникновения СПИДа] // Инженерная газета. 1992. Июнь. (Летопись. 1992. № 35)

13. Лесков С. Купец и гений: [Об исследовании природы СПИДа ученым Л. Б. Меклером] // Известия. 1992. 30 июля. (Московский вечерний выпуск). С. 3. (Летопись. 1992. № 42)

14. Беляев Е. Российская программа борьбы со СПИДом: [Беседа с председателем Государственного комитета санэпиднадзора Е. Беляевым] // Известия. 1992. 13 августа. (Московский вечерний выпуск). С. 2. (Летопись. 1992. № 44)

15. Румянцев С. СПИД: страхи преувеличены // Московские новости. 1992. 23 августа. С. 18-19. (Летопись. 1992. № 45)
16. И СПИД не спит, и сифилис не дремлет: [О профилактике венерических заболеваний среди подростков: Беседа за «круглым столом» редакции «Юридической газеты», Екатеринбург] // Юридическая газета. 1992. № 46 (14-20 сентября). С. 21. (Летопись. 1992. № 49)
17. Сергазиева Р. СПИД готовится к прыжку // Российские вести. 1992. 23 октября. (Летопись. 1993. № 2)
18. Чикин М. СПИД не посадишь за решетку: Во Франции не утихают страсти вокруг аферы с донорской кровью // Комсомольская правда. 1992. 14 ноября. (Летопись. 1993. № 5)
19. Уинсбери Р. Знак судного дня: Только от нас самих зависит, сумеем ли мы укротить СПИД или позволим ему сеять смерть // Инженерная газета. 1992. Декабрь. (Летопись. 1993. № 8)
20. Байдужий А. У российского СПИДа – детское лицо // Независимая газета. 1992. 5 декабря. С. 6. (Летопись. 1993. № 8)

1993

1. Монтанье Л. Туберкулез. Чума. СПИД. Что дальше?: (Рассказывает Л. Монтанье, открывший в лаборатории Пастеровского института вирус СПИДа) / По материалам зарубежной печати // Патриот. 1993. Январь. С. 16. (Летопись. 1993. № 15)
2. Прощальный ужин в хижине дяди Тома: Человек в эпоху СПИДа: [Статья из американского журнала «Ньюсуик»] // Культура. 1993. 20 февраля. С. 10-11. (Летопись. 1993. № 19)
3. Вотинцев В. Доктор Бутейко лечит СПИД? // Российские вести. 1993. 19 марта. С. 5. (Летопись. 1993. № 23)
4. Стуруа М. «Ахиллесова пята» СПИДа?: [О противоспидовых препаратах] // Известия. 1993. 20 марта. С. 15. (Летопись. 1993. № 23)
5. СПИДометр для Азии: [Об эпидемии СПИДа в странах Азии: Из американской газеты «Business week»] // Инженерная газета. 1993. Апрель. (Летопись. 1993. № 28)
6. Кириллов А. Хаитов несет «СПИД» в массы и считает, что лечить надо от болезни, а не от знаний о ней: [О монографии

Р. Хаитова и Г. Игнатъевой “СПИД”) // Куранты. 1993. 3 апреля. С. 5 . (Летопись. 1993. № 25)

7. Литвинова И., Титорская С. В Восточной Европе еще нет эпидемии СПИДа. Удастся ли ее избежать?: [К итогам международной встречи министров здравоохранения и финансов «Инвестиции в охрану здоровья», Рига] // Известия. 1993. 7 апреля. С. 6 . (Летопись. 1993. № 26)

8. Дзасохов С.В. СПИД подвластен хирургии?: [Беседа с доктором медицинских наук С. В. Дзасоховым] // Труд. 1993. 15 апреля. (Летопись. 1993. № 27)

9. Ганье Д. де Надежда помогает жить...: [Беседа с членом Международной орг. конференции по СПИДу Д. де Ганье] // Известия. 1993. 30 апреля. С. 15. (Летопись. 1993. № 29)

10. Батин А. Откуда «прилетел» к нам вирус-разрушитель: [О СПИДе] // Федерация. 1993. 8 мая. С. 6 . (Летопись. 1993. № 32)

11. Гадасина А. У них – эпидемия. А у нас?: [О СПИДе] // Российские вести. 1993. 18 июня. С. 3. (Летопись. 1993. № 36)

12. Кульберг А. Я. Убийцу скрывает вода: [Беседа с экспертом президиума РАМН по научным проблемам СПИДа А. Я. Кульбергом] // Куранты. 1993. 22 июня. С. 7. (Летопись. 1993. № 37)

13. Лалаянц И. СПИД: открытия, разочарования и надежды: [К итогам IX Международной конференции по заболеванию СПИДом, Берлин] // Деловой мир. 1993. 6 июля. С. 9. (Летопись. 1993. № 39)

14. Френкель А. “Кармен”, “Болеро” и смерть без оваций: [О заболевании СПИДом ряда канадских фигуристов: По материалам зарубежной печати] // Советский спорт. 1993. 10 июля. (Летопись. 1993. № 39)

15. Барабаш В. Кто придумал СПИД? // Советская Россия. 1993. 14 сентября. (Летопись. 1993. № 49)

16. Барабаш В. О секретах «болезни века»: [О СПИДе] // Гудок. 1993. 17 сентября. (Летопись. 1993. № 49)

17. Андреев И. А. СПИД и человек: кто погибнет?: [Беседа с главным эпидемиологом Главного медицинского управления Москвы И. А. Андреевым] // Спасение: Еженедельная экологическая газета. 1993. Сентябрь. С. 2. (Летопись. 1993. № 49)

18. Гвоздев Ю. “Вирус Судного дня”: СПИД шагает по планете // Спасение: Еженедельная экологическая газета. 1993. Ноябрь. С. 4 . (Летопись. 1994. № 6)

19. Бутков С. Кровь, деньги и СПИД: [О проблеме заражения СПИДом в клиниках Германии] // Комсомольская правда. 1993. 12 ноября. С. 10. (Летопись. 1994. № 5)

20. Урванцев А. К тайнам чумы XX века: 1 декабря – Международный день борьбы со СПИДом // Сельская жизнь. 1993. 30 ноября. (Летопись. 1994. № 8)

21. Власихина Е. У них со СПИДом плохо, а у нас – с гепатитом: [О проблеме борьбы со СПИДом в стране] // Российские вести. 1993. 3 декабря. (Летопись. 1994. № 8)

1994

1. Байдужий А. В России, возможно, сделано медицинское открытие века: [О способе лечения рака и СПИДа, разработанном Т. Воробьевой] // Независимая газета. 1994. 6 января. С. 6 . (Летопись. 1994. № 13)

2. Коваль В. «Метадонт» наступает на СПИД: В Германии нашли способ потеснить «чуму XX века» // Рабочая трибуна. 1994. 26 января. (Летопись. 1994. № 16)

3. Лем С. Станислав Лем: «Грядут сексуальные войны...» [О СПИДе: Сокращенная версия лекции польского писателя на конференции, организованной Международным Фондом Горбачева] // Комсомольская правда. 1994. 19 февраля. С. 3 . (Летопись. 1994. № 19)

4. Демидов А., Юдин Б. Испытания на СПИД: [О проекте Закона РФ “О профилактике заболевания СПИДом”] // Московские новости. 1994. 27 февраля – 6 марта. С. 11. (Летопись. 1994. № 21)

5. Голованов Я. СПИД: бездна, в которую нужно заглянуть // Известия. 1994. 10 марта. С. 7 (Летопись. 1994. № 22)

6. Покровский В. В. Свобода против здоровья: [О разработке проекта Закона РФ “О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции”] // Российская газета. 1994. 16 марта. С. 2 . (Летопись. 1994. № 23)

7. Демидов А. Болен СПИДом. Ату его!: Только медицинскими средствами этой проблемы не решить // Российские вести. 1994. 20 мая. С. 3 -4. (Летопись. 1994. № 32)

8. Игнатов В. Думским проектом закона о СПИДе недоволен никто // Сегодня. 1994. 16 июня. С. 9 . (Летопись. 1994. № 36)

9. Покровский В. В. Широко шагает СПИД: [Беседа с руководителем Российского научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом В. В. Покровским] // Правда. 1994. 6 июля. (Летопись. 1994. № 39)

10. Патыко Д. Поймали супервирус СПИДа. Ну очень большой: [О борьбе со СПИДом, Беларусь] // Деловой мир. 1994. 6 июля. С. 8 . (Летопись. 1994. № 39)

11. Модестов С. СПИД – проблема геополитическая // Деловой мир. 1994. 15 июля. С. 7 . (Летопись. 1994. № 40)

12. Дмитрук М. Террорист, который уничтожил в тысячи раз больше людей, чем все джеки-потрошители, наконец пойман... российским ученым: [Об экспериментах по выявлению возбудителя СПИДа – трихомонады: По материалам беседы с химиком Т. Я. Свищевой] // Рабочая трибуна. 1994. 26, 27 июля. (Летопись. 1994. № 42)

13. Калмаков М. Так кто же выделил вирус СПИДа?: [О работе группы ученых из Института Пастера, Франция] // Инженерная газета. 1994. Август. (Летопись. 1994. № 41)

14. Полковников Ю. Йога против... СПИДа: Как овладеть искусством жить не боля // Труд. 1994. 10 августа. (Летопись. 1994. № 44)

15. Тюриков В. Смерть на хвосте кометы: СПИД, возможно, прибыл к нам из космической бездны // Труд. 1994. 16 сентября. (Летопись. 1994. № 49)

16. Соснов А. Россия против СПИДа: кто кого? // Московские новости. 1994. 25 сентября – 2 октября. С. 2 0. (Летопись. 1994. № 51)

17. Гарднер К., Савельева И. Сколько нужно иметь сексуальных партнеров, чтобы не заложить жизнь СПИДу: [О проблеме борьбы со СПИДом: Беседа с руководителями неправительственной некоммерческой организации ЭЗОП (эффективная защита, обучение, профилактика) К. Гарднером и И. Савельевой] // Рабочая трибуна. 1994. 30 сентября. (Летопись. 1994. № 51)

18. Козлов А. Ассоциация против ВИЧ/СПИД: Проблемы национальной безопасности // Деловой мир. 1994. 24-30 октября. С. 10. (Летопись. 1995. № 3)
19. Коршунов А. Советуем верить: [О профилактике и лечении инфаркта, рака, СПИДа: отклик на статью Т. Я. Свищевой "Как победить болезни века" в газете "Рабочая трибуна", 1994, 2 ноября] // Советский спорт. 1994. 5 ноября. (Летопись. 1995. № 4)
20. Свищева Т. Я. Как победить болезни века: [О профилактике и лечении инфаркта, рака, СПИДа: Беседа с химиком Т. Я. Свищевой] // Рабочая трибуна. 1994. 2 ноября. (Летопись. 1995. № 4)
21. Мешков Ю. Целились в СПИД – попали в туризм: [По поводу Закона РФ "О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)"] // Независимая газета. 1994. 18 ноября. С. 6. (Летопись. 1995. № 6)
22. Денисенко Б. За эпидемией СПИДа идет эпидемия страха: [По поводу Закона РФ "О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)": Беседа с председателем комитета Государственной Думы РФ по охране здоровья Б. Денисенко] // Труд. 1994. 22 ноября. (Летопись. 1995. № 7)
23. Бургер Р. СПИД: чума с Запада?: [О Законе РФ "О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)"] // Независимая газета. 1994. 23 ноября. С. 2. (Летопись. 1995. № 7)
24. Покровский В. Маневры вокруг СПИДа: [Рассказ руководителя Российского Центра по профилактике и борьбе со СПИДом] // Правда. 1994. 26 ноября. (Летопись. 1995. № 7)
25. Закон, который мы потеряли: [О борьбе со СПИДом: Материалы Российского научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом] // Сегодня. 1994. 1 декабря. С. 9. (Летопись. 1995. № 8)
26. Покровский В. И. Шанс на спасение пока есть: [О проблеме борьбы со СПИДом: Беседа с президентом РАМН В. И. Покровским] // Труд. 1994. 1 декабря. (Летопись. 1995. № 8)
27. Шуткевич В. Ежедневно я спускаюсь в ад...: [О борце со СПИДом и наркоманией, лидером Движения чистых сердец

М. Котаньском (Польша) // Комсомольская правда. 1994. 1 декабря. С. 6. (Летопись. 1995. № 8)

28. Дебре Б. Обуздать чуму XX века: [О проблеме борьбы со СПИДом: Беседа с министром по делам сотрудничества Б. Дебре (Франция)] // Труд. 1994. 2 декабря. (Летопись. 1995. № 8)

29. Фирстова Р. Бдительная страна на рынке отложенного спроса: [О Законе РФ “О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)”] // Деловой мир. 1994. 15 декабря. С. 8. (Летопись. 1995. № 10)

30. Торчилин В. Любовь проходит, оставляя надежды на исцеление: [О проблеме борьбы со СПИДом, США] // Новая ежедневная газета. 1994. 16 декабря. С. 4 (Летопись. 1995. № 10)

1995

1. Асади А. Диагноз «Авиценны» точен и недорог: [О ПЦР-диагностике СПИДа: Беседа с руководителем московского медицинского центра “Авиценна” А. Асади] // Инженерная газета. 1995. Апрель. (Летопись. 1995. № 26)

2. Поддадутся ли рак и СПИД русской ученой?: [О лечении рака и СПИДа препаратом “витурид”, разработанным Т. Воробьевой: Беседа за “круглым столом” редакции газеты “Комсомольская правда”] // Комсомольская правда. 1995. 15 июня. С. 3. (Летопись. 1995. № 36)

3. Храпов В. Е. Можно лечить и рак, и СПИД: [Беседа с экстрасенсом В. Е. Храповым] // Деловой мир. 1995. 1 июля. С. 6. (Летопись. 1995. № 38)

4. Краевский А. А. Коварный дар прогресса: [О СПИДе: Беседа с заместителем директора по научной работе Института молекулярной биологии РАН А. А. Краевским] // Российская газета. 1995. 26 августа. С. 13. (Летопись. 1995. № 46)

5. Иванова Э. Хотя СПИДу закон и писан...: [О проблеме борьбы со СПИДом] // Рабочая трибуна. 1995. 9 сентября. (Летопись. 1995. № 48)

6. Недзельский Н. Жизнь со СПИДом: [Беседа с председателем фонда “Имена” Н. Недзельским] // Труд. 1995. 24 октября. С. 4. (Летопись. 1996. № 3)

7. Мусафирова О. Чернобыль породнился со СПИДом: [Об эпидемиологической ситуации, Украина] // Комсомольская правда. 1995. 22 ноября. С. 6. (Летопись. 1996. № 7)

8. Ганьжин С. Медики не пугают. Они знают, что нам грозит: [По материалам пресс-конференции, посвященной проблеме СПИДа, Москва] // Куранты. 1995. 1 декабря. С. 7. (Летопись. 1996. № 8)

9. Покровский В. Рынок поставляет СПИД: [Беседа с руководителем Российского научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом В. Покровским] // Правда. 1995. 2 декабря. (Летопись. 1996. № 8)

10. Сухая С. СПИД: знание против страха // Труд. 1995. 1-7 декабря. С. 17. (Летопись. 1996. № 8)

11. Абдурахманова Э. У критической черты: [О борьбе со СПИДом: Беседа с руководителем общественной благотворительной организации женщин "Будущее без СПИДа" Э. Абдурахмановой] // Труд. 1995. 7 декабря. С. 3. (Летопись. 1996. № 9)

12. Моржаретто И. СПИД, Эбола... а теперь и «стрептококк-убийца»: Школа выживания // Аргументы и факты. 1995. Декабрь. С. 13. (Летопись. 1996. № 10)

13. Панкова Г. Ю. СПИД. Тяжкие будни на Соколинке: [Беседа с врачом-клинистом московского городского Центра по профилактике и борьбе со СПИДом Г. Ю. Панковой] // Труд. 1995. 16 декабря. (Летопись. 1996. № 10)

1996

1. Покровский В. ВИЧ-инфекция разрушает общество: [Беседа с руководителем Российского научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом профессором В. Покровским] // Рабочая трибуна. 1996. 5 января. С. 6. (Летопись. 1996. № 13)

2. Покровский В. В. СПИД и русское авось: [Беседа с руководителем Российского центра по профилактике и борьбе со СПИДом доктором медицинских наук В. В. Покровским] // Инженерная газета. 1996. Февраль. (Летопись. 1996. № 19)

3. Струженцов Д. СПИД не спит, но и наука не дремлет: [По материалам беседы с заведующим лабораторией Санкт-Петербургского НИИ особо чистых биопрепаратов А. Козловым] // Труд. 1996. 13 февраля. (Летопись. 1996. № 18)

4. Судаков В. Управа на СПИД?: [О целительном даре Г. П. Грабового] // Деловой мир. 1996. 23 марта. С. 8. (Летопись. 1996. № 23)

5. Митин Ю. Народ и армия едины. И в СПИДе тоже: [Об увеличении заболеваемости СПИДом: Беседа с начальником лаборатории Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии Ю. Митиным] // Труд. 1996. 30 марта. (Летопись. 1996. № 24)

6. Панов Е. Почему комары не болеют СПИДом: [О методе лечения СПИДа, разработанном В. В. Ткаченко] // Российские вести. 1996. 13 апреля. С. 12-13. (Летопись. 1996. № 26)

7. Смолин Г. СПИД – болезнь или пугало // Литературная Россия. 1996. 7 июня. С. 14. (Летопись. 1996. № 34)

8. Мироненко А. Со СПИДом на волю не выпускают: [Беседа с директором Общества попечителей пенитенциарных заведений А. Мироненко] // Общая газета. 1996. 4-10 июля. С. 7. (Летопись. 1996. № 39)

9. Павлинов С. В Россию вторгается «украинский» СПИД // Сегодня. 1996. 24 июля. С. 12. (Летопись. 1996. № 41)

10. Краснопольская И. СПИД гуляет по России // Российская газета. 1996. 13 августа. С. 8. (Летопись. 1996. № 44)

11. Ильин М. Чудо от Джуну: В России изобрели уникальный биокорректор, способный лечить рак и СПИД // Век. 1996. 30 августа – 5 сентября. С. 12. (Летопись. 1996. № 47)

12. Тютурская С. Наука, придушенная государством, все еще радуется результатами: Российские ученые создали эффективные препараты против СПИДа // Литературная газета. 1996. 4 сентября. С. 12. (Летопись. 1996. № 47)

13. Голиусов А. Т. Пожар СПИДа: [Беседа с главным специалистом отд. инфекционных болезней Министерства здравоохранения и медицинской промышленности РФ А. Т. Голиусовым] // Рабочая трибуна. 1996. 14 сентября. (Летопись. 1996. № 48)

14. Квиташ В. СПИД – это просто ускоренный процесс старения: [Беседа с американским врачом В. Квиташем] // Комсомольская правда. 1996. 11-18 октября. С. 21. (Летопись. 1996. № 52)

15. Ларин Ф. И. Чума охватила Кубань: [Беседа с заместителем главного врача Краснодарского центра по

профилактике и борьбе со СПИДом Ф. И. Лариным] // Рабочая трибуна. 1996. 9 октября. (Летопись. 1996. № 52)

16. Шу Х. Надежда умирает последней: 1 декабря – Всемирный день по борьбе со СПИДом: [Статья из немецкой газеты “Уайт”] // За рубежом. 1996. 29 ноября – 5 декабря. С. 12-13. (Летопись. 1997. № 7)

17. Козлов А. СПИД «садится» на иглу: [Беседа с биологом А. Козловым] // Рабочая трибуна. 1996. 17 декабря. (Летопись. 1997. № 10)

18. Стуруа М. Дэвид Хо – человек года: [О методе борьбы со СПИДом, разработанном доктором Д. Хо (США)] // Известия. 1996. 31 декабря. (Летопись. 1997. № 12)

1997

1. Яроменок А. Наркоманы и СПИД [Украина] // Гудок. 1997. 12 февраля. (Летопись. 1997. № 18)

2. Белоцерковский Г. СПИД начинает «битву за Кавказ» // Российские вести. 1997. 22 февраля. С. 12-13. (Летопись. 1997. № 19)

3. Краснопольская И. СПИД спит среди нас // Российская газета. 1997. 29 марта. (Летопись. 1997. № 24)

4. Венигер Б., Эксекс М. Создать вакцину против СПИДа можно! [Из американской газеты “Нью-Йорк таймс”] // За рубежом. 1997. 4-10 апреля. С. 13. (Летопись. 1997. № 25)

5. Дятлов А. Динозавров и нас убивал один и тот же паразит!: Возможно, химиком Т. Свищевой открыт наконец настоящий возбудитель смертельных болезней XX века – рака, СПИДа и инфаркта. Это трихомонада // Комсомольская правда. 1997. 25-30 апреля. (Летопись. 1997. № 28)

6. Джонсон М. «Я вылечу себя от СПИДа»: [Отрывок из книги американского патологоанатома “По ту сторону чуда” / Подготовил к печати М. Чикин] // Комсомольская правда. 1997. 26 апреля. (Летопись. 1997. № 28)

7. Савельева И. Самая демократичная болезнь – СПИД: Каждый третий ВИЧ-инфицированный больной – женщина // Независимая газета. 1997. 29 апреля. С. 6. (Летопись. 1997. № 29)

8. Спектер М. СПИД не спит [Россия: Из американской газеты "Нью-Йорк таймс"] // За рубежом. 1997. 14-19 июня. С. 4-5. (Летопись. 1997. № 35)

9. Кулагин В. СПИД не спит. Гуляет по Кубани: [Беседа с главным врачом Краснодарского краевого центра профилактики и борьбы со СПИДом В. Кулагиным] // Российская газета. 1997. 25 июня. С. 3. (Летопись. 1997. № 37)

10. Наркевич М. И. Сажать или лечить?: [Беседа с начальником отдела профилактики СПИДа Министерства здравоохранения РФ и координатором программы профилактики СПИДа в России М. И. Наркевичем] // Век. 1997. 22-28 августа. С. 8. (Летопись. 1997. № 45)

11. Сеина Н. Ветеринар против СПИДа: [О создании доктором ветеринарных наук В. А. Бритовым вакцины против СПИДа и рака] // Литературная газета. 1997. 10 сентября. С. 6. (Летопись. 1997. № 48)

12. Кульберг А. Я. Неандертальцы болели СПИДом: Вирус иммунодефицита достался человеку и древним приматам от общего предка // Независимая газета. 1997. 11 ноября. С. 6. (Летопись. 1998. № 5)

13. Покровский В. В. Превратится ли Москва из столицы России в столицу СПИДа // Комсомольская правда. 1997. 11 ноября. С. 5. (Летопись. 1998. № 5)

14. Климов А. Свет погасшей звезды: 1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом // Труд. 1997. 29 ноября. (Летопись. 1998. № 7)

15. Гурова Т. Добровольное рабство: 1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом // Гудок. 1997. 29 ноября. С. 7. (Летопись. 1998. № 7)

1998

1. Марков В. В. Доктор Марков спасает мир от грядущей эпидемии СПИДа с помощью радиации: [Беседа с директором научно-исследовательского центра «АнтиСПИД»] // Комсомольская правда. 1998. 24 января. С. 4. (Летопись. 1998. № 15)

2. Добрынина С. Тайные тропы чумы XX века: В Свердловской области зарегистрирована вспышка СПИДа // Независимая газета. 1998. 4 февраля. С. 4. (Летопись. 1998. № 17)

3. Буров Ю. «... СПИДом погоняет»: [об эпидемии СПИДа] // Советская Россия. 1998. 11 апреля. (Летопись. 1998. № 26)

4. Краевский А. СПИД не страшен только идиотам! [Беседа с академиком А. Краевским] // Литературная газета. 1998. 13 мая. С. 6. (Летопись. 1998. № 31)

5. Рок иглы: Над Россией нависла реальная угроза эпидемии СПИДа [Материалы / Подготовил И. Усманов] // Советская Россия. 1998. 20 июня. (Летопись. 1998. № 36)

6. Малахова А. Убийца-невидимка желает сделать землю безлюдной: В настоящее время на планете от СПИДа каждую минуту гибнут пять человек // Независимая газета. 1998. 26 июня. С. 9. (Летопись. 1998. № 37)

7. Сазонова И. М. Смертельная болезнь и бизнес на болезни: вирус коммерциализации медицины страшнее вируса СПИДа: [Рассказ врача] // Сельская жизнь. 1998. 16 июля. С. 13. (Летопись. 1998. № 40)

8. Сарлер Ф. Игра со смертью ради жизни: [Об испытаниях вакцины против СПИДа: из английской газеты "Санди таймс мэгэзин"] // За рубежом. 1998. 17-23 июля. С. 10-11. (Летопись. 1998. № 40)

9. Козлова А. СПИД – черепаха квази?: [По материалам медицинского конгресса, посвященного вирусу СПИДа в Сан-Марино] // Литературная Россия. 1998. 24 июля. С. 15. (Летопись. 1998. № 48)

10. Смольякова Т. СПИД: одним – лечение, другим – добрый совет: [К итогам Всемирной конференции по борьбе со СПИДом, Женева] // Российская газета. 1998. 15 августа. С. 6. (Летопись. 1998. № 44)

11. Валентинов А. Срок жизни отмерил вирус?: [По материалам XII Всемирного конгресса по борьбе со СПИДом] // Российская газета. 1998. 4 сентября. С. 27. (Летопись. 1998. № 47)

12. Барре-Синусси Ф. Мадам Барре знает о СПИДе все: [Беседа с французским специалистом в области медицинской вирусологии] // Известия. 1998. 11 сентября. (Летопись. 1998. № 48)

13. Супотницкий М. В. Метка господина: Вирус оспы выступал своеобразным консервантом для СПИДа // Независимая газета. 1998. 7 октября. С. 13. (Летопись. 1998. № 52)

14. Милашина Е. Болезнь передается бюрократическим путем [О работе над созданием вакцины от СПИДа] // Новая газета. 1998. 30 ноября. С. 9. (Летопись. 1999. № 8)

15. Краснопольская И. Право на милосердие: Сегодня – Всемирный день борьбы со СПИДом // Российская газета. 1998. 1 декабря. С. 8. (Летопись. 1999. № 8)

1999

1. Калинин А. Этап под названием «Смерть»: Вслед за туберкулезом в тюрьмы и колонии проникает СПИД // Трибуна. 1999. 11 марта. С. 7. (Летопись. 1999. № 12)

2. Карина М. Мы еще не проиграли, но уже не выиграли [О СПИДе] // Первое сентября. 1999. 27 марта. С. 7. (Летопись. 1999. № 22)

3. Карина М. Говорить об этом все равно придется. Но как? [О проблеме борьбы со СПИДом] // Первое сентября. 1999. 10 апреля. С. 7. (Летопись. 1999. № 23)

4. Воронин Е. СПИД на Заречной улице [Беседа с главным врачом Республиканской клинической инфекционной больницы Е. Ворониным, Усть-Ижора (Ленинградская область)] // Независимая газета. 1999. 8 июня. С. 11. (Летопись. 1999. № 28)

5. Зограбян Л. С. «Арменикум» – результаты сегодня и завтра [Беседа с директором Республиканского научного центра по профилактике и изучению СПИДа Л. С. Зограбяном: Из армянской газеты «Голос Армении»] // За рубежом. 1999. 24-30 июня. С. 4. (Летопись. 1999. № 29)

6. Хлобустов О. Отступит ли «чума XX века»: [О СПИДе] // Юридическая газета. 1999. № 29. С. 15. (Летопись. 1999. № 30)

7. Дунаевский О. А. Страшный гость: [О профилактике СПИДа: Беседа с чл.-корр. РАМН профессором О. А. Дунаевским] // Слово. 1999. 3 сент. С. 4. (Летопись. 1999. № 35)

8. Хлобустов О. СПИД в цифрах // Независимая газета. 1999. 15 октября. С. 11. (Летопись. 1999. № 41)

9. Рахманова А. Г. «Чудо-коктейль» доктора Дэвида Хо: метод тритерапии, разработанный канадским ученым, – реальный шанс справиться со СПИДом: [Беседа с главным инфекционистом Комитета здравоохранения правительства Санкт-Петербурга

А. Г. Рахмановой] // Гудок. 1999. 27 ноября. С. 3. (Летопись. 1999. № 47)

10. Севастьянова Г. Группа крови на рукаве: Как остановить ВИЧ-инфекцию // Гудок. 1999. 27 ноября. С. 3. (Летопись. 1999. № 47)

11. Пиот П. 16 миллионов уже погибли: [Беседа с исполнительным директором UNAIDS П. Пиотом] // Учительская газета. 1999. 30 ноября. С. 5. (Летопись. 1999. № 48)

12. Быков С. Он где-то здесь, рядом... [О СПИДе] // Трибуна. 1999. 1 декабря. С. 2. (Летопись. 1999. № 48)

13. Краснопольская И. Ловец СПИДа [О члене-корреспонденте РАМН В. В. Покровском] // Российская газета. 1999. 1 декабря. С. 1, 8. (Летопись. 1999. № 48)

14. Медведева И., Шишова Т. Суггестия [О СПИДе] // Советская Россия. 1999. 2 декабря. С. 6. (Летопись. 1999. № 48)

2000

1. Кез С. Столица российского СПИДа: [О ВИЧ-инфекции в Иркутской области] // Новые Известия. 2000. 9 февраля. С. 5. (Летопись. 2000. № 6)

2. Хлобустов О. «Чума XX века» стремительно наступает: [О СПИДе] // Юридическая газета. 2000. № 11. С. 4. (Летопись. 2000. № 10)

3. Покровский В. В. СПИД: второе нашествие на Россию // Трибуна. 2000. 28 марта. (Летопись. 2000. № 13)

4. Даниелян К. «Арменикум» – пока не панацея: [О создании армянскими учеными препарата для борьбы со СПИДом] // Независимая газета. 2000. 29 марта. С. 10. (Летопись. 2000. № 13).

5. Покровский В. В. От СПИДа не уйдешь, от СПИДа нет спасения?.. // Торговая газета. 2000. 31 марта. (Летопись. 2000. № 13)

6. Покровский В. В. Страшен СПИД, когда не спит // Гудок. 2000. 5 мая. (Летопись. 2000. № 18)

7. Никитина М. СПИД: болезнь доверчивых и беспечных: [Беседа с координатором обучающих программ московского отделения международной некоммерческой организации «СПИД инфосвязь» Мариной Никитиной] // Первое сентября. 2000. 27 мая. С. 7. (Летопись. 2000. № 21)

8. Покровский В. В. СПИД угрожает каждому! // Российские вести. 2000. 31 мая. С. 8. (Летопись. 2000. № 22)
9. Добрынина С. Народ требует огласить списки инфицированных: Эпидемия СПИДа в Екатеринбурге // Новые Известия. 2000. 15 июня. С. 4. (Летопись. 2000. № 24)
10. Смирнова Е. ВИЧ-инфекция наступает: В Свердловской области объявлена эпидемия СПИДа // Независимая газета. 2000. 20 июля. С. 11. (Летопись. 2000. № 29)
11. Владимиров И. Смертоносный дефицит: [О необходимости активизации действий по предотвращению эпидемии ВИЧ-инфекции] // Российская газета. 2000. 25 августа. С. 12. (Летопись. 2000. № 34).
12. Сугой О. Хорошее лекарство. Но не для нас: [О лекарственных препаратах против СПИДа] // Литературная газета. 2000. 6-12 сентября. С. 7. (Летопись. 2000. № 36)
13. Иванов Н. Немедицинский диагноз: Распространение наркомании и ВИЧ-инфекции – одна из самых больших проблем Пермской области // Независимая газета. 2000. 4 октября. С. 4. (Летопись. 2000. № 40)
14. Борисов А. СПИД не дремлет и Дума не спит: [О парламентских слушаниях по проблеме профилактики и борьбы со СПИДом] // Гудок. 2000. 23 ноября. (Летопись. 2000. № 47)
15. Агеев В. А. Не убей себя страхом: [О СПИДе: Беседа с зав. кафедрой патологической анатомии Иркутского государственного медицинского университета В. Агеевым] // Российская газета. 2000. 25 ноября. С. 8. (Летопись. 2000. № 47)
16. Кокурина Е. Национальный коктейль: 1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом // Общая газета. 2000. 30 ноября – 6 декабря. С. 5. (Летопись. 2000. № 48)
17. Сухая С. СПИД идет лавиной // Труд. 2000. 1 декабря. (Летопись. 2000. № 48)
18. Журабаев Р. СПИД: антигерой нашего времени; Можно ли убить вирус, который нас убивает // Гудок. 2000. 1 декабря. (Летопись. 2000. № 48)
19. Зубкова Ю. Помогаем наркоманам – защищаем здоровых: [Беседа с координатором программы информирования наркоманов об эпидемии ВИЧ «Ясень» Юлией Зубковой] // Гудок. 2000. 1 декабря. (Летопись. 2000. № 48)

20. Супотницкий М. В. Мифология будущей эпидемии: В борьбе со СПИДом России придется идти своим путем // Независимая газета. 2000. 20 декабря. С. 16. (Летопись. 2000. № 51)

2001

1. Покровский В. СПИД не спит: [Беседа с руководителем Федерального научно-методического центра Минздрава РФ по профилактике и борьбе со СПИДом Вадимом Покровским] // Учительская газета. 2001. 10 января. С. 18. (Летопись. 2001. № 2)

2. Астахова А. Дефицит бдительности: Развитие СПИДа в мире опережает все прогнозы // Сегодня. 2001. 23 февраля. С. 6. (Летопись. 2001. № 8)

3. Аннан К. Как одержать победу в борьбе со СПИДом: Пять ключевых задач, которые необходимо решить, чтобы справиться с эпидемией: [Статья Генерального секретаря ООН] // Независимая газета. 2001. 26 июня. С. 3. (Летопись. 2001. № 27)

4. Саухат С. СПИД – болезнь наркоманов, проституток, боевиков [Беседа с директором Южного окружного центра по борьбе со СПИДом Сергеем Саухатом] // Парламентская газета. 2001. 4 июля. С. 8. (Летопись. 2001. № 27)

5. Смольская Т.Т. Социальная вакцинация: [Беседа с руководителем Северо-Западного окружного центра Минздрава РФ Т. Т. Смольской] // Советская Россия. 2001. 2 августа. С. 2. (Летопись. 2001. № 31)

6. Бударин Л. СПИД собирает урожай // Крестьянская Россия. 2001. 5-11 ноября. С. 3. (Летопись. 2001. № 45)

7. Покровский В. В. Каждый сотый болен или заражен СПИДом // Парламентская газета. 2001. 20 ноября. С. 1, 5. (Летопись. 2001. № 47)

8. Недзельский Н. А. Мне не все равно. А тебе?: 1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом: [Беседа с бывшим первым зам. министра здравоохранения РФ Н. А. Недзельским] // Труд. 2001. 1 декабря. С. 3. (Летопись. 2001. № 48)

2002

1. Панин Л. Сибирский вариант борьбы с «чумой XXI века»: [О СПИДе: Беседа с директором Новосибирского Института биохимии Сибирского отделения РАМН Львом Паниным] // Парламентская газета. 2002. 24 апреля. С. 6. (Летопись. 2002. № 17)

2. Карамов Э. Появление новых вирусов СПИДа гарантировано: [Беседа с руководителем группы иммунохимии НИИ вирусологии РАМН Эдуардом Карамовым] // Известия. 2002. 6 сентября. (Летопись. 2002. № 36)

3. Халиман Г. Единственная защита – знание: [О профилактике СПИДа] // Первое сентября. 2002. 26 октября. С. 7. (Летопись. 2002. № 43)

4. Онищенко Г. Г. Число ВИЧ-инфицированных в России уменьшилось вдвое [Беседа с главным государственным санитарным врачом РФ Геннадием Григорьевичем Онищенко] // Независимая газета. 2002. 29-30 ноября. С. 12. (Летопись. 2002. № 48)

5. Платонов И. Общество должно знать правду: Проблема СПИДа – это угроза национальной безопасности России // Независимая газета. 2002. 29-30 ноября. С. 9. (Летопись. 2002. № 48)

6. Хлобустов О. Проблема 2003 года – еще один аспект [О СПИДе] // Юридическая газета. 2002. Декабрь. С. 13. (Летопись. 2002. № 51)

7. Домнышева Е. В России началась эпидемия ВИЧ // Новые Известия. 2002. 3 декабря. С. 5. (Летопись. 2002. № 49)

8. О ситуации с финансированием из Федерального бюджета поставок в иммунологические лаборатории субъектов РФ тест-систем для диагностики ВИЧ-инфекции: Запрос ГД РФ Председателю Правительства РФ М. М. Касьянову от 15 ноября 2002 // Парламентская газета. 2002. 24 декабря. С. 3. (Летопись. 2002. № 52)

9. Онищенко Г. Г. Всадники Апокалипсиса [О СПИДе] // Трибуна. 2002. 25 декабря. С. 6. (Летопись. 2002. № 52)

2003

1. Чума XXI века: [О СПИДе] / В. И. Хромов, А. А. Молодцов, Д. С. Фарафонов, Б. М. Ханжин // Советская Россия. 2003. 8 февраля. (Летопись. 2003. № 6)

2. Супоницкий М. В. Вызов природы: [Об атипичной пневмонии и СПИДе: Беседа с кандидатом биологических наук Михаилом Васильевичем Супоницким] // Завтра. 2003. Апрель-май. С. 5. (Летопись. 2003. № 18)

3. Пауэлл К. Страшнее войны: [О СПИДе: Статья государственного секретаря США] // Российская газета. 2003. 14 мая. С. 1, 4. (Летопись. 2003. № 20)

4. Саммерс Т. СПИД может пережить атипичную пневмонию: [Беседа с главой американской неправительственной организации «Партнерство во имя прогресса в здравоохранении» Тоддом Саммерсом] // Независимая газета. 2003. 20 мая. С. 11. (Летопись. 2003. № 21)

5. Сафаралиев Г. К. В двух шагах от пропасти: [О проблемах борьбы со СПИДом: Беседа с депутатом Государственной Думы РФ Гаджиметом Керимовичем Сафаралиевым] // Труд. 2003. 25 июня. С. 3. (Летопись. 2003. № 27)

6. Воробьев А. А. «Мы на пороге открытия вакцины против СПИДа...»: [Беседа с заведующим кафедрой микробиологии, вирусологии и иммунологии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова Анатолием Андреевичем Воробьевым] // Трибуна. 2003. 17 сентября. С. 3. (Летопись. 2003. № 38)

7. Пономарев С. СПИД не спит // Завтра. 2003. Ноябрь – Декабрь. С. 8. (Летопись. 2003. № 48)

Ясавеев Искэндэр Габдрахманович

**КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Ответственный редактор – **Р. З. Шарафутдинова**

Технический редактор – **Г. П. Дудичева**

Верстка – **И. В. Серебренникова**

Оформление обложки – **В. Ф. Петрова**

Сдано в печать 02.03.2004.

Подписано в печать 06.04.2004.

Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная

Печать – ризография

Гарнитура Arial Cyr, 11

Усл. печ. л. 12,5

Уч.-изд. л. 11,78

Тираж 1000 экз.

Заказ № К-1515.

Издательство Казанского университета

420008 Казань, ул.Кремлевская, 18.

Отпечатано в ООО «Печатный двор».

Казань, ул. Журналистов, 1/16.

*Лицензия ПД № 7-0215 от 01.11.2001 выдана Поволжским
межрегиональным территориальным управлением МПТР РФ.*

В своей новой книге Искэндэр Ясавеев успешно продолжает исследование конструирования социальных проблем средствами массовой коммуникации. В ее первой части читатель знакомится с тем, как социологическая наука в целом трактует понятие “социальная проблема”. Автор подробно рассматривает специфику ряда ведущих подходов, среди которых выделяются интеракционистский и конструкционистский. Во второй части работы перед нами раскрывается механизм деятельности средств массовой коммуникации в контексте конструирования социальных проблем.

Несомненным достоинством книги является ее “включенность” в актуальный российский контекст. Автор предлагает оригинальный социологический взгляд на то, как общероссийские и региональные газеты и телекомпании “работают” с такими социальными проблемами, как преступность, ВИЧ/СПИД и другие. Особенно интересным является раздел, посвященный “наркотизирующему” эффекту средств массовой коммуникации и эмоциональному выгоранию аудитории в результате представления социальных проблем.

Книга написана понятным, доступным языком. Думается, что она привлечет внимание всех, интересующихся деятельностью средств массовой коммуникации.

*М. М. Назаров,
доктор политических наук,
Институт социально-политических исследований РАН*